

A large, black and white portrait of a man with dark hair, wearing a dark, high-collared jacket. He is looking slightly to the right of the camera with a serious expression.

ГЕОРГИЙ ЧЕРНЯВСКИЙ
МИХАИЛ СТАНЧЕВ
МАРИЯ ТОРТИКА (ЛОБАНОВА)

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ

**ХРИСТИАНА
РАКОВСКОГО**

1873 — ЕВРОПЕИЗМ И БОЛЬШЕВИЗМ: НЕОКОНЧЕННАЯ ДУЗЛЬ — **1941**

Георгий Иосифович Чернявский
Михаил Георгиевич Станчев
Мария Валериевна Тортика (Лобанова)
Жизненный путь
Христиана Раковского.
Европеизм и большевизм:
неоконченная дуэль

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8583089

*Жизненный путь Христиана Раковского. Европеизм и большевизм:
неоконченная дуэль: Центрполиграф; Москва; 2014
ISBN 978-5-227-05277-3*

Аннотация

На основании обширных архивных материалов ряда стран впервые подробно рассматривается жизненный путь одного из ярчайших лидеров международного социалистического движения болгарина Крстю (Христиана) Раковского, видного центристского деятеля II Интернационала, ставшего после 1917 года большевиком. Авторы проследили роль Раковского как государственного руководителя Украины – председателя ее правительства, его мужественную борьбу за подлинное равноправие республики в составе СССР,

против сталинского курса на унификацию, раскрыли попытки Раковского европеизировать СССР, когда он был полномочным представителем в Великобритании и Франции. Исследование выразительно повествует о противодействии Раковского установлению сталинского единовластия, пребывании в ссылке, возвращении в Москву на второстепенный пост и расправе с ним. Уделено внимание и личной жизни героя, его семейным и внесемейным связям, его родным и близким.

Книга написана живым языком, с увлечением читается и представляет интерес не только для специалистов, но и для самой широкой аудитории.

Содержание

Предисловие	9
Введение	15
Глава 1	28
1. Детство и юность наследника болгарских бунтарей	28
2. В международном социалистическом движении	57
3. Объединительная кампания и газета «Наперед»	85
4. Балканский центрист-циммервальдовец	122
Глава 2	147
1. Политическая эволюция 1917 г	147
2. Формирование дипломата. Переговоры с Румынией	158
3. Дуэль с Шелухиным: перемирие с Украиной	168
4. Продолжение дуэли: переговоры о мире и их срыв	191
5. Глава правительства и нарком иностранных дел Украины	226
6. Генуя и Лозанна	269
Конец ознакомительного фрагмента.	283

**Георгий
Чернявский, Михаил
Станчев, Мария
Тортика (Лобанова)
Жизненный путь
Христиана Раковского.
Европеизм и большевизм:
неоконченная дуэль**

© Чернявский Г. И., Станчев М. Г., Тортика (Лобанова)
М. В., 2014

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство
Центрполиграф», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного раз-

решения владельца авторских прав.

*** * ***

Предисловие

Имя героя этой книги проходило перед моим сознанием, хотя и на втором плане, на протяжении многих лет.

Началось это еще в раннем детском возрасте, когда моя мама, вспоминая о прошлом, рассказывала, как она в 1920 или 1921 году очутилась в доме Христиана Георгиевича Раковского, занимавшего тогда высокий пост главы правительства, председателя Совета народных комиссаров Украины.

Студентка Харьковского медицинского института одновременно работала лаборанткой в медицинском учреждении под громко звучавшим бюрократическим названием Центральная лечебная комиссия, сокращенно ЦЛК, пациентами которого являлись носители высшей власти – члены правительства и ЦК республиканской компартии (вспомним, что Харьков являлся столицей Украины). Ей приходилось не раз ездить в дом главы правительства Раковского, чтобы взять на анализ кровь то ли у самого этого высшего лица, то ли у его жены или приемной дочери. Естественно, такие визиты были волнительны, даже опасны (а вдруг лаборантка чем-то не понравится высокому начальству!) и потому запоминались на многие годы.

Самым интересным, что произвело на 20-летнюю студентку наиболее глубокое впечатление, было то, что, в отличие от других начальников, которых ей приходилось посещать по

работе, в доме Раковских вели себя иначе, не в хамско-советском барском стиле, – мама говорила, что там было «европейски», хотя о том, как ведут себя в Европе, она могла знать только из беллетристики. Да и сама обстановка в доме казалась соответствовавшей этому впечатлению. Когда позже, чуть повзрослев, я задал вопрос, в чем же состояла эта «европейскость», мама вначале задумалась, а потом сказала: «Это было достоинство в сочетании с простотой».

Так имя Раковского вместе с его позитивной оригинальностью впервые вошло в мое сознание.

Вторая моя встреча с именем Христиана Раковского произошла, когда я был уже студентом исторического факультета Харьковского университета.

Учебный план третьего курса предусматривал производственную практику. Для студентов, начавших специализироваться в сравнительно близкой к нашему времени хронологической области (она именовалась новой и новейшей историей), эта практика проходила в архиве, причем не в местном, а в республиканском архивном учреждении – Центральном государственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства УССР, находившемся в 50-х годах все еще в Харькове под патронажем Министерства внутренних дел.

Вступительную беседу с практикантами проводил заместитель директора архива – бог ведает, какой чин был у него в МВД. Начал он с тривиального, что «мы», то есть и он вме-

сте со штатом архива, и студенты-историки, являемся работниками идеологического фронта. Эту замшелую «новость» нам не уставали повторять слуги режима самого разного толка, и у молодежи, за исключением тех, кто уже стал карьеристами, а таких было немного, она вызывала только реакцию внутреннего отторжения.

Но вслед за этим чиновник, несколько запинаясь, перешел к вещам, которые заставили нас насторожиться. Он сказал, что, работая с архивной документацией Совета народных комиссаров Украины (изучение именно этого фонда находилось в центре внимания программы практики), мы постоянно будем сталкиваться с фамилиями лиц, которые позже оказались «врагами народа». «Не советую вам обращать внимание на эти имена, не запоминайте этого материала, пропустите соответствующие листы дел и ни в коем случае ничего не записывайте, – по-отечески увещевал нас «старший товарищ». – В противном случае у кого-то могут возникнуть очень серьезные неприятности» – так уже совсем не по-отечески завершил он вступительное напутствие.

О ком прежде всего шла речь, мы поняли на следующий день, когда перед нами открылась «святыня» – подлинныеклады архивной документации украинского правительства первых лет нэпа. Фамилия главы этого правительства Христиана Георгиевича Раковского упоминалась десятки, если не сотни раз в каждом деле (или, как говорят архивисты, единице хранения).

Пройти мимо этой фамилии было просто невозможно. Да мы отнюдь и не стремились к этому, поглощая ранее неведомую для нас документацию, впитывая факты, жизненные коллизии, реалии той судьбоносной эпохи, тем более что мы слышали о трагической судьбе этого человека, то ли расстрелянного, то ли замученного в концлагере по приказу Сталина. И только когда в комнате появлялись архивные стражи, внимание переключалось на что-либо более безопасное.

Запомнил из той архивной документации я, естественно, немного. Но образ нестандартного руководителя, человека широкой эрудиции, тогда уже вступавшего в конфликты со Сталиным, прочно вошел в память, полностью подтвердив детское впечатление.

В следующие годы, занявшись историей Болгарии в XX в., я часто сталкивался с именем и деятельностью Крыстю Раковского в качестве деятеля левой «тесносоциалистической» партии, а затем центриста, стремившегося к преодолению раскола болгарского, а позже и балканского социалистического движения. Это вызывало естественное уважение к неординарной личности, о которой писать до конца 80-х годов можно было разве что «в стол».

Так сложилось, что во второй половине 80-х годов мой интерес к Христиану Раковскому совпал с интересом моего младшего талантливой коллеги и друга, ныне профессора, доктора исторических наук Михаила Георгиевича Станчева. При этом его естественный интерес болгариста «подогревал-

ся» двумя дополнительными факторами – тем, что он, как и Раковский, болгарин, и тем, что его фамилия совпадает с подлинной, «отцовской» фамилией нашего героя.

Многочисленные беседы, обсуждение принципиальных, поворотных вопросов биографии Х. Г. Раковского привели к тому, что мы выявили почти полное совпадение позиций, а в тех случаях, когда в наших взглядах имелись расхождения, они легко, как мы поняли, могли быть преодолены в ходе совместной работы. Так возникло первое звено сотрудничества, которое продолжается по сей день и результатом которого стали три книги и несколько документальных публикаций и статей.

К нашему коллективу сравнительно недавно присоединилась молодая исследовательница, доцент, кандидат исторических наук Мария Валериевна Тортика (Лобанова). Историк-музеевед по специальности, она посвятила свою кандидатскую диссертацию и статьи роли Раковского в болгарском социалистическом движении начала XX в., но главным образом Раковскому-центристу, «посреднику» между различными течениями в балканских и международных рабочих организациях. Включившись в нашу работу, она со свойственной ей склонностью к теоретическим выкладкам и абстрактным комбинациям, базирующимся, разумеется, на анализе фактического материала, внесла новый тон в наше конкретно-историческое исследование.

Таково наше исследовательское трио, в котором мысли,

фактические данные, источники, их анализ и сделанные на этой основе выводы теснейшим образом переплетаются и в котором каждый соавтор несет полную ответственность за весь текст. Мы не в состоянии выделить те или иные разделы или главы, написанные кем-либо из нас отдельно. Естественно, моя ответственность как «первого автора» – наиболее весомая и серьезная. Точнее сказать: все позитивное, чего мы добились, осуществлено в результате усилий нашего коллектива, все то, что можно было бы отнести к явным недостаткам или упущениям, лежит на моей совести.

*Г. И. Чернявский,
профессор, доктор исторических наук,
Университет им. Джонса Гопкинса
(Балтимор – Вашингтон, США)*

Введение

Динамичное время, которое пережили в 90-х годах прошлого века народы бывшего СССР и стран Восточной Европы, позволило сделать доступными обществу массу имен, которые ранее либо скрывались власть предержащими и их идеологическими слугами, либо осыпались обвинениями и клеветой.

Одно из этих имен – Христиан Георгиевич Раковский, болгарин по происхождению, видный деятель социалистического движения Болгарии, Румынии, Западной Европы конца XIX – начала XX в., ставший советским государственным и партийным работником крупного масштаба – председателем Совнаркома Украины в 1919–1923 гг., полномочным представителем СССР в Великобритании и Франции (1923–1927), одним из активнейших борцов против тоталитарного режима в СССР, что и привело к его гибели в 1941 г.

В отношении Х. Г. Раковского не раз можно употребить слова «самый» или «единственный». Он был единственным болгаринном, попытавшимся начать переписку с Ф. Энгельсом и являвшимся членом Международного социалистического бюро II Интернационала. Он был единственным болгаринном и вообще уроженцем другой страны, ставшим членом ЦК РКП(б), а затем ЦК ВКП(б) и возглавившим правительство второй по масштабам и значению советской рес-

публики. Он был первым и самым деятельным среди тех, кто открыто выступил против шовинистических планов и действий И. В. Сталина. Вместе с Л. Д. Троцким он был наиболее стойким руководителем антисталинской оппозиции конца 20-х – начала 30-х годов, прекратившим оппозиционную деятельность лишь через длительное время после того, как другие оппозиционеры капитулировали. Эти определения – «самый» и «единственный» – можно было бы продолжить и в более узких рамках.

Когда-то, в 20-х годах прошлого века, имя Х. Г. Раковского как главы украинского правительства, а затем одного из виднейших дипломатов СССР не сходило со страниц прессы, причем не только советской, но и авторитетнейших органов Западной Европы и Северной Америки, где публиковались его многочисленные статьи, доклады, интервью, выступления на международных конференциях, его портреты.

Позже, в конце 20-х годов, когда Раковский стал активным участником антисталинской оппозиции и был отправлен в ссылку, его имя постепенно исчезло из печати и стало все реже упоминаться за рубежом (за исключением издававшегося сторонниками Л. Д. Троцкого «Бюллетеня оппозиции (большевиков-ленинцев)»). Осуждение Раковского на судебном фарсе по делу «правотроцкистского блока» в 1938 г. привело к тому, что на его имя был наложен почти полный запрет в СССР.

Правда, о его работе в болгарском и румынском социали-

стическом движении до 1917 г. иногда писали историки этих стран. Что же касается советской исторической мифологии, которая получила название истории КПСС, то она, затрагивая развитие внутрипартийной борьбы в РКП(б) – ВКП(б) в 20-х годах, вплоть до середины 80-х годов шельмовала Раковского в духе, порожденном сталинской диктатурой.

Иногда имя Раковского все же прорывалось на страницы советских документальных изданий, но с неизменным примечанием о том, что он был исключен за оппозиционную троцкистскую деятельность.¹

Статьи о Х. Г. Раковском встречаются в некоторых западных энциклопедиях, но они свидетельствуют о слабой разработанности его биографии. В томе Британской энциклопедии, изданном в 1965 г., например, отсутствует дата смерти, неверно названо место ссылки (Сталинград), дата ареста (февраль 1938 г.) и др.²

И все же западная историография, не скованная политическими догмами, значительно опередила российскую в исследовании жизни и деятельности Х. Г. Раковского. Еще в 30-х годах бывшая германская коммунистка Рут Фишер, по-

¹ Пожалуй, исключение составляли немногие работы, связанные с изучением рабочего движения на Балканах до 1917 г. В частности, можно назвать исследования А. К. Мошану (Рабочее и социалистическое движение в Румынии (1907–1914). Кишинев, 1974) и Е. И. Спиваковского (В. И. Ленин и борьба за единство рабочего движения на Балканах в дооктябрьские годы. 1910–1915 гг. Воронеж, 1971).

² Encyclopaedia Britannica. London, 1965. Vol. 19. P. 958.

рвавшая с коммунистическим движением, собиралась написать книгу о Раковском. В Хотонской библиотеке Гарвардского университета (США) в архивном фонде Р. Фишер сохранился план этой работы, которая так и не была создана.³ Ценные упоминания о Х. Раковском обнаруживаются в монографиях Дж. Браунталя⁴ и Г. Хоупта.⁵

Наконец, уже в 1975 г. после появления нескольких статей⁶ вышел двухтомный труд (докторская диссертация) француза Франсиса Конта, попытавшегося создать политическую биографию Христиана Раковского.⁷ Через несколько лет часть книги была переиздана без существенных изменений.⁸ Автор последовательно описал основные этапы жизни

³ *Broue P. Rako (Kristian Georgievitch Rakovsky). – Cahiers Leon Trotsky. 1984. № 18. P. 22.*

⁴ *Braunthal J. History of the International 1864–1914. New York, 1967. V. 1.*

⁵ *Haupt G. Socialism and the Great War. The Collapse of the Second International. Oxford, 1972.*

⁶ *Conte F. Christian Rakovski, Commissaire aux affaire etrangeres de l'Ukraine, janvier 1919 – aout 1923. – Cahiers du monde russe et sovietique. 1971. № 4. P. 439–467; Ibid. Christian Rakovski et l'usage de la force armee dans un mouvement revolutionnaire: le cas de l'Ukraine (janvier – aout 1919). – Revue d'histoire moderne et contemporaine. Paris, 1973. T. XX. P. 523–552; Ibid. Autour de la polemique Rakovski-Stalin sur la question nationale, 1921–1923. – Cahiers du monde russe et sovietique. 1975. № 1. P. 111–117.*

⁷ *Conte F. Christian Rakovsky (1873–1941): Essai de biographie politique. Lille. 1975. V. 1–2.*

⁸ *Conte F. Un revolutionnaire-diplomate: Christian Rakovskiy: L'Union Sovietique et l'Europe (1222–1941). Paris, 1978. Рус. перевод: *Конт Ф.* Революция и дипломатия: Документальная повесть о Христиане Раковском. М., 1991. Перевод кни-*

и деятельности своего героя на сравнительно узкой базе в основном опубликованных источников. Невозможность использовать советские архивные материалы и ограниченность использования других источников советского происхождения обусловили неполноту этой ценной работы в освещении советских этапов деятельности Раковского, особенно после 1927 г. Те части обеих книг, которые посвящены периоду 1927–1941 гг., существенно отличаются от предыдущих более общим характером, слабостью источников и тематическими пробелами.⁹

Краткое, но весьма содержательное жизнеописание Х. Г. Раковского создал другой видный французский историк Пьер Бруэ, который затем опубликовал книгу, посвященную Рако.¹⁰

Представляют ценность работы болгарских авторов, опубликованные в конце 80-х – 90-х годах, – книги Ф. Панайотова,¹¹ статьи А. Векова, Ж. Дамяновой и др.¹²

ги страдает массой ошибок и неточностей и, что особенно прискорбно, путаницей при вторичном переводе с французского языка на русский документов, оригиналы которых были написаны на русском языке.

⁹ Ibid. P. 207–288.

¹⁰ *Broue P. Rako. (Khristian Georgievitch Rakovsky). – Cahiers Leon Trotsky. 1984. № 17. P. 7–35; № 18. P. 3–21.* Оба номера журнала почти полностью посвящены Раковскому. Помимо работы П. Бруэ в них опубликована значительная документация. См. также: *Broue P. Rakovsky ou la révolutoptn dans tous les pays. Paris, 1996.*

¹¹ *Панайотов Ф. Доктор Кръстю Раковски: Допълнения към автобиографията му. София, 1988; Он же. И мъртвите ще проговорят: Допълнения към автобиографията на д-р Кръстю Раковски. София, 1990; Он же. Животът и смъртта на*

Только постановление Верховного суда СССР о реабилитации Х. Г. Раковского и других лиц, в отношении которых был вынесен несправедливый приговор по делу «правотроцкистского блока» в марте 1938 г., а вслед за этим посмертное восстановление его в партии (похоже, что никто об этом не просил!) открыли возможность объективного изучения в СССР советских периодов жизни и деятельности видного политика и дипломата.

Появилось немало статей о Раковском, но носили они, как правило, общий характер, а в некоторых из них было немало неточностей и даже серьезных ошибок. И в лучшей из этих статей, написанной известным специалистом по истории русско-балканских связей В. Я. Гросулом, советскому периоду деятельности Х. Г. Раковского посвящена незначительная часть, а оппозиционной деятельности – менее одной страницы, причем характер изложения здесь был явно уклончивым и, мы сказали бы, стыдливым. «В рядах оппозиции оказался и Х. Раковский, – писал автор. – Этот его шаг нельзя объяснить только оторванностью от внутренней жизни, недостаточным знанием положения вещей на местах,

Кръстью Раковски. София, 2003.

¹² *Веков А.* Към въпроса за участието на Кръстью Раковски в руското революционно движение (1891–1912 г.) // Известия на Института по история на БКП. София, 1985. Т. 53. С. 287–308; *Он же.* Кръстью Раковски на конгресите на Втория Интернационал // Исторически преглед. 1989. № 7. С. 25–37; *Дамянова Ж.* Кръстью Раковски – живот и дейност // Известия на Института по история на БКП. София, 1989. Т. 64. С. 118–144 и др.

хотя и это имело место».¹³ Ничего в статье не сказано о пребывании Раковского в ссылке, работе после нее, о процессе 1938 г.

В 1990 г. вышла книга киевских историков В. Н. Волковинского и С. В. Кульчицкого, жанр которой на титульном листе обозначен как политический портрет, а во введении как политическая биография Х. Раковского.¹⁴ Однако в книге подробно разработан лишь период 1919–1923 гг., а предыдущие и последующие этапы деятельности описаны схематично, с ошибками и неточностями.

Принципиально не отличается от этой работы в характере описания деятельности Х. Г. Раковского изданная вслед за ней книга В. Е. Мельниченко, выполненная в «научно-художественном жанре»¹⁵ (что означает таковой жанр, понять трудно). Она также в основном посвящена деятельности Раковского на Украине (для освещения привлечен значительный документальный материал, на места хранения которого автор, впрочем, не ссылается), а о других этапах его биографии говорится вскользь, причем при немалом числе фактических ошибок; бросается в глаза явная приверженность автора догматическим оценкам, восходящим к периоду пре-

¹³ *Гросул В. Я.* Х. Г. Раковский – революционер, дипломат, публицист // Новая и новейшая история. 1988. № 6. С. 173.

¹⁴ *Волковинський В. М., Кульчицький С. В.* Християн Раковський: Політичний портрет. Київ, 1990. С. 4–5.

¹⁵ *Мельниченко В.* Нескорений: Науково-художня книга при Християна Раковського. Київ, 1990.

ступного сталинского всевластия, хотя и соседствующим с разоблачениями сталинизма.

Наличие некоторой литературы отнюдь не снимает необходимости дальнейшего углубленного изучения всех аспектов жизни и деятельности этой далеко неординарной личности. Сказанное связано с тем, что значительная, если не сказать подавляющая, часть этой литературы находится под сильным политико-идеологическим влиянием, что она преимущественно очерковая, что сохраняются значительные лакуны, что авторы оставили без внимания массивы документов, связанные с теми или иными сторонами или этапами напряженной деятельности нашего героя.

Подробное воссоздание работы Х. Г. Раковского в качестве румынского, болгарского, международного социалистического деятеля, главы правительства УССР, советского дипломата первых лет власти большевиков, политического представителя СССР в Великобритании и Франции, его выступлений против сталинского шовинистического курса по национальному вопросу, его участия в оппозиционной деятельности в составе объединенной оппозиции и в ссылке, возвращение из ссылки, арест, несправедливый процесс, последние годы жизни в застенке остаются актуальной задачей. Именно таковы основные вехи этой работы.

Работа выполнена в жанре научно-популярной биографии, для авторов которой историческая личность важна не только сама по себе, но прежде всего в зависимости от ее ро-

ли в тех событиях, в которых она принимала деятельное участие. При этом мы стремились дать представление не только о Раковском-политике, но и о человеке с его разнообразными интересами, чаяниями, средой родных и близких людей.

Информационный и документальный материал, привлеченный авторами для выполнения этой работы, разнообразен. Архивная документация, которую удалось обнаружить, касается ряда важных моментов. В российских и украинских архивах отложились большие документальные массивы, связанные с деятельностью Х. Г. Раковского. Касаются они главным образом его работы на Украине в 1919–1923 гг., в качестве полпреда в Великобритании и Франции в 1923–1927 гг. Эти сюжеты в полной мере обеспечены первичными документами, позволяющими проводить сравнения и на их основании устанавливать истинное положение вещей.

Что же касается биографии Раковского с того времени, когда он включился в оппозиционную деятельность, то доступная документация архивов России освещает ее крайне скудно.

Разнообразные и важные документы выявлены в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ). Они дают представление главным образом об участии Раковского в оппозиционной деятельности, его пребывании в ссылке в конце 20-х – первой половине 30-х годов. Особый интерес представляют в этом смысле личные фонды Л. Д. Троцкого, Г. Е. Зиновьева, Л. Б. Каменева, К. Б.

Радека, И. В. Сталина. Личный фонд Раковского в архиве, к сожалению, отсутствует. Несколько дополняет названный материал документация местных госархивов.

Большой документальный материал Х. Г. Раковского, касающийся его работы в Наркомздраве РСФСР и смежных вопросов, находится в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). Наряду с двумя его личными делами мы здесь выявили стенограммы и протокольные записи многих десятков его выступлений, сотни писем, документацию, связанную с его деятельностью, воспоминания Раковского, нигде не опубликованные.

В других фондах ГАРФ имеются интересные и важные документы, связанные с пребыванием Х. Раковского в России в конце XIX в.

Авторы имели возможность изучить документацию фонда Л. Д. Троцкого в Хотонской библиотеке (Библиотеке рукописей и редких книг) Гарвардского университета (США). Здесь в фонде Л. Д. Троцкого находится исключительно интересная корреспонденция Троцкого и Раковского – письма из ссылки в ссылку, а также тексты заявлений и другие документы оппозиции, в выработке которых инициативное участие принимал Раковский, рукописи его статей, материалы обсуждений его позиции и др.

Представляют интерес документы Центрального государственного архива Республики Болгарии, связанные с ранними этапами деятельности Раковского, а также откликами на

его арест в 1937 г. и суд над ним в 1938 г.

К сожалению, в Центральном архиве Федеральной службы безопасности РФ (бывшем Центральном архиве КГБ СССР), судя по информации его сотрудников (описи исследователям не выдаются), помимо следственного, судебного и тюремного дел 1937–1941 гг., материалов, связанных с Х. Г. Раковским, нет. Куда девался огромный личный архив, который, как свидетельствовали очевидцы, удалось вывезти в ссылку, рукописи трудов, написанных в ссылке, письма и т. д., остается неизвестным. Скорее всего, эти ценнейшие материалы были уничтожены варварами из ОГПУ. Но надежду найти их не следует терять до тех пор, пока не будет доказана гибель бумаг Х. Г. Раковского и пока не будут по-настоящему открыты для исследователей фонды бывшего КГБ СССР. Из следственного и тюремного дел в Центральном архиве ФСБ РФ нами были взяты важные сведения, позволяющие, в частности, судить о тех испытаниях и муках, которые пришлось пережить Раковскому в советском застенке, о той тактике, которую он избрал с того времени, когда решил давать фиктивно «признательные» показания.

Некоторые документальные материалы нами обнаружены и в других архивах. Всего авторами использованы документы двадцати архивов из России, Украины, Болгарии, Великобритании и США.

Наконец, весьма полезной была информация прессы – советских газет и журналов, «Бюллетеня оппозиции (больше-

виков-ленинцев)», издававшегося сторонниками Л. Д. Троцкого в Западной Европе, «Социалистического вестника» (зарубежного журнала российских меньшевиков), а также некоторых других зарубежных изданий. В прессе обнаружены важные труды и заявления самого Раковского.

Большую помощь оказала четырехтомная публикация документов из архивного фонда Л. Д. Троцкого, хранящегося в Хотонской библиотеке, осуществленная Ю. Г. Фельштинским,¹⁶ а также книги Л. Д. Троцкого «Сталин», «Сталинская школа фальсификации» и особенно воспоминания Троцкого о Раковском, подготовленные для книги «Мы и они», которая так и не увидела света.¹⁷

Авторы считают своим приятным долгом выразить признательность коллективам архивов и библиотек, где им довелось работать, получая максимальную помощь. Они благодарны поэту Е. А. Евтушенко за помощь в получении некоторых архивных материалов из США в то время, когда сами они еще не имели возможности там поработать, и Н. Н. Мурзину за содействие в расшифровке части рукописных текстов Раковского. Существенно важными были консультации внучатого племянника Х. Г. Раковского академика Христиана Валерьяновича Раковского, предоставившего к тому же фо-

¹⁶ *Коммунистическая оппозиция в СССР 1923–1927*. Benson, Vermont, 1988. Т. 1–4.

¹⁷ Эти воспоминания вошли в сборник, подготовленный также Ю. Г. Фельштинским: *Троцкий Л. Портреты революционеров*. Benson, Vermont, 1988. С. 309–344.

тографии из семейного архива, которому авторы также выражают сердечную благодарность. Мы признательны своему соавтору по книге о дипломатической деятельности Раковского В. А. Головки, который предоставил в наше распоряжение ценные материалы.

Мы надеемся, что наш труд будет способствовать воссозданию яркой и интересной, но отнюдь не лишенной противоречий биографии Христиана Георгиевича Раковского и в целом восстановлению исторической правды о трагическом советском периоде российской истории.

Глава 1

Между прошлым и будущим: от К. Станчева до Х. Г. Раковского (1873–1917)

1. Детство и юность наследника болгарских бунтарей

Герой этой книги Христиан Раковский родился 1 августа 1873 г. в балканском городе Котел в Болгарии. Правда, тогда он не был ни Христианом, ни Раковским. Сына Георгия Станчева называли Крыстю, и, стало быть, полное имя его было Крыстю Георгиев Станчев. Именно такой вариант имени был принят в семье, хотя в образовании полных имен болгар в XIX в. существовала путаница. Фамилию могли дать не только по фамилии, но и по имени отца, по имени деда и даже по их профессии или по месту жительства. Так что с равной возможностью новорожденный мог получить фамилию Георгиев, мог стать Тырговиевым или Земиевым (отец занимался торговлей и владел земельной собственностью) и даже Котлевым. Только намного позже в формирование имен официально была внесена упорядоченность, которая совпа-

ла с тем вариантом, который практиковался в семье Георгия Станчева и его родных.

Отец Крыстю владел значительным участком земли в равнинном крае Добрудже недалеко от г. Мангалия на берегу Черного моря. Благодатный климат города позже превратит Мангалию в курорт международного класса. Но Георгию, стремившемуся жить зажиточно, этого казалось мало. Он также занимался овцеводством, прирабатывал полуоптовой торговлей. Он принадлежал к большому котленскому роду, основателем которого был его отец Станчо Кынев Велев, которому удалось дать своим детям приличное по тем временам образование. Георгий, как образованный и прогрессивно мыслящий человек, почти свободно владел греческим, турецким и румынским языками. Языковые способности унаследовал от него Крыстю. Отец был сторонником либеральных взглядов и стремился привить сыну свободомыслие.

Мать Мария Крыстева Станчева (в девичестве Тырпанска), также уроженка города Котел, происходила из семьи, известной в Болгарии повсеместно. Она была племянницей Георгия Стойкова Раковского, одного из крупнейших деятелей национально-освободительного движения болгар против османского владычества. Сам К. Раковский в автобиографии много позже напишет: «Вся моя семья, как видно из словаря Брокгауза и Ефрона, с начала XVIII столетия занимает одно из первых мест в истории революционной борьбы Бал-

кан». Раковский имел в виду не только Георгия Раковского, но и своего более отдаленного предка Георгия Мамарчева¹⁸ и даже свою бабушку – Нанку Тырпанскую. Георгий Станчев и Мария Тырпанска состояли в родстве по боковой линии (дед Г. Станчева Георгий Гуштеров был женат на Тодорке Мамарчевой – родной тетке Г. Мамарчева), и на их брак понадобилось специальное разрешение Константинопольской патриархии.

Так Крыстю оказался географически связанным с двумя великолепными местами Балкан, а происхождением – с одним из основоположников национального Возрождения. Котел – город, хранящий поныне многие легенды и исторические традиции болгарского народа. На подступах к городу посетители встречают три каменных стражника, а напротив них высечена на скале дата основания города – 1280 год (дата явно ошибочная, ибо в источниках основание Котела относят к XV в.). Лежащий в долине в центре Балканских гор, Котел был одним из центров национально-освободительного движения болгар против Османской империи во второй трети XIX в. (в городе находится богатый музей котленских возрожденцев). И сегодня в этом небольшом ныне городе со-

¹⁸ Георгий Мамарчев – болгарин, офицер русской армии. О его национально-освободительной деятельности известно с 1834 г., когда, по словам К. Раковского, он предпринял «первую попытку организованного восстания против турецкого владычества» (*Раковский Х. Г. Автобиография // Энциклопедический словарь Русского библиографического института «Гранат»: Деятели СССР и революционного движения России. М., 1989. Т. 41. Ч. 2. С. 170.*)

хранились в основном дома первой половины XIX в. из дерева и камня, образующие длинные ряды на узких, мощенных булыжником улочках. На первых этажах домов обычно располагались ремесленные лавки и ковровые мастерские, часть из которых сохранилась по наши дни.

Совершенно иным был уже в XIX в. второй городок, с которым связана была семья Станчевых, – Мангалия, расположенная на Черном море в центральной части Добруджи. Волею истории и тех, кто поворачивал ее руль, Мангалия входила в состав то Болгарии, то Румынии. Ныне она в Румынии, почти на самой болгарской границе. Славящаяся великолепными песчаными пляжами и термальными источниками, эта местность не имеет тех воинственно-революционных черт, которые присущи Котелу. Но и она пропитана историей – еще с древних времен, когда была колонией Рима. В то же время расположенная недалеко от крупного города Констанца, Мангалия тяготеет к нему своей хозяйственной жизнью и инфраструктурой.

Селение Геленджик, что возле Мангалии, было именем Георгия Станчева. Сюда часто приезжал Раковский в годы своих скитаний по Европе. Он управлял имением после смерти отца. Здесь, в доме Раковских, некоторое время жил Лев Троцкий, работавший корреспондентом газеты «Киевская мысль» во время Балканских войн, здесь молодая супруга Раковского Елизавета Рябова вела свой дневник. И сегодня дом Раковских в Геленджике сохранился, но, к сожа-

лению, необитаем и стал убежищем для бездомных...

Разумеется, географическая среда и окружение оказывали на юного Крыстю немалое влияние, формируя и тягу к природе, к горным кручам и склонам, и любовь к морским просторам. Но несравненно большее воздействие оказывали семейные традиции, прежде всего связанные со знаменитым родственником по материнской линии.

Духовное наследие этого замечательного человека во многом предопределило то направление деятельности, по которому пошло развитие Крыстю уже в юношеском возрасте. Это влияние было настолько мощным, что, достигнув 14 лет, он с согласия родителей поменял фамилию, став Раковским. Революционер, публицист, государственный деятель Крыстю Станчев известен миру как Раковский, и с этой фамилией он уйдет из жизни в 1941 г.

Необходимо кратко рассказать о том человеке, фамилию которого Крыстю унаследовал.

Он родился в 1821 г. все в том же бунтарском городе Котеле. Однако изначально он был известен под другим именем – Сыби Стойков Попович. В юности, как и Крыстю, он также изменил свои имя и фамилию. История возникновения этой фамилии восходит к наименованию села Раково, откуда и происходил его род. Имя же стало памятью о его уже упоминавшемся родственнике – дяде, капитане Георгии Мамарчеве.

В 20-летнем возрасте Георгий Раковский включился в национально-освободительную борьбу, действуя за пределами болгарских земель – в Греции, а затем в Румынии. За участие в бунтах в 1841 и 1844 гг. он был осужден на смерть, однако смог бежать и даже добраться до Франции, где провел в Марселе полтора года. Возвратившись в Котел, этот неугомонный юноша сразу возглавил выступления местных ремесленников против так называемых чорбаджиев – болгарских богатеев, сотрудничавших с турками. Он был арестован и три года провел в заключении в Константинополе.

Выйдя на свободу уже зрелым политиком, он сосредоточился на пропаганде борьбы за государственную независимость Болгарии. Когда началась Русско-турецкая война 1853–1856 гг., он образовал в Константинополе тайное общество с целью помощи российским войскам и даже смог поступить переводчиком в турецкую армию, чтобы вести против нее шпионско-диверсионную работу. С этого времени он, подобно многим соотечественникам, с надеждой смотрел на императорскую Россию, будучи уверенным, что «дядо Иван» («дедушка Иван») в конечном итоге придет на помощь балканским братьям. Вновь он был схвачен и вновь смог убежать – турецкие стражи порядка были ленивы и глупы, при определенной хитрости и ловкости, которыми Георгий уже овладел, их не так уж трудно было обвести вокруг пальца.

В 1854 г. он образовал вооруженный отряд (чету) и пытал-

ся связаться с русскими войсками в горах Балканского хребта. Из этой затеи ничего не вышло, и Раковский возвратился в родной Котел, где занялся литературным творчеством, написав поэму «Лесной странник».

Отправившись затем в Бухарест и воспользовавшись тем, что Румыния стала к этому времени автономным княжеством, хотя и оставалась вассалом Османской империи, Раковский стал издавать здесь болгарские газеты. Он продолжал эту работу и в следующие годы в Белграде, где начала выходить его газета «Дунавски лебед». Именно в Белграде в 1861 г. Раковский написал два принципиальных для болгарской истории документа: «План освобождения Болгарии» и «Устав временного болгарского начальства в Белграде». В них он в качестве основной задачи сформулировал идею создания на территории Сербии болгарской армии под единым командованием. Ее вторжение на болгарскую территорию, по замыслу Георгия, должно было стать стимулом всеобщего восстания.

Стремясь воплотить в жизнь эти идеи, он в 1862 г. сформировал в Белграде болгарский легион и стал его командиром. Но правительство Сербии, у которого во время Русско-турецкой войны обострились отношения с Турцией, вскоре их нормализовало, а легион распустило. Оказалось, что план создания национальной армии на иностранной территории чреват зависимостью болгарских патриотов от политики соседей. Но вне помощи соседних держав план осво-

бождения Болгарии представлялся Раковскому невыполнимым. Эти противоречия примирить было трудно, хотя Раковский всячески к этому стремился. Он прилагал огромные усилия к созданию Балканского союза, в котором в качестве равноправной части фигурировал бы болгарский народ во главе со своим представительством.

Вновь обосновавшись в 1863 г. в Бухаресте, Георгий издавал здесь новые газеты, вел переговоры с деятелями Греции, Румынии, Черногории, которые успехом не увенчались и показали почти полную невозможность использовать незаангажированную внешнюю помощь в национальном освобождении Болгарии. Убедившись в этом, он в 1866 г. образовал своего рода эмигрантское правительство в лице Верховного народного болгарского начальства с задачей организовывать четы и в плановом, последовательном порядке направлять их в Болгарию для вооруженной борьбы против турок. Раковский верил, что при помощи таких отрядов можно будет поднять народ на всеобщую борьбу.

Действительно, в 1867 г. удалось сформировать и отправить на болгарскую территорию две четы во главе с воеводами Панайотом Хитовым и Филипом Тотю, действия которых стали началом вооруженной борьбы за национальное освобождение, увенчавшейся героическим Апрельским восстанием 1876 г., окончившимся поражением и кровавой резней.

Однако Георгий Раковский не мог быть свидетелем этих исторических событий – он скончался в тот год, когда в Бол-

гарию отправились первые четы.

Свободолюбивый дух предка буквально озарял жизнь не только Крыстю, но и его сестер Марии и Анны, которые во многом стремились подражать брату. Им хорошо было известно и об участии в национально-освободительной борьбе Георгия Мамарчева и других членов этой вольнолюбивой семьи.

Уже в ранней юности у Крыстю пробудилась симпатия к России, причем не только в силу революционной деятельности его предков, связанной с могущественной северной державой. Малым ребенком он был свидетелем Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., которая действительно принесла основной части Болгарии национальное освобождение. Вот что писал сам Раковский через много лет в краткой автобиографии: «Мне тогда было не больше пяти лет, но в моей памяти через много лет сохранился смутный образ русских солдат, которые проходили тогда через Балканы. Наш дом был одним из лучших в городе и стал поэтому квартирой высшего офицерского состава. Встречал я и генерала Тотлебена, организатора осады Плевны; встречал и провожал князя Вяземского, одного из начальников дивизии Болгарского ополчения, который, будучи ранен, пролежал в нашем доме более сорока дней».¹⁹

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. внесла в судьбу се-

¹⁹ *Энциклопедический словарь Русского библиографического института «Гранат»*. Т. 41. Ч. 2. С. 170.

мьи Станчевых большие изменения. В соответствии с Берлинским трактатом 1878 г. северная часть Добруджи, исконно болгарской земли, отошла к Румынии. Мангалия оказалась в этой части, хотя всегда считалась относящейся к Южной Добрудже. В 1881 г. семья вынуждена была переехать в Румынию, что дало возможность сохранить собственность в Мангалии.²⁰ Станчевы стали подданными румынского короля, хотя им удалось сохранить дом и имущество в Котеле.²¹ К сожалению, сам дом семьи Станчевых до сегодняшнего дня не сохранился. Он сгорел во время пожара в 1894 г. Сегодня рядом с этим местом расположилась городская мэрия. Мемориальная доска на стене другого дома, на которой написано, что здесь жила семья Станчевых, содержит, увы, ошибочную информацию.

Существование недвижимой собственности в Котеле позволило Крыстю проводить основное время в родной стране. Начальное образование он получил в родном городе, затем учился в Варне, где жила старшая сестра Мария, вышедшая замуж.

Племянница Раковского Койка Тинева (дочь Марии) позже вспоминала, что первоначально бунтарство Раковского вылилось в оппозицию реакционному учительству. Его

²⁰ Централен държавен архив на Република България (далее ЦДА на РБ). Ф. 156Б. Оп. 1. Арх. ед. 75. Л. 1.

²¹ После смерти отца в 1903 г. он получил в наследство состояние, равное восьми тысячам ливров. По словам П. Бруэ, «это были колоссальные деньги» (*Broue P. Rakovsky on la Revolution dans tous les pays*. P. 60).

протест был детским и эмоциональным: Раковский плюнул вслед проходившему мимо наиболее, по его мнению, реакционному учителю. Кто-то из учеников донес на него. Оскорбленный учитель на следующий день, войдя в класс, заявил: «Крыстю Георгиев (Георгиев по отцу Георгию Станчеву. – *Авт.*), свинья, выйди из класса!»²² Так, по воспоминаниям Тиневой, было «санкционировано» исключение Раковского из варненской гимназии.

Однако все было не так просто. По всей видимости, его действия уже в 14 лет имели некую политическую окраску. Именно в этом возрасте он берет фамилию своего родственника. Именно теперь он и стал подписываться как Крыстя Ряковский. Негодование не было единоличным психологическим срывом подростка, поскольку параллельно (в 1887 г.) в варненской гимназии вспыхнул самый настоящий ученический бунт. Известно, что эта гимназия давала хорошее общее образование, но ученики ее отличались бурным нравом, склонностью к политическому радикализму – анархистского, социалистического и иного толка. Раковский был среди тех, кто организовал акцию протеста, как «поджигатель» был арестован и лишь после этого исключен из учебного заведения.

Год он провел в родительском доме в Котеле, читая без разбору все, что было в отцовской библиотеке, и то, что при-

²² Чакалова Л. Д-р Кръстю Раковски в спомени и документи // Векове. 1988. № 4. С. 5.

носили друзья.

Получив разрешение продолжать образование, он едет в Габрово, где в 1888 г. поступает в Априловскую гимназию – одно из самых престижных средних учебных заведений страны, основанное еще в 1835 г. выдающимся национальным просветителем Василом Априловым. Это было то, что нужно. Априловская гимназия была известна своей либеральной атмосферой. Там у Раковского сразу же появляются друзья, и не просто друзья, а единомышленники. Все это юноши с такой же бурлящей кровью, что и у него, романтики, жаждущие действия, хотя многое из того, что они делали, для них еще было наполовину игрой. Именно там, в Габрово, впервые приобщается Раковский к социал-демократической деятельности, там впервые знакомится с марксизмом и принимает некоторые его идеи.

То, что именно в эти годы учение Маркса начинает пропагандироваться на болгарской почве, объясняется разными причинами, причем как экономическими, так и духовно-политическими. Страна готовится к мощному рывку, который станет основой модернизационных процессов на Балканах в конце XIX – первой четверти XX в. Пока же исподволь, почти незаметно, возникали новые промышленные предприятия. Экономический рост Болгарии открывал ее не только для более свободного проникновения западных товаров и технологий, но и для западноевропейских идей. В то же время причиной активизации марксистских взглядов в Бол-

гарию стало влияние российской политической оппозиции и возвращение на родину болгар, являвшихся сторонниками социал-демократических взглядов. Достаточно назвать имя Димитра Благоева – основателя первой марксистской группы в России, высланного из страны в марте 1885 г.

Ученики габровской гимназии улавливали новые веяния и довольно скоро начали активно действовать. С 1886 г. в Болгарии выходила газета «Росица», которую издавал преподаватель габровской гимназии Евтим Дабев. В этой газете была опубликована первая работа Маркса, переведенная на болгарский язык, – «Наемный труд и капитал». Именно вокруг Е. Дабева объединилась группа молодежи, преимущественно из Априловской гимназии. Наиболее заметными фигурами этого кружка стали Слави Балабанов, Стоян Ночков и Крыстю Раковский. К. Раковского и С. Балабанова связывали тесные дружеские отношения, о чем позже вспоминал Г. Бакалов.²³ Вместе они сумели выпустить несколько номеров подпольной ученической газеты «Огледало» («Зеркало»), в которой К. Станчев впервые начал подписывать свои статьи фамилией Раковский.

Более того, эта небольшая группа ухитрилась издать в болгарской провинции в переводе книгу Ф. Энгельса «Развитие социализма от утопии к науке»,²⁴ для чего все члены

²³ Бакалов Г. Два письма Фридриха Энгельса к болгарам // Летопись марксизма. 1926. № 1. С. 75.

²⁴ Веков А. Младоста на д-р Раковски (1873–1903 г.) // Летописи на младежкото

группы специально сдали по сорок левов. Группу не миновало увлечение анархизмом, поскольку Раковский и Балабанов переводили и анархо-социалистические брошюры, а год спустя С. Балабанов и Г. Бакалов, находясь в городе Стара-Загора, даже опубликовали анархистский манифест князя Кропоткина. Впрочем, даже тех незначительных знаний и нестойких убеждений, которые сформировались у Раковского в Габрово, оказалось достаточно, чтобы его исключили из гимназии.

Однако на этот раз исключение оказалось совершенно иным, качественно отличным от исключения 1887 г. Можно сказать, что эти два события отличались друг от друга, как детство отличается от юности. Детской наивности и неосознанной импульсивности поступков в поведении К. Раковского уже не было. Напротив, он прекрасно осознавал что делает и к каким последствиям это может привести.

Очень показательным письмом Раковского к родителям по поводу его исключения в 1890 г. из габровской гимназии. Оно четко иллюстрирует направленность эмоционального и политического становления личности автора. Раковский точно знал теперь, что его деятельность не может быть одобрена реакционным руководством гимназии. Однако он считал себя правым даже после окончательного исключения, уже без права восстановления в каком бы то ни было болгарском учебном заведении. Он пишет родителям, чтобы объ-

яснить свою позицию и доказать, что имеет право на их прощение и уважение: «Я исключен из всех училищ княжества Болгарии... но это ничего не стоит. Я уже не мог учиться в Болгарии... я не виновен. Я не виновен, говорю вам, – исключен, как и другие до меня, и как те, кто будет исключен после».²⁵ Цитата, приведенная Л. Чакаловой, показывает Раковского только как извиняющегося мальчика. В архиве мы нашли это письмо, которое представляет совсем другую сущность Раковского. Он писал: «У Болгарии и его правительства я не буду просить извинения и этим горжусь, т[ак] к[ак] я не виновен... Оценки мои хорошие, но они не значат ничего: я уже не могу и не хочу учиться в Болгарии... меня исключили, как и многих других до меня только из-за капризов директора... Я нравственен и это говорю с гордостью, т[ак] к[ак] настоящая нравственность состоит не в том, чтобы быть покорным рабом учителей и всех, кому захочется... Я человек! И я горжусь этим, и мое будущее это покажет!»²⁶ Это письмо достаточно ярко свидетельствует о зрелости 17-летнего юноши.

Не получив официального среднего образования, он осенью 1890 г. отправился в Швейцарию, рассчитывая, что его знаний будет достаточно, чтобы выдержать вступительные экзамены на медицинский факультет Женевского университета. Стремление стать врачом определялось не только же-

²⁵ Чакалова Л. Указ. съч. // Векове. 1988. № 4. С. 6.

²⁶ ЦДА на РБ. Ф. 368 Б. Оп. 1. Арх. ед. 34. Л. 4.

ланием оказывать непосредственную помощь людям. Медицина рассматривалась радикальной молодежью и как средство самовоспитания, преодоления трудностей, и как своего рода социальная дисциплина, призванная умственно и нравственно закалить человека, привить ему навык общественной деятельности и даже навыки самопожертвования.

Однако все эти рационалистические суждения сочетались у юноши с полудетскими сентиментальными чувствами, с тоской по родной земле, по родным и близким, с тревогами и опасениями за будущее, которые возникли сразу после того, как он погрузился на пароход, направлявшийся по Дунаю в Вену. В наспех написанной на пароходе карандашной заметке можно прочитать: «Там, где я родился, вырос, там, где мне знакомы самый маленький родник и самое скромное местечко, – там мое отечество. Душа моя полна воспоминаний, глаза готовы наполниться слезами, когда я думаю об отечестве, о людях, о моей матери, о моем отце, братьях и сестрах. Хотел бы завтра оказаться там, где я вырос, среди этих милых и знакомых мне людей, побродить по всем этим местам – свидетелям моих невинных детских игр».²⁷

Той же осенью Крыстю Раковский стал студентом Женевского университета. Однако почти сразу он почувствовал, что широко задуманные медицинские планы его не очень-то интересуют. Позже он признавался, что все три года пре-

²⁷ Станчев М. За него аз мря: Размисли на Кр. Раковски за Отечеството // Антени. 1988. 6 август.

бывания в Женеве оставался равнодушным к медицине.²⁸ Представляется, что он был к себе несправедливо самокритичен. Как окажется в будущем, полученное им медицинское образование было разносторонним и глубоким, дало возможность вести врачебную практику и не раз через много лет определяло характер занятий, в чем мы будем иметь возможность убедиться.

Но у него в самом деле одновременно возникли совершенно новые интересы и заботы. Почти сразу Крыстю познакомился с русскими революционными эмигрантами-марксистами, членами группы «Освобождение труда» Г. В. Плехановым, В. И. Засулич, П. Б. Аксельродом. Их мощное влияние определило мировоззрение Раковского на многие годы. Он стал социал-демократом, последователем Маркса.

Впрочем, обращение к плехановской теме неизбежно приводит нас к размышлениям о культурных основах политических взглядов самого К. Раковского, то есть к той сложной проблеме, в которой должно фигурировать как культурное поле России, так и цивилизационный потенциал стран Западной Европы – те моменты, с которыми он оказался связанным всей своей плотью и кровью, всеми мыслимыми узлами, неизбежными для любящего, чувствующего, думающего человека, неуклонно занимающегося самообразованием.

Россия в жизни Крыстю Раковского сыграла особую роль.

²⁸ *Rothschild J. The Communist Party of Bulgaria: Origins and Development. 1883–1936. New York, 1959. P. 16.*

Упомянутые встречи в раннем детстве, книги, которые указали направление, в котором впоследствии реализовывало себя неясное брожение его юности, любимая женщина – Елизавета Рябова, ненадолго, но ярко озарившая его жизнь (о ней мы расскажем), – все это была Россия.

Вопрос о том, к какой философской и социально-политической культуре был более близок молодой Раковский – к восточной, представляемой во многом Россией, или к западной – европейской, очень сложен. Видимо, однозначного ответа на него нет, сама личность Раковского очень двойственна, и очень многогранны условия, в которых она формировалась. Многолетние демократические устои и традиции западноевропейского общества столкнулись в его душе с восточными чертами, определяемыми цивилизационным полем нежно любимой балканской родины, политической культурой Восточной Европы, так рельефно выраженной в духовном развитии России. «Русский народ по своей душевной структуре народ восточный, – писал Н. А. Бердяев. – Россия – христианский Восток, который в течение двух столетий подвергался сильному влиянию Запада и в своем верхнем культурном слое ассимилировал все западные идеи».²⁹ Но просвещенный и прогрессивный круг русской интеллигенции был лишь тонкой прослойкой, скрывающей огромный пласт неподвластных западноевропейскому влиянию народных страстей и стремлений. Бердяев пишет:

²⁹ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М, 1990. С. 7.

«Влияние Запада в течение двух столетий не овладело русским народом».³⁰

Болгарская социал-демократия, так же как и русская, не могла не быть расколота подобной духовной борьбой Востока и Запада. В этих условиях К. Раковский и его единомышленники (такие же приверженцы плехановского круга) приняли и стали пропагандировать западноевропейский путь развития социал-демократического движения. В результате их позиция гармонировала с целями и деятельностью II Интернационала. В то же время Д. Благоев и его радикальное окружение, подобно Ленину и большевикам, стали выразителями скорее восточного типа политической культуры.

Духовная дилемма Восток – Запад, видимо, стояла перед Раковским до конца его дней: правые – левые, Жорес и Гед, Саказыов и Благоев, Плеханов и Ленин. Он мечется, не зная, на что решиться, оставляя болгарских «тесных» социалистов (ортодоксов) и возвращаясь к ним, выбирая центристскую тактику и отказываясь от нее, приближаясь к большевикам и становясь членом оппозиции. Именно поэтому, рассматривая место Раковского в социал-демократическом движении Балкан, необходимо учитывать, что двойственность его поступков во многом зависела от двойственности его натуры,³¹ от борьбы в нем самом врожденной восточноевро-

³⁰ Там же. С. 13.

³¹ Российский исследователь академик В. Н. Топоров называет такую цивилизационную разорванность характерной чертой общепалестинского менталитета –

пейской ментальности с западноевропейским воспитанием и идеологией. Однако четко определить свое место и роль в сложных взаимоотношениях мировой социал-демократии Раковский сможет значительно позднее, а пока что ему надо было найти свой путь, потребность в котором он ощущал все острее.

В результате его главные интересы, бесспорно, сосредотачиваются вне стен университета. Юный Раковский быстро сошелся с русскими студентами, учившимися в Женеве. Он познакомился с Розой Люксембург, которая, несмотря на молодость (в 1890 г. ей исполнилось 19 лет), считалась одной из образованнейших марксисток и активной деятельницей германской, русской и польской социал-демократии. Как видим, для марксистского образования многих лет не требовалось!.. Вместе с ней Крыстю руководил социалистическими кружками, участвовал в подготовке Первого международного конгресса студентов-социалистов, состоявшегося зимой 1891/92 г. в Бельгии. Правда, отсутствие средств не позволило ему отправиться на этот форум, но зато во втором конгрессе, происходившем в Женеве в 1893 г., он не только принял участие, но по сути дела являлся главным его организатором.³²

Постепенно усиливалось и личное сближение с членами

амбивалентностью (Топоров В. Н. Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в. СПб., 2002. С. 8).

³² Rothschild J. Op. cit. P. 19.

Плехановской группы. Раковский радовался каждой встрече с самим Плехановым, с Засулич, а затем и появившимся в Женеве будущим лидером русских меньшевиков Юлием Осиповичем Мартовым. Русские марксисты отвечали взаимностью. Крыстю был частым гостем в семье Георгия Валентиновича, где его приязненно принимали. Будучи человеком сурового нрава, не стеснявшийся резать правду-матку, как он ее понимал, в глаза собеседнику, подчас в безупречной, издевательски-вежливой форме, Плеханов относился к Крыстю как к сыну, проявляя несвойственные ему сентиментальные чувства. В одном из писем Раковскому патриарх русского социализма писал: «Мне страшно хочется Вас видеть. Это у меня одна из сильнейших нравственных потребностей».³³ Со своей стороны, Вера Ивановна Засулич не раз говорила, что все члены группы «Освобождение труда» с живой симпатией относились к молодому Раковскому, отмечала его полемический талант, «непримиримость в дискуссиях», политическую и личную смелость.³⁴

В Женеве Раковский стал одним из главных организаторов собраний, на которых читались доклады по социологии, истории и теории социализма, где часто выступал Плеханов. Благодаря своему общительному характеру, умению

³³ ЦДА на РБ. Ф. 156 Б. Оп. 1. Арх. ед. 449. Л. 1.

³⁴ Первая марксистская организация в России – группа «Освобождение труда». 1883–1903 (*Документы*, статьи, материалы, переписка, воспоминания. М., 1984. С. 126).

привлечь к себе внимание остроумием, эрудицией и знанием языков Раковский смог установить связи с деятелями рабочего движения не только Швейцарии, но также Франции, Польши, Германии.

Происходили бурные столкновения со студентами других политических убеждений, особенно с теми, кто придерживался либеральных взглядов и на кого в следующем десятилетии будет опираться при своем формировании российская Партия конституционалистов-демократов (кадетов). Далеко не всегда это были только идейные дебаты. Нередко дело доходило до физических потасовок.

Стоян Ноков, друг Раковского по студенческим годам в Женеве, вспоминает: «Раковский был очень деятельным человеком. Он выступал очень хорошо. Выступал везде. Вспоминаю один такой случай. Мы, студенты, собрались обсудить изменения конституции, т[ак] к[ак] Фердинанд (князь Болгарии, глава государства. – *Авт.*) хотел укрепить свою власть. Это собрание было организовано болгарскими шовинистами, которые собирались возвратиться в Болгарию и занять высокие государственные посты. Выступил Раковский. Когда он держал речь, один из участников назвал его подлецом. После собрания я, Раковский, Балабанов и Бакалов вышли, но Раковский вернулся... ударив обидчика по лицу: „Вот тебе за подлеца!“ Собравшиеся шовинисты начали выплескивать из стаканов вино и воду, облив Раковского с ног до головы. Он вышел из здания весь облитый... Раковский

был смелым чело веком!»³⁵

Один из оппонентов Крыстю как-то даже пожаловался в полицию, что тот будто бы собирался его убить, и Раковский был арестован. Тут уж вмешалась русская студенческая колония, которая при различии взглядов не терпела несправедливости, тем более полицейского вмешательства. Было дано множество показаний в невинности Крыстю, и он был освобожден.³⁶

Юноша имел возможность и любил разъезжать. Он неоднократно посещал Париж, Берлин и другие столичные города и в результате своих контактов стал пользоваться доверием французских и немецких социалистов. Плеханов рекомендовал Раковского германскому социал-демократическому лидеру Вильгельму Либкнехту, руководителю французских социалистов Жюлю Геду, советовал доверять ему, использовать для работы среди русских эмигрантов. В октябре 1892 г. Георгий Валентинович писал Геду: «Рекомендую Вам одного из наших почитателей – Раковского, молодого болгарина, действительно замечательного своим талантом и своей преданностью делу социализма... Так как Раковский не знает Парижа, а он хотел бы составить определенное представление о положении французской Рабочей партии, то, на-

³⁵ ЦДА на РБ. Спомени. № 1377. Л. 1.

³⁶ *Раковский Х. Г.* Автобиография // Раковский Х. Г. Борьба за молодежь «Харьков», 1925. С. 5.

деюсь, Вы не откажете дать ему необходимые сведения». ³⁷

Но основная работа Крыстю была связана с родной страной. Он перевел на болгарский язык книгу Г. Девиля «Эволюция капитала» (она давала краткое изложение экономической теории Маркса), написав к ней предисловие, в котором попытался проанализировать экономическое положение Болгарии. Вместе с другими болгарскими студентами (особенно тесно он сотрудничал со Слави Балабановым) он помогал редактировать выходившие в Софии и других городах социалистические газеты и журналы «Ден», «Работник», «Другар», писал для них под псевдонимами статьи и обзоры западной литературы.

В 1893 г. Крыстю был делегатом от Болгарии на Международном социалистическом конгрессе в Цюрихе. Поощряемый Плехановым и Засулич, он попытался установить личную переписку с Ф. Энгельсом. Эта затея, впрочем, оказалась не очень удачной. Письма Раковского Энгельсу до нас не дошли. Сохранилось, однако, одно ответное письмо (видимо, единственное). 13 апреля 1893 г. Энгельс писал, что ввиду большой занятости не может удовлетворить просьбу Раковского написать несколько слов для болгарских социалистов. Звучало это странно, ибо «несколько слов» Раковскому он все же позволил себе написать. Довольно высокомерно в ответе далее говорилось: «Прошу Вас будьте так добры передать болгарским товарищам мои извинения и мое

³⁷ Грунта «Освобождение труда». М.; Л., 1925. Т. 3. С. 250.

сожаление по поводу того, что не могу оказать им этой услуги и что при других условиях я бы с удовольствием написал что-нибудь специальное для болгар, как самых молодых последователей социализма». ³⁸

Осенью 1893 г. Раковский, сдав в Женеве экзамен на степень бакалавра, переехал в Берлин и поступил на медицинский факультет, начав также работу в анатомическом институте при университете, которым руководил выдающийся ученый профессор Генрих Вальдейер. Одновременно Крυσтю стал сотрудничать в газете германских социал-демократов «Форвертс» («Вперед»), опубликовал здесь несколько статей о положении на Балканах. Тесные связи он установил с русской колонией в Берлине, в которой происходили ожесточенные споры между народниками и марксистами. Это было время расцвета так называемого легального марксизма, который сыграл немалую роль в преодолении идеологии народников и в развитии русского либерализма (именно из среды легальных марксистов вышли многие руководители будущей партии кадетов). Возможно, более длительное общение с этой группой привело бы к тому, что Раковский, у которого все более вырабатывались умеренные взгляды, отошел бы от социалистических идей и стал бы левым либералом-парламентарием. Но судьба сложилась иначе.

Пребывание в Берлине оказалось недолгим. Германским властям не понравилась активность Раковского. Сам он

³⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. М., 1966. Т. 39. С. 384.

вспоминал, что входил в подпольный студенческий социал-демократический кружок, поддерживал связь между Г. Плехановым и В. Либкнехтом, между Плехановым и Засулич, с одной стороны, и русскими легальными марксистами – с другой. Через шесть месяцев он был задержан полицией и выслан из страны «за деятельное участие в стремлениях международной разрушительной партии», как говорилось в решении полиции.³⁹

После этого начались скитания по Западной Европе. Летний семестр 1894 г. Раковский провел на медицинском факультете в Цюрихе, а зимой отправился во Францию, где продолжал медицинское образование в Нанси, одновременно ведя переписку с российскими марксистами. Благо сравнительно щедрые отцовские вспомоществования позволяли жить, строить планы, перемещаться более или менее свободно.

Последний год студенческой жизни Раковский провел в городе Монпелье, где еще более сблизился с французскими социалистами, сотрудничая в их газетах и журналах.⁴⁰ Свое медицинское образование он завершил докторской диссертацией «Причины преступности и вырождения», в которой попытался вскрыть социальные корни преступности, причем шел вразрез и резко дискутировал с господствовавшими в то

³⁹ Раковский Х. Г. Автобиография // Раковский Х. Г. Борьба за молодежь. С. 7.

⁴⁰ Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 102. Оп. 226. Ед. хр. 15429. Л. 29.

время теориями преступности, обусловленной, по мнению многих авторов, прежде всего наследственностью.

Автор выражал несогласие с рядом медиков и юристов, писавших по этому вопросу, в частности относительно того, является ли преступность врожденной, или же в действиях и поступках человека многое значит свободная воля. Человечество может и должно бороться с преступностью, и самое лучшее средство для этой борьбы – преодоление пороков, невежества, бедности, милосердное, благожелательное отношение ко всем людям в соответствии с великими заповедями Христа, полагал автор. В диссертации была предпринята попытка опровергнуть прежде всего теорию Чезаре Ламброзо, достопочтенного итальянского психиатра и криминалиста, взгляды которого Раковский определял как идеалистические и потому не носящие научного характера.

Несмотря на такое пренебрежительное отношение к авторитетам, ученые Монпелье проявили не просто великодушные, а широту взглядов. По свидетельству современников, защита прошла блестяще. Богатый фактический материал, его серьезная обработка, диаграммы, интересное изложение – все это вызвало восхищение членов академического совета, единодушно проголосовавших за присуждение Раковскому докторской степени в области медицины. Его книгу по теме диссертации сразу напечатали на французском языке, через три года – на болгарском, а позже – и на русском. Диссертация, вспоминал Раковский, «вызвала очень большой шум

среди профессоров, студентов, а потом в печати». ⁴¹

Скажем откровенно, ныне чтение работы Раковского не особенно впечатляет. Представляется, что она не очень-то доказательна, грешит общими местами, цитированием трудов оппонентов и далеко не всегда убедительным опровержением их взглядов. Но видимо, и диссертационные работы других авторов не были столь уж блестящими, если ученые-медики Монпелье выразили восхищение диссертацией, а издатели сразу приняли ее к опубликованию.

Окончание студенческой жизни Раковского совпало с событиями, взволновавшими Европу, – восстаниями в Армении и на острове Крит. В связи с ними Раковский написал несколько статей, в которых обратил внимание французских социалистов на необходимость выступить в защиту армян, критян, а вкуче с ними и македонских болгар, ведших мужественную борьбу против турецкого деспотизма.

Он уже тогда подметил, что недостаточное внимание к Восточному вопросу, к зловещей роли, которую играет мусульманский фанатизм, являвшийся опорой реакционнейших режимов, является одной из слабых черт международной социал-демократии. Этому вопросу Раковский посвятил и доклад, прочитанный от имени Болгарской социал-демократической партии на Лондонском международном социалистическом конгрессе 1896 г. и опубликованный затем Карлом Каутским в германском теоретическом социал-демокра-

⁴¹ Раковский Х. Г. Автобиография // Раковский Х. Г. Борьба за молодежь. С. 7.

тическом журнале «Нойе цайт». ⁴²

Так к середине 90-х годов Крыстю Раковский стал не только специалистом-медиком, но и зрелым социалистом, убежденным сторонником теории Маркса, квалифицированным публицистом и оратором, сравнительно широко известным в кругах европейских социалистов.

⁴² *Hapt G., Gemitz G., van Kossum L.* Karl Kautsky und die Sozial-Demokratie Sudosteuropas: Korrespondenz. 1883–1938. Frankfurt, 1986. S. 83.

2. В международном социалистическом движении

После окончания университета и защиты в 1897 г. диссертации перед Крыстю встал тривиальный, но жизненно важный вопрос: «Что же дальше?» Несмотря на широкие контакты с зарубежными социалистами, его помыслы и деятельность были в первую очередь связаны с Болгарией. Приходилось, однако, учитывать, что он являлся румынским подданным. Наконец, хотел поехать в Россию, тем более что он собирался жениться, как уже отмечалось выше, на русской девушке Елизавете Рябовой, с которой познакомился в Швейцарии, а позже учился вместе с ней в университете в Монпелье.

В 1893 г. в жизни болгарской студенческой колонии произошёл трагический случай. Покончил жизнь самоубийством друг Раковского Слави Балабанов, который страдал депрессией. Многие связывали его болезнь с желудочно-кишечными заболеваниями, отразившимися на психике Балабанова. Но некоторые близкие к нему друзья считали, что причиной самоубийства могла послужить неразделенная любовь к Лизе Рябовой, которая предпочла Раковского. В предсмертном письме от 25 марта 1893 г., адресованном Крыстю, о любовной драме прямо не говорилось, но последние слова Балабанова звучали так: «Прощайте все: прощай, Георгий

(Бакалов. – *Авт.*), прощай, Стоян (Ноков. – *Авт.*). Прощайте и Вы, Лизавета Павловна». ⁴³ К Бакалову и Нокову Балабанов обратился на болгарском языке, а к Е. Рябовой на русском.

Лиза была дочерью актера Императорских театров Павла Яковлевича Рябова. Окончивший в 1857 г. Московское театральное училище, Рябов вначале работал музыкантом, но большие способности проявил в драматическом искусстве и с 1862 г. являлся одним из ведущих актеров Малого театра, где играл до 1900 г., а в 1877 г. инсценировал для своего театра гоголевские «Мертвые души».

Дочь по его стопам не пошла, решила стать медиком и поехала учиться в Швейцарию. Оба молодых врача летом 1897 г. отправились в Москву, воспользовавшись, в частности, тем, что там происходил международный медицинский съезд. Сам факт, что только что получивший ученую степень Раковский был допущен на это внушительное научное собрание, был свидетельством его незаурядных способностей и умения добиваться своего. Действительно, открытый 7 августа 1897 г. в Большом театре XII международный съезд врачей рассматривался в России как большая честь для страны и ее властей. В президиум входили члены царской фамилии, заседания открыл речью на латинском языке министр народного просвещения граф И. Д. Делянов. В ложах восседали

⁴³ ЦДА на РБ. Спомени. № 173. Ч. 1. Л. 218; *Генчев Д.* Нови документи за Слави Балабанов. Предсмертното писмо на Сл. Балабанов до Кръстю Раковски // Векове. 1967. Кн. 4. С. 85–86.

дамы в роскошных туалетах, мужчины во фраках. Зрительная зала была блестяще освещена. В глубине сцены находился большой портрет государя императора, окруженный лавровыми деревьями и пальмами. На съезде выступали светила русской и мировой медицины Н. В. Склифосовский, Р. Вирхов и многие другие.

Но Крыстю и Лизе намного важнее были их будущие семейные дела, тем более что на то, что происходило в Большом театре, они смотрели как на бессмысленную показуху. Едва показавшись на съезде, Раковский более туда не заглядывал. Прожив в доме отца невесты около двух недель и получив благословение на брак, Елизавета с женихом отправились в Геленджик, имение его отца в Добрудже, где 30 августа сыграли свадьбу.⁴⁴

Будучи еще студентом в Швейцарии, Раковский несколько раз ездил в Болгарию, встречался с социалистическими деятелями, выступал с рефератами. Вместе с тем его заинтересовала проблема международных отношений на Ближнем Востоке и роль Российской империи в решении балканских дел и Восточного вопроса в целом. Он написал книгу «Россия на Востоке», которую удалось выпустить в Болгарии.⁴⁵ Издателем книги стал видный социалист-просвещенец Георгий Бакалов, благодаря неутомимой деятельности которо-

⁴⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 226. Ед. хр. 15429. Л. 29.

⁴⁵ *Раковски К.* Русия на Изток: Историческо изследване на руската политика на Изток и частно – в България. Варна, 1898.

го болгарский читатель познакомился с огромным массивом ценной художественной и научно-популярной отечественной и особенно зарубежной литературы.⁴⁶

Если иметь в виду, что в Болгарии того времени выраители общественного мнения четко делились на русофилов и русофобов (преобладали первые), а в своей книге молодой Раковский предпринял попытку подняться над крайними позициями и осуществить более или менее объективное исследование (разумеется, ограниченное марксистскими догмами), то становится ясным, какой переполох вызвала его работа в прессе, прежде всего русофильской. «Слепая история бросила нас к самым стопам России, но и руки этого великана, голова которого достигает вечных льдов, не так уж коротки и при любом волнении дотягиваются до нас. Одни болгарские граждане считают это обстоятельство высшим благом для Болгарии. Другие видят в русском влиянии огромную ношу, которая обрушится как ночная метель на крохотную и бедную болгарскую хижину» – так начиналась эта первая книга Раковского.⁴⁷

В работе доказывалось, что после поражения России в Крымской войне 1853–1856 гг. она более не могла вести откровенно завоевательную войну против Турции – против нее немедленно ополчилась бы новая европейская коалиция.

⁴⁶ См. о нем: *Чернявский Г., Станчев М.* Георгий Бакалов: Политическая биография (с культурологическим компонентом). София, 2006.

⁴⁷ *Раковски К.* Русия на Изток. С. 3.

Единственным путем обеспечить себе господство или влияние в турецких землях, особенно европейских, оставалась поддержка национальных движений и, следовательно, освободительных войн. Благодаря этому можно было бы заслужить благодарность освобожденных народов и попытаться вовлечь бывшие турецкие провинции в свою орбиту влияния. Именно в этом Раковский видел главный смысл Русско-турецкой войны 1878–1879 гг. Так или иначе, в результате появления этой работы Раковский стал известной в Болгарии личностью, вокруг которой происходили ожесточенные споры.

Намереваясь жить в Болгарии, молодые супруги отправились после свадьбы в Софию, где сдали государственные экзамены по медицине, чтобы получить право на врачебную практику. Правда, Крыстю было в основном не до этих экзаменов. Он вспоминал, что зиму 1897/98 г. он «провел в усиленной социалистической агитации по всем городам Болгарии, чередуя темы своих речей, говоря один день о задачах социал-демократии и рабочего класса, другой день – о внешней политике русского правительства, третий день – о преступности и т. д.»⁴⁸

Однако отец Крыстю настоял на возвращении сына вместе с женой в Румынию для прохождения военной службы, ибо в противном случае Крыстю потерял бы право на наследство. Весной 1898 г. последовал третий экзамен по медици-

⁴⁸ Раковский Х. Г. Автобиография. С. 8.

не – на этот раз в Бухарестском университете, который также оказался успешным, а в сентябре Крыстю был назначен заведующим воинским госпиталем в Констанце. Именно в это время его стали называть на румынский манер Христианом. Новое имя он сохранил на всю жизнь.

Христиан надеялся, что, отслужив в армии, он сможет отказаться от румынского подданства и возвратится в Болгарию. Но судьбе было угодно распорядиться иначе, и Раковский фактически расстался с родной страной. Он сможет только на сравнительно короткие сроки приезжать в Софию всего три раза по политическим делам (об этом мы расскажем немного ниже) и больше свою страну не увидит никогда.

На первых порах, по всей видимости, причиной этого были стремления молодой супруги, которая тосковала по родине и стремилась жить в Москве или, еще лучше, в Северной столице. Вначале Елизавета вроде бы на какое-то время отправилась к родителям в гости и предполагала вскоре возвратиться. Постепенно, однако, становилось ясным, что Лизе не очень хочется возвращаться в балканскую провинцию, несмотря на нежные чувства к мужу. В результате, будучи женатым на русской и сохраняя тесные связи в среде русской социал-демократии, где его хорошо знали, Раковский решает переехать в Россию.

Отбыв военную повинность, он в марте 1900 г. отправился в Петербург, где его ждала Елизавета. Полиция следила за каждым шагом Раковского, известным ей в качестве поли-

тического смутьяна. В архивном фонде Особого отдела Департамента полиции сохранилось досье «О румынском враче Крыстю Георгиеве Раковском».⁴⁹ В одном из донесений, которые там накапливались, говорилось, что в Санкт-Петербург прибыл молодой румынский врач Раковский к своей жене Елизавете Ивановне (непростительная ошибка для Особого отдела – напомним, что отца Лизы звали Павлом и он был достаточно известной личностью!), проживающей по адресу: Ореховский переулок, дом № 4, квартира 3. Здесь же в Петербурге проживала в это время, как сообщалось в донесении, и сестра Раковского Анна, которая училась на женских Бестужевских курсах.

Полковник Особого отдела Будзилович сообщал: «По сведениям здешней и заграничной агентуры, названный Раковский представляется крайне смелым и убежденным революционером и дальнейшее его пребывание здесь только укрепит его революционные связи и даст возможность активно проявить свое вредное направление».

Предостережения полиции оказались не напрасными. В Петербурге Раковский принял активное участие в полемике народников и марксистов, публиковался в печатных органах «легальных марксистов» «Наше слово» и «Начало». Продолжая интенсивную литературную деятельность, он выпустил на болгарском языке книгу «Политическое значение дела Дрейфуса» (она разоблачала антисемитский характер

⁴⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 226. Ед. хр. 15429.

суда над французским офицером-евреем А. Дрейфусом, обвиненным в шпионаже в пользу Германии), а также небольшую полемическую брошюру против спиритизма «Наука и чудо». Переработав свою докторскую диссертацию, он издал ее в популярной форме под названием «Несчастненькие» под псевдонимом «женщины-врача» Е. Станчевой.⁵⁰

Как раз в то время, когда Раковский оказался в российской столице, там развернулась страстная полемика между «легальными марксистами» и сторонниками революционной интерпретации учения Маркса. Особо ожесточенный, буквально злобный характер носил спор между Г. В. Плехановым и П. Б. Струве. По поручению Плеханова в Питер приехала В. И. Засулич, отстаивавшая взгляды эмигрантов-революционеров. Помимо теоретических разногласий возникли неурядицы чисто практического свойства. Струве выражал негодование недостаточной конспиративностью Засулич, которая, по его мнению, могла провалить организацию. Появление Раковского подлило масла в огонь, тем более что заранее было известно, на чьей стороне он окажется в споре. «Раковский внесет беспорядок в нашу организацию», – опасался Струве.⁵¹ Видимо, именно по его предостережению питерские марксисты отказывались собираться в квартире, где

⁵⁰ Станчева Е. Несчастненькие: О преступлениях и преступниках. Очерк по общественной патологии и гигиене. СПб., 1900. Эта брошюра рассматривается ныне как ценное старопечатное издание и высоко оценивается на книжном рынке.

⁵¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 226. Ед. хр. 15429. Л. 4.

проживали Раковские.

Пребывание Христиана в России и на этот раз оказалось недолгим. 26 марта 1900 г. он получил уведомление петербургского градоначальника о высылке из страны, 30 марта был на приеме в Департаменте полиции, где ходатайствовал об отмене высылки. С аналогичным прошением к министру внутренних дел обратилась его супруга. «Родившись и воспитавшись в России, – писала она, – я считала бы для себя горем необходимость покинуть мою родину, и поэтому запрещение моему мужу жительства в Петербурге совершенно расстроило бы нашу семью».⁵²

Однако ходатайство Раковских об отмене высылки принято во внимание не было. Полиция сообщила Христиану, что он должен покинуть страну через Ревель. Раковский выехал в этот город и ожидал там германский пароход, на котором должен был отправиться в Любек. Даром, однако, он времени не терял. В ожидании корабля он завершил новую книгу, на этот раз о политическом положении во Франции, которую начал писать еще в Питере по заказу издательского товарищества «Знание». Это было либеральное печатное объединение, основанное в 1898 г. группой литераторов (К. П. Пятницкий и др.) при содействии столичного Комитета грамотности (просуществовало это издательство до 1913 г. и выпустило массу ценных книг).

В работе прослеживалась политическая история страны

⁵² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 226. Ед. хр. 15429. Л. 11, 21, 23.

со времени свержения Наполеона III в 1870 г. до конца века, причем затрагивались в основном драматические моменты, начиная с колониальной экспедиции в Индокитай («тонкинской экспедиции») и завершая антисемитской кампанией, связанной с «делом Дрейфуса».

Работа была опубликована в том же 1900 г. под псевдонимом Инсаров, взятым в честь тургеневского героя.⁵³ Появление этой новой книги свидетельствовало, что Христиан уже свободно владел пером, писал легко, увлекательно, образно. И хотя его работы не сосредоточивались на строго отобранной тематике, не отличались глубиной проникновения в ту проблематику, которой он занимался в каждый данный момент, он стремился использовать максимум источников на разных языках, не допускал произвольных оценок, выступал в качестве аналитика, а не легковесного журналиста.

Он все более склонялся к тому, чтобы посвятить свою жизнь не медицине, а общественно-просветительской деятельности. Считая, что наилучшие знания для этого он может получить в области юриспруденции, Христиан, приехав на этот раз во Францию, сразу же поступил на юридический факультет Сорбонны.

Однако мысль о возвращении в Россию его не покидала. В октябре 1900 г. из Парижа он пишет новое прошение на имя директора Департамента полиции о разрешении въезда в империю. Одновременно он попытался использовать более

⁵³ *Инсаров*. Современная Франция: История Третьей республики. СПб., 1900.

надежный путь. Через посредников чиновники Департамента полиции получили довольно крупную взятку. Сумма ее осталась неведомой, но, видимо, была такова, что оказалась веским аргументом. В январе 1901 г. означенный департамент милостиво разрешил Христиану Раковскому жительство в России с предупреждением, чтобы он не занимался политической деятельностью.⁵⁴

Возвратившись в Петербург, Раковский, по его словам, «застал там пустыню» после студенческих волнений 1901 г., в результате которых многие бунтующие студенты были сда ны в солдаты, а ряд прогрессивных литераторов, как революционеров, так и «легальных марксистов», оказались в тюрьме или в ссылке.

Именно в это время на Раковского обратил внимание Ульянов-Ленин. Лично они не были знакомы, но Владимир Ильич увидел в Христiane Георгиевиче, как его все чаще стали именовать на русский манер, лицо полезное не только публицистическими и полемическими способностями, но и материальным достатком, которым он был готов охотно делиться с подпольными организациями. Эта сторона участия Раковского в социал-демократической деятельности стала особенно ощутимой с 1903 г., когда скончался его отец и он смог полностью распоряжаться сельскохозяйственным имением в Мангалии, став своего рода «революционным помещиком».

⁵⁴ ГАРФ. Ф. 101. Оп. 226. Ед. хр. 15429. Л. 44.

Христиан Раковский был единственным крупным землевладельцем, который, сохраняя свою собственность и ведя хозяйство передовыми для своего времени методами, в то же время передавал значительную часть доходов на нужды социал-демократии и сам активно участвовал в румынском, болгарском, европейском социалистическом движении.

По предложению Ленина Раковский написал для газеты «Искра» статью о Парижском конгрессе II Интернационала 1900 г., а начиная с 1903 г. стал выделять значительные денежные суммы на издание русских социал-демократических газет «Искра», «Социал-демократ», «Голос», «Наше слово». Происходило это уже в то время, когда в РСДРП произошел раскол на большевиков и меньшевиков, которые жестоко враждовали друг с другом. Раковский же оказывал материальную помощь обеим группировкам, надеясь, что интересы борьбы в конце концов заставят их пойти на объединение. Так постепенно формировалась специфическая позиция Христиана, который стремился поддержать объединительное движение социал-демократов в национальном и в международном масштабах.

От имени ЦК РСДРП лидер меньшевиков Ю. О. Мартов обращался к Раковскому: «Нельзя ли достать для нас немного денег у Вас... Очень нужно!» И через некоторое время извещал: «Получили Ваше письмо и деньги. Спасибо!»⁵⁵ Материальной поддержкой Раковского пользовались социали-

⁵⁵ ЦДА на РБ. Ф. 156 Б. Оп. 1. Арх. ед. 431. Л. 1, 2.

сты различных политических взглядов, часто непримиримо враждовавшие друг с другом. Среди них были лидер болгарских левых социалистов Благоев, большевистский руководитель Ленин, меньшевики Плеханов, Засулич, Дан, Мартов, независимый социал-демократ Троцкий. В таком перечне лиц, получавших помощь, сказались не только щедрость, но и широта политических воззрений Раковского.

Особо близкие связи постепенно устанавливались с юным, но уже широко известным в социалистических кругах Львом Давидовичем Троцким. Впервые оба они встретились в 1903 г. в Париже, а затем продолжали встречи в Швейцарии и контакты по переписке.⁵⁶ К этому времени Троцкий проявил себя как человек, овладевший искусством живого, хлесткого, логичного и в то же время едкого репортажа. Он стал известен как решительный и в то же время высокомерный критик ленинского организационного догматизма на II съезде РСДРП в 1903 г. Звезда Троцкого восходила на мировом социалистическом небосклоне быстрым темпом.

Весьма критически относившийся к авторитетам, Троцкий вопреки своему обыкновению почти с самого начала знакомства стал испытывать к Раковскому чувство глубокой симпатии, подкрепляемой близостью воззрений. В определенной мере это чувство подпитывалось дружескими эмоциями, которые проявляли по отношению к Раковскому немногие авторитетные для Троцкого деятели. Через много

⁵⁶ *Broue P. Rakovsky ou la revolution dans tout les pays. Paris, 1996. P. 30.*

лет Троцкий вспоминал, что Вера Засулич рассказывала ему в 1903 или 1904 г. «о той горячей симпатии, которую вызывал к себе юноша Раковский, способный, пытливый, пылкий, непримиримый, всегда готовый ринуться в новую свалку и не считавший синяков. Политическое мужество с юных лет сочеталось в нем с личной отвагой». ⁵⁷

Вначале между Троцким и Раковским установились деловые взаимоотношения в рамках деятельности российских социал-демократов и их западноевропейских коллег. 3 февраля 1904 г. Троцкий обратился к «дорогому Христиану Георгиевичу» с просьбой оказать помощь в изготовлении фальшивых документов для Г. В. Плеханова, с которыми тот намеревался поехать в Россию. Через несколько месяцев, 8 июня 1904 г., Троцкий сообщал Раковскому о получении его письма по поводу воспоминаний, над которыми Троцкий работал, а Раковский собирался опубликовать на болгарском языке. Троцкий сообщал о подготовке русского издания и просил адресата подумать над возможностью выпуска книги и в Румынии. ⁵⁸

Сближение усилилось после второй эмиграции Троцкого, после того как он – руководитель Петербургского Совета рабочих депутатов – был осужден и бежал еще во время этапа.

В это время Троцкий поставил своей задачей восстановление единства российской и международной социал-демокра-

⁵⁷ Троцкий Л. Портреты революционеров. С. 314.

⁵⁸ ЦДА на РБ. Ф. 156 Б. Оп. 1. Арх. ед. 474. Л. 1–4.

тии. Он возобновил переписку с Раковским. Теперь они уже обращались друг к другу на «ты», Троцкий начинал письма словами «дорогой друг», а перед подписью в письме от 14 декабря 1906 г. писал: «Надеюсь вскоре встретиться с тобой. Крепко обнимаю тебя». В этом письме Лев Давидович в несвойственной для него форме высоко оценивал недавно полученную им книгу Раковского «Современная Франция», вышедшую уже довольно давно на русском языке, но которую Троцкий ранее не читал.⁵⁹ К контактам, взаимоотношениям, совместной деятельности Раковского и Троцкого мы будем возвращаться неоднократно. Их дружба и совместная политическая деятельность с начала века продолжались почти до середины 30-х годов и являлись важным элементом политического развития Христиана Раковского.

Еще в 1903 г. Раковского постигло большое горе. Во время родов скончалась его жена Елизавета. Христиан мучительно переживал ее смерть и, по свидетельству родных, не мог ее забыть до конца своих дней. Почти сразу после смерти жены Раковский покинул Россию, возвратился во Францию, где более полугодом жил в деревне Болио (департамент Луара), работая врачом. Но после смерти отца он возвратился в Румынию, принял на себя хозяйство Мангалии, установил связи с румынскими социалистами.

Отметим попутно, что в 1900–1904 гг. Раковский активно сотрудничал во многих русских газетах и журналах, при-

⁵⁹ ЦДА на РБ. Ф. 156 Б. Оп. 1. Арх. ед. 474. Л. 6–7.

чем не только марксистского направления. Его статьи исторического характера появлялись в популярных авторитетных журналах «Мир Божий», «Вестник Европы», «Образование», «Русская мысль». Он попробовал свои силы в беллетристике и напечатал в журнале «Юный читатель» повесть «По северу России». Как видно, этот первый блин оказался комом, и больше такого рода авантюры явно не имевший способностей к художественному творчеству Крыстю не предпринимал.

В 1903 г. в жизни и деятельности Христиана Раковского происходят изменения, которые можно считать важной вехой в его биографии. После раскола РСДРП на большевиков и меньшевиков Раковский, несмотря на известную долю симпатии к Ленину, который умел очаровывать «нужных людей», остался на стороне Плеханова и Засулич, то есть меньшевиков.

В то же время летом этого года он по просьбе Димитра Благоева приехал в Болгарию для оказания помощи благоевцам в борьбе против их политических противников. Приближался X съезд Болгарской рабочей социал-демократической партии, на котором, как это было очевидно, произойдет раскол. На съезде, когда единая партия разделилась на две враждовавшие между собой политические организации – партию тесных социалистов, или тесняков, и партию широких социалистов, он, несмотря на колебания, остался с Благоевым.

Раковский подчинялся партийной дисциплине, но его западноевропейское воспитание и знакомство с цивилизованными методами ведения полемики сделали его выступления существенно иными, чем могли ожидать «тесные социалисты» (т. с. – *Авт.*). Чуть позднее, во время дискуссий ортодоксов с центристами («анархо-либералами», как их презрительно прозвал Благоев), Г. Бакалов опишет вид полемики, свойственный идеологам БРСДП (т. с.): «Справедливости ради скажем, что никогда “широкие”... не доходили до такого исступления, в которое впали наши громовержцы». Он вспоминал, что даже небольшое возражение, высказанное в ходе партийного съезда в Пловдиве в июле 1904 г., вызвало у Д. Благоева «истерический припадок... последний требовал закрыть съезд несколькими громогласными словами, которые выходили не только неслышными, но и бессмысленными».⁶⁰ Раковский же, пройдя через западные университетские традиции, общаясь с политической элитой многих европейских стран, вряд ли мог позволить себе «роскошь» впасть в «исступление». Напротив, даже политические противники неоднократно подчеркивали, что его речь отличалась корректностью и строгой логикой.

В опубликованных речах Раковский прежде всего обращал внимание на два компонента марксистской доктрины: на ее теоретическую и практическую части. Первые части этих работ были посвящены анализу «материалистическо-

⁶⁰ Бакалов Г. Оружията на нашите противници. София, 1905. С. 3, 33.

го понимания истории», исследованию основных положений «научного социализма», как называли марксисты свою доктрину, на деле не выходявшую за пределы социальной утопии. Вторая часть рассматривала задачи социализма, вычленивая понятие «конечной цели», совершая плавный переход к тактике ее достижения и тем самым затрагивая суть болгарских тактических разногласий.

Постепенно становилось понятным, что взгляды К. Раковского начинают претерпевать весьма существенные изменения. Несколько ранее в своей книге «Тревога из-за призраков» политический оппонент Раковского, лидер так называемого «широкого» варианта болгарского социализма Янко Саказыов писал, что в БРСДП (т. с.) есть люди (речь явно шла о Раковском), «которые отличаются по своему пониманию и деятельности от “благоевцев”, но тем не менее также считаются “тесными”». ⁶¹ Саказыов был убежден, что социалистическая позиция Раковского на самом деле была намного гибче, чем это казалось. Он отмечал, что Раковский уже не раз высказывал мнение, что «мало причин для раскола» двух болгарских социал-демократических партий.

При всем уважении к «дедушке», как называли Благоева многие молодые социалисты, Крестю все отчетливее понимал, что «тесный» курс этого деятеля неизбежно ведет к сектантству. Благоев требовал, чтобы социал-демократы ве-

⁶¹ Саказыов Я. Тревога за призраци (нашето отстъпничество или тяхното недомислие). София, 1991. С. 14.

ли работу только среди городского пролетариата, отказывался привлекать в социал-демократические организации представителей средних городских слоев и тем более крестьян, которых считал реакционной массой. «Широкие», по мнению Раковского, были более практичными – они готовы были привлекать на сторону социализма непролетарские слои, включая крестьян, не отказывались в известных случаях от сотрудничества с другими партиями. Раковскому были чужды их реформистские идеи, но оснований для раскола и тем более для ожесточенных взаимных нападок он не видел.

В соответствии с позицией Международного социалистического бюро (МСБ) II Интернационала о том, что в каждой стране должна существовать только одна социалистическая партия, он развернул борьбу за объединение «тесных» и «широких». Обе силы энергично выступили против его предложений. В результате произошел конфликт с Благоевым. Раковский перешел на позиции центризма, которые он считал теперь наиболее реалистическими и конструктивными для дела рабочего класса. Отчуждение от болгарских социал-демократов было одной из причин того, что Христиан вновь покинул родную страну.

Окончательно переселившись в 1905 г. в Румынию, Раковский занялся своим имением в Мангалии, которое ему удалось превратить в образцовое хозяйство. Но в центре внимания стояли актуальные политические проблемы. Дело в том, что созданная еще в 1893 г. Социал-демократическая

рабочая партия Румынии быстро превратилась в организацию радикально-демократического характера, и в 1899 г. большая часть ее членов влилась в Либеральную партию. Самостоятельная рабочая партия же в стране попросту исчезла. Полный сил и энергии, Раковский нашел новое широкое поле для своей деятельности. Он установил связь с журналистом и политиком Константином Доброджану-Геря, в свое время участвовавшим в основании Социал-демократической партии.⁶² Совместно с ним и другими деятелями (Ш. Георгиу, М. Бужором и др.) Раковский начал создавать вначале небольшие ячейки, а затем и более крупные организации новой Социал-демократической партии. Ее первый съезд в 1910 г. принял программу и устав, высказался за ликвидацию «эксплуатации труда в любых формах и замену ее социализацией средств производства». Программа содержала требования всеобщего восьмичасового рабочего дня, права на забастовки, объединения рабочих и др.

В Румынии Раковский стал весьма плодотворным и успешным политическим журналистом, выступавшим на разнообразные внутренние и международные темы. По на-

⁶² Доброджану-Геря Константин (настоящие имя и фамилия Соломон Кац) (1855–1920) родился в России, в городе Екатеринославе. Он учился в Харьковском университете, где участвовал в подпольных народнических кружках. В 1875 г. бежал от ареста в Румынию. Там занимался предпринимательской деятельностью и литературной критикой. Стал марксистом и одним из основателей Социал-демократической партии. После воссоздания партии в 1910 г. являлся ее признанным руководителем вместе с Христианом Раковским.

шим подсчетам на основании национальной библиографии, в 1897–1916 гг. на румынском языке были опубликованы 473 названия его брошюр, статей, интервью и других материалов.⁶³

В первые годы его статьи были посвящены в основном болгарскому социалистическому движению, политике Румынии в Добрудже, македонскому вопросу, российской политике и дипломатии на Балканах. С 1900 г. журналист сосредоточился в основном на румынских сюжетах, критикуя политику правивших и оппозиционных партий, анализируя кризис в социалистическом движении. Ставил он и концептуальные вопросы, например в статье «Патриотизм и социализм».⁶⁴

Христиан находил время и для историко-политического анализа. Вроде бы неожиданно он заинтересовался личностью виднейшего австрийского дипломата и государственного руководителя князя Клеменса Меттерниха, фактического главы правительства этой страны с 1809 г., ее министра иностранных дел вплоть до революции 1848 г. Однако, если прочитать его книгу о Меттернихе, выпущенную в 1905 г. в Петербурге в серии «Жизнь замечательных людей», основанной в 1890 г. известным издателем Ф. Павленковым, можно

⁶³ Lista bibliografică a scrierilor și cuvîntărilor lui Cristian Racovski publicate între anii 1897 și 1916. – In: Cristian Racovski. Scrieri social-politice (1900–1916). Studiu introductiv, antologie, bibliografie și note de Ion Iacoș. București, 1977. P. 283–310.

⁶⁴ România muncitoare. 1905. 22 mai.

убедиться, что этот интерес был вполне объясним.⁶⁵

Автор попытался показать уникальный характер той личности, которая в течение нескольких десятилетий держала в своих руках Австрийскую империю, умело натравливала одни ее национальности на другие, являлась фактическим создателем Священного союза великих держав, не допустила в то время объединения Германии в единое государство и всячески мешала укреплению позиций в Европе царской России. Автор делал вывод, что нельзя назвать обыкновенным человека, умевшего в течение 38 лет не только поддерживать влияние такого «мягкого» государства, каковым была Австрийская империя, но и стать фактическим руководителем политики всей Европы. На эту работу Раковского ссылаются специалисты вплоть до наших дней.

Немалое место в политической биографии Раковского этого времени заняло его участие в судьбе матросов мятежного броненосца «Потемкин». Раковскому и другим румынским социал-демократам пришлось приложить немало усилий, чтобы правительство Румынии приняло потемкинцев, приведших свой корабль в порт Констанцу (как раз сравнительно близко от имени Раковского в Мангалии), в качестве политических эмигрантов. Договорившись о приеме, Христиан поднялся на корабль, чтобы сообщить эту весть мятежным морякам.

⁶⁵ Раковский Х. Г. Князь Меттерних: Его жизнь и политическая деятельность. СПб., 1905.

Он взял на себя большую личную ответственность, даже в какой-то мере проявил авантюризм, заверив членов экипажа, что на румынской территории они останутся неприкосновенными, получают право убежища, хотя сам не был еще полностью уверен в этом. Раковский и его товарищи участвовали в эвакуации матросов с корабля, а в следующие месяцы и даже годы в спасении их жизни, скрывали их от агентов царских охранных служб.

Одного из матросов по фамилии Козленко Раковский нанял на работу в свое имение в качестве кучера. Любопытно, что племянница Раковского Лиляна Гевренова в своих воспоминаниях сочла, по-видимому, неудобным называть «революционера» Козленко кучером и отрекомендовала его в качестве управляющего имением.⁶⁶ Впрочем, вполне возможно, что сам Раковский под влиянием советско-коммунистических догм рассказывал своей племяннице о Козленко именно в таком «более высоком» качестве.

Тогда же, в 1905–1906 гг., совместно с ЦК РСДРП, в котором во время российской революции произошло некоторое сближение между большевиками и меньшевиками, Раковский организовал крупную международную кампанию в защиту потемкинцев. В румынской печати он опубликовал цикл статей о российской революции и, в частности, о восстании на «Потемкине». Газета «Адеварул» («Целостность»)

⁶⁶ *Гевренова Л.* Спомени за моя вуйчо Кръстю Раковски. София: Български писател, 1989. С. 86.

из номера в номер печатала в июле 1905 г. цикл его интервью об этом выступлении, которое преувеличенно именовалось «эпохальным».⁶⁷

А вслед за этим Раковский совместно с одним из участников восстания меньшевиком А. П. Березовским, выступившим под псевдонимом Кирилл, написал книгу об этой авантюрной, но в то же время героической эпопее. Работа была опубликована в Вене, Амстердаме и даже Петербурге (воспользовались резким ослаблением цензуры после царского Манифеста от 17 октября 1905 г., возвещавшим поворот России к свободам).

Правда, книга была издана только под авторством Кирилла. Раковский счел целесообразным отказаться от авторских прав. Он полагал, что довольно объемистый труд (свыше 250 страниц) будет выглядеть более внушительным в пропагандистском смысле, если предстанет как произведение только участника восстания.⁶⁸ Для достоверности, однако, в предисловии было указано от имени Кирилла: «В сборе всего необходимого материала для составления задуманного мною описания весьма деятельное участие принимал также и тов. Раковский. Помогая матросам первое время устраиваться в Румынии, он находился в самых живых сношениях со всеми

⁶⁷ Adevârul despre epopoea lui "Potemkin". Interviu cu dr. C. Racovski // Adevârul. 1905. 14, 15, 16, 17, 18, 19 iulie.

⁶⁸ *Kirill*. Die Odyssee "Knjas Potemkin". Wien, 1906; *Kirill*. De Odyssee van den "Knjas Potemkin". Amsterdam, 1906; *Кирилл*. Одиннадцать дней на «Потемкине». СПб., 1906.

нами и, думая восстановить полное содержание “потемкинской истории”, расспрашивал матросов о всех ее подробностях. Он оказал этим громадную помощь и пользу задуманному мною труду». ⁶⁹

Через два десятилетия именно эта книга и личные рассказы Раковского послужили фактической основой кинофильма Сергея Эйзенштейна «Броненосец “Потемкин”».

Когда в 1907 г. Раковский встретился с Троцким на Штутгартском конгрессе II Интернационала, они вместе с Мартовым и Плехановым внесли проект резолюции с оценкой значения бунта матросов на «Потемкине», которую конгресс принял единогласно. ⁷⁰ Можно полагать, что текст резолюции был написан именно Раковским, так как он был единственным человеком из названной группы, который принимал непосредственное участие в решении судеб экипажа корабля.

В 1907 г., когда во время крестьянского восстания в Румынии начались аресты рабочих и крестьянских деятелей, был арестован и Раковский под предлогом, что он не имел официально зарегистрированного подданства. Это была ошибка, так как именно для получения подданства Христиан поселился в Румынии и даже служил в ее королевской армии. Но в оформлении подданства была найдена какая-то бюрократическая неточность, которой воспользовались по-

⁶⁹ Кирилл. Указ. соч. С. 4–5.

⁷⁰ *Broue P. Rakovsky ou la révolutojn dans tous les pays.* P. 68.

лицейские чины.

Христиан вскоре был освобожден и призван в армию в качестве военного врача. Правда, на подавление восстания его послать не решились. Он находился в казарме в Констанце, а тем временем вновь решалась его судьба. Правительство либерала Иона Брэтиану, пришедшее к власти в январе 1909 г., поставило вопрос о судебном выяснении «национальности Раковского». Бухарестский суд признал его болгарским подданным и исключил из списка избирателей. А вслед за этим Раковский был изгнан из Румынии (одновременно он был лишен офицерского звания), что не положило предела его фактической деятельности в королевстве и связям с румынскими социалистами и другими общественными деятелями, не прекращавшими добиваться его возвращения.

За судьбой Раковского внимательно следил и выдающийся русский писатель Владимир Галактионович Короленко, с которым Раковский был знаком еще с 1900 г. Тогда Короленко вступился за Крыстю, депортируемого из Российской империи, пытался, хотя и безуспешно, отстоять его право проживать в Петербурге, хлопотал за него через разных лиц.⁷¹

Знакомство возобновилось в Румынии, куда еще с середины 90-х годов Короленко приезжал по приглашению брата своей жены Василия Семеновича Ивановского – военного врача, народника, который многократно подвергался аре-

⁷¹ *Беренштам В. В.* В. Г. Короленко как общественный деятель и в домашнем кругу. Берлин, 1922. С. 55.

стам, бежал из заключения, а в 1877 г. стал политическим эмигрантом. Он жил в городе Тулча под фамилией Петра Александрова (а с 1906 г. в Румынии жила и сестра жены Прасковья Семеновна Ивановская, также народница).⁷² Брат и сестра Ивановские сблизились с Раковским в 1905 г., помогая ему оказывать помощь матросам «Потемкина». Именно при их посредничестве Короленко вошел в круг руководителей румынского социалистического движения. Особенно тесная дружба установилась у него с Доброджану-Геря, о чем доносил в Департамент полиции руководитель русской царской агентуры в Румынии полковник Будзилович.⁷³

Отношения с Раковским не были столь близкими, но взаимная симпатия и сходство взглядов по политическим вопросам (отнюдь не касательно социальной теории – Короленко решительно отвергал марксизм) вскоре стали бесспорными. Проявлением дружеских отношений был и обмен фото-снимками.⁷⁴

Несколько лет Раковский скитался по Европе. Он жил во Франции, Германии, Бельгии, Болгарии. Несколько раз он пытался нелегально проникнуть в Румынию. 26 февраля 1911 г. начальник жандармерии Одессы докладывал в Осо-

⁷² Трофимов Н. Г. Народник Василий Ивановский. Тула, 1980.

⁷³ Там же. С. 85.

⁷⁴ В архивном фонде В. Г. Короленко сохранился портрет новой жены Раковского Александрины, о которой будет сказано ниже (Собрание Отдела рукописей Российской государственной библиотеки (далее СОП РГБ). Ф. 135. Раздел III. Картон 58. Ед. хр. 37).

бый отдел Департамента полиции, что Раковский тайно прибыл в Румынию и по случаю выборов в парламент выпустил воззвание к рабочим и крестьянам, а от правительства потребовал пересмотра дела по лишению его подданства и изгнанию из страны. Правительство в этом отказало и лишь разрешило остаться в стране на несколько дней. 24 марта Христиан был доставлен к границе Болгарии, но болгарские власти отказались его впустить. Он был отправлен на пароходе в Константинополь и высажен на берег. При высадке Раковский был встречен турецкими революционерами, которые его бурно приветствовали. Он даже посетил парламент Турции, где властвовали так называемые младотурки, совершившие перед этим государственный переворот под знаменем европеизации страны. Раковский выступил с благодарственной речью за оказанный ему радушный прием. Председатель парламента Ахмат Риза-бей отметил, что сам бывал в изгнании и понимает положение Раковского, который может оставаться в Турции столько, сколько пожелает.⁷⁵

Однако задерживаться в Стамбуле Раковский не стал. Он обратился к властям Болгарии с официальным ходатайством о разрешении ему возвратиться на родину, получил таковое и весной 1911 г. легально приехал в Софию.

⁷⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 226. Ед. хр. 15429. Л. 69.

3. Объединительная кампания и газета «Наперед»

Именно в этот период Раковскому была оказана большая честь – он был введен в состав МСБ, информационно-распорядительного органа II Интернационала. Это не означало превращения Христиана в одного из руководителей мирового социалистического движения. Видимо, мотивы его включения в МСБ были двоякими: во-первых, это была демонстрация солидарности с гонимым и преследуемым румынским социалистическим лидером, во-вторых, привлечением Раковского МСБ подчеркивало важность ситуации на Балканском полуострове, в европейском «пороховом погребе», где назревал военный конфликт. Тем не менее Раковский сразу стал активным и деятельным членом международного органа, что проявилось в стремлении провести его объединительный курс в болгарском социалистическом движении.

Этот курс Раковский стал пропагандировать приблизительно с 1908 г. Несколькими годами ранее одобривший разрыв тесняков с общедельцами, как стали называть «широких» социалистов, Крыстю теперь на базе опыта международного социалистического движения изменил свое мнение и стал настаивать на слиянии обеих партий.

Помимо внешних идеологических причин, существенных для обоснования новой примиренческой (центрист-

ской) позиции Раковского, были и причины личного характера. Практически сразу после Амстердамского конгресса в БРСДП (т. с.) возникло и начало развиваться новое, центристское течение, в которое волею судеб включились личные друзья Раковского. Среди них надо назвать Георгия Бакалова, дружба с которым не прекращалась с 1894 г., Николу Харлакова, Романа Аврамова, позже Николу Сакарова, единомышленницу и племянницу Койку Тиневу.

Первоначальной причиной внутрипартийных разногласий стал спор о печати, жертвой которого оказалась издательская деятельность Г. Бакалова, уже тогда прекрасного публициста и умелого редактора. Внешне защищая централизм рабочей печати, идеологи БРСДП (т. с.) во главе с Г. Кирковым обеспокоились тем, что редактируемый Бакаловым журнал «Работнишко дело» может предстать в глазах читателей интереснее и популярнее довольно тяжеловесной газеты «Работнически вестник» – центрального партийного органа. Скоро вся партия оказалась втянутой в шумную дискуссию.

Накануне XII съезда БРСДП (т. с.) (1905) разногласия приобрели крайне острый характер. В результате Д. Благоев заявил, что взгляды внутрипартийной оппозиции мало чем отличаются от позиции «общедельцев». Статьи, опубликованные накануне партсъезда, потрясли Раковского. Фактически они стали последней каплей, определившей его продолжительную (вплоть до 1912 г.) центристскую позицию в со-

циалистическом движении Болгарии. Несмотря на свою исключительную занятость, он написал критическую статью о положении в БРСДП (т. с.) и опубликовал ее в совместном с центристами сборнике «Интеллигентский индивидуализм или интеллигентская диктатура».⁷⁶

Интересно, что, в отличие от других авторов – Г. Бакалова, Н. Харлакова и Р. Аврамова, Х. Раковский позволил себе более свободный стиль публицистического общения. Его не связывала внутривнутрипартийная субординация. К тому же он достаточно уверенно ощущал себя в международном социалистическом движении, которое, несмотря на внешнюю позу, все же довольно скептически относилось к мелким и разрозненным балканским партиям и группам. В результате он прямо писал об отсутствии свободомыслия внутри партии. Там, где отрицается возможность «свободно проявлять свою волю и мысль», подчеркивал Раковский, отрицаются устои партийного существования. Более того, Раковский прямо называл виновников сложившегося в партии положения. По его мнению, это были Д. Благоев и его соратник Гаврил Георгиев.⁷⁷ Именно эти люди, утверждал Раковский, исключают

⁷⁶ Интелигентски индивидуализъм или интелигентската диктатура? Принос към спора във Работнишката Социалдемократическа Партия. Статии от Г. Бакалов, Каемпфер, Р. Х. Г. и Н. Харлаков. София, 1905. Под псевдонимом Каемпфер выступал Р. Аврамов, а инициалы Р. Х. Г. принадлежали Раковскому.

⁷⁷ Гаврил Георгиев – один из старейших членов социал-демократического движения Болгарии. Член ЦК БРСДП в 1894–1896 гг., с 1903 по 1909 г. член ЦК БРСДП (т. с.). Вместе с Д. Благоевым редактировал первые социалистические

БРСДП (т. с.) из всемирного «социального движения пролетариата». И далее: «Г. Георгиев и Д. Благоев хотят заменить исторический опыт нашей партии своим личным, ее историческому развитию они противопоставляют несколько силлогизмов собственной фабрикации».⁷⁸

Партийный съезд, на котором произошло обособление так называемых «анархо-либералов» (так окрестил отступников Благоев), прошел без участия Раковского. Но Раковский о нем знал и мог реалистически судить о положении в партии. Съезд интересен еще и своей внутренней атмосферой, той поведенческой моделью, с которой позже жизнь будет сводить К. Раковского неоднократно. Как писал Г. Бакалов, съезд напоминал атмосферу «публичного дома». Власть политических лидеров БРСДП (т. с.) уже тогда была «бесконтрольна», и «самозванные диктаторчики» третировали оппозицию «как уродов, извергов, разбойников и не давали им возможности легальной борьбы в рамках партии».⁷⁹ Так складывалась мучительно знакомая картина механического уничтожения любого инакомыслия. Сначала это случилось, в частности, в Болгарии, потом много страшнее подобное произошло и в СССР, став фрагментами показательных и все более фальшивых советских съездов и одиозных поли-

издания Болгарии, с 1899 по 1909 г. вместе с Г. Кирковым редактировал «Работнически вестник».

⁷⁸ Към спора в Работнишката социалдемократическа партия. Статии от Г. Бакалов, Каемрфер, Р. Х. Г. и Н. Харлаков. София, 1905. С. 37.

⁷⁹ Бакалов Г. Оръжията на нашите противници. София, 1905. С. 2–3.

тических судебных процессов.

Пока же партия «тесных» раскололась, и на месте оппозиции возникла весьма своеобразная организация – центристская группа «Пролетарий». С 1906 г. болгарских центристов и Раковского тесно связывал общий курс достижения партийного единства на платформе разумного компромисса.

Частичное объединение социал-демократического движения Болгарии было достигнуто в 1908 г., когда «Пролетарий» вошел в состав партии «широких социалистов», правда на позициях автономной левой фракции. В результате возникла формально новая партия – БРСДП (объединенная), которую чуть позднее пополнила еще одна небольшая группа участников. Речь идет о так называемых «прогрессистах», в числе которых были не просто друзья, но и родственники Раковского, в частности его племянница Койка Тинева. Произошло это так. Группа, складывавшаяся вокруг К. Тиневой и Н. Сакарова, встала в оппозицию к ЦК БРСДП (т. с.) и, в свою очередь, получила от Благоева кличку «прогрессистов». Благоев обвинил представителей этого течения в удовлетворении личных амбиций.⁸⁰ На протяжении последних месяцев 1908 г. группы «прогрессистов» исключались из БР-

⁸⁰ Благоев Д. По въпроса за другарските отношения в партия // Благоев Д. Съчинения. София, 1960. Т. 13. С. 254. Болгарский историк социалистической эпохи Й. Йотов, изучавший левый центризм в Болгарии, писал, что «идейным вдохновителем» этого течения, как, впрочем, и анархо-либералов, стал именно Х. Раковский (Йотов Й. Центризъмът в българското социалистическо движение 1905–1920. София, 1969. С. 163).

СДП (т. с.). Надежды на изменение партийной линии не было. В конце концов 97 членов партии отделились от БРСДП (т. с.) и примкнули к «левице» в «объединенной» партии.

С уходом «прогрессистов» из этой БРСДП (т. с.) в социал-демократическом движении Болгарии завершилось обособление центристских групп. С этого же момента в полный рост встал вопрос о перспективе объединения обеих социал-демократических партий. При этом вопрос об объединении становился не только данью объединительным резолюциям Амстердамского конгресса II Интернационала, но и следствием объективного сплетения дружеских уз, близости единой марксистской идеологии, общего прошлого.

Естественно, реакция МСБ на объединительные процессы в рабочем движении Болгарии была однозначно положительной.

Первым камнем преткновения в объединительной кампании К. Раковского стало его «Открытое письмо», опубликованное в сборнике «Объединение и прогрессистское течение»⁸¹ в 1909 г. Сам автор в это время находился все еще за границей (в Париже) и именно оттуда поспешил прокламировать свои объединительные принципы. Этот момент, наряду с фактом прямого вмешательства Раковского в межфракционные отношения в рабочем движении Болгарии, вызвал крайне негативную реакцию руководства тесно-социа-

⁸¹ *Раковски К.* Обединението на българските социалистически фракции: Открито писмо // Обединението и прогрессистско течение. София, 1909.

листической партии. В результате последовали активные выступления в прессе и фактически целенаправленная антиобъединительная агитация. Так, в Плевене на митинге, посвященном критике «Открытого письма» Раковского, перед рабочими выступил один из лидеров тесняков Тодор Луканов. Речь его вряд ли можно отнести к жанру политической полемики, скорее это была цепь оскорблений. «Если он меняет убеждения, как проститутка одежды, – говорил оратор, – нельзя сказать ему ничего, кроме объявления войны, как и всем, кто хочет объединения с “буржуазией” и, следовательно, уничтожения социал-демократии, как это случилось в Румынии».⁸²

Д. Благоев в свою очередь подчеркивал многолетнюю оторванность К. Раковского от политических реалий социалистической жизни Болгарии. Он считал, что сведения, имеющиеся у Раковского о положении в стране, поступали исключительно от его друзей-центристов, которые в свое время «сбежали от диктатуры в партии», и от всех «изгнанных из ее рядов». «Ни содержание его письма, ни его начинания, о которых он сообщает, никоим образом не говорят в его пользу, поскольку, во-первых, Раковский в своем письме рассуждает как утопист, который мыслит без связи с действительностью, а субъективно... Во-вторых, он сам в своем письме признается, что не знает работы в Болгарии и что ряд лет не следил за становлением рабочего движения Болгарии,

⁸² ЦДА на РБ. Ф. 156Б. Оп. 1. Арх. ед. 126. Л. 1.

в то же время, наряду с этими “если” и “если”, он произносит категорические суждения из самого Парижа... Такое отношение к работе непозволительно ни одному серьезному социалистическому деятелю». ⁸³

Впрочем, пока лидеры БРСДП (т. с.) только пытались дать понять Раковскому, что его вмешательство чревато прямым конфликтом с партией тесных социалистов, что никакие его бывшие заслуги перед партией тесных социалистов не помещают ее идеологам обрушиться на него со всей той силой, на которую способен хорошо отлаженный агитационный механизм. Для того чтобы предупреждение было более понятным, Д. Благоев привел ряд цитат из писем К. Раковского, но в том контексте, который явно умалял значение его деятельности для развития социалистического движения Болгарии. При этом Раковский был представлен как сторонник не социалистического, а мелкобуржуазного, реформистского пути развития социал-демократического движения.

Несколько дней спустя после выступления Благоева критику «Открытого письма» Раковского продолжил другой деятель тесносоциалистической партии Христо Кабакчиев. В конце февраля 1909 г. в трех номерах газеты «Работнически вестник» появилась его статья под общим названием «Удар по воздуху». ⁸⁴ Ощущая родство центризма и примиренче-

⁸³ Благоев Д. Писмо до редакцията // Работнически вестник. 1909. 10 февруари.

⁸⁴ Кабакчиев Х. Един удар във въздух // Работнически вестник. 1909. 13, 17, 21 февруари.

ства, но, не стараясь, подобно Благоеву, оценить его сущность, Кабакчиев попытался подменить аргументацию поверхностной иронией, граничившей с грубостью. Он писал: «Неумолимая смерть занесла свой серп над Болгарской рабочей социал-демократической партией для того, чтобы в самое ближайшее время прервать ее жизнь, но, к счастью для нее, в этот судьбоносный момент прилетел ангел-избавитель, который и укажет путь к спасению! Ангел-избавитель нашей партии – это Кростю Раковский... который появился с призывом спасти социал-демократию в Болгарии от немедленной смерти». Все замечания Раковского, все его призывы к объединению должны были остаться, по мнению Кабакчиева, только «ударом по воздуху», поскольку та «этическая и культурная сила», о которой с такой надеждой писал Раковский, – это не пролетариат, а мелкобуржуазные массы, которые «танцуют под скрипку» буржуазии. БРСДП (т. с.) же сделает все, чтобы оградить рабочих от их влияния.

Итог под обсуждением «Открытого письма» Раковского подвел тот, кто его начал, – Д. Благоев. 5 мая, почти через пять месяцев после выхода в свет «прогрессистского» сборника, в теоретическом журнале тесняков «Ново време» появилась его статья «Единство рабочего движения в Болгарии». Теперь Благоев не упоминал имени Раковского, но цитировал целые фразы из его письма, называя их автора «анархо-общедельческим фантазером».⁸⁵

⁸⁵ Благоев Д. Единството на работническо движение в България // Благоев Д.

Таким образом, налицо было очередное свидетельство роста неприязни руководства БРСДП (т. с.) к Раковскому, тем более что поведение последнего непосредственным образом указывало, что он не внял высказанному предостережению и продолжает вмешиваться в конфликт между двумя социалистическими партиями, настаивая на их скорейшем объединении.

В сущности, по всему настрою, по общему тону статьи Благоева становилось понятно, что пора предостережений для Раковского миновала, что тесняки начинают сражаться с ним обычными для них способами ведения полемики – при помощи той «площадной ругани», о которой он сам писал пять месяцев назад.⁸⁶

Усиление неприязни тесняков к примиренчеству отмечал и Х. Кабакчиев, который писал в своих воспоминаниях, что К. Раковский, приехав в Болгарию в конце 1909 г., развернул там широкую и шумную объединительную кампанию, которая, по его мнению, не имела ни малейшего успеха. Следует признать, что на этот раз здесь была значительная степень истины.

Официально приезд был санкционирован решением ЦК БРСДП (о) 12 января 1910 г. Результатом его стало специальное письмо от 7 февраля 1910 г. руководителям МСБ. ЦК

Съчинения. Т. 13. С. 347.

⁸⁶ Раковски К. Обединението на българските социалистически фракции: Открито писмо // Обединението и прогресистското течение. С. 6.

объединенной партии убеждал в необходимости объединения социалистических партий страны и предлагал «отправить К. Раковского (в Болгарию. – *Авт.*) с объединительной миссией от имени МСБ». ⁸⁷ Прибыв в Болгарию с мандатом МСБ (после очередного, еще одного, обращения Я. Сакызова в Брюссель), К. Раковский, по существу дела, ни разу так и не смог им воспользоваться.

Сохранилась довольно обширная переписка Раковского с секретарем МСБ Камиллом Гюйсмансом, в которой он подробно излагает все перипетии своей объединительной деятельности в качестве непосредственного представителя МСБ в Болгарии. Окончательный итог был подведен в письме от 10 августа 1910 г. В нем говорилось: «Сразу же после получения Вашего письма, возлагающего на меня миссию у болгарских товарищей, я предпринял необходимые шаги для достижения их единства. К сожалению, усилия мои не дали ничего. Так называемая “тесная” фракция (имеется в виду – тесные социалисты. – *Авт.*) оказалась неуступчивой, и после первых же опросов я уже знал, чего можно ожидать. Вот почему фактически вскоре после начала переговоров я отказался от этих полномочий». ⁸⁸

Крайне резкий отказ БРСДП (т. с.) от любых попыток

⁸⁷ *Дамянова Ж.* Българската социалдемокрация и Вторият интернационал. Анотирана библиография на документи в чуждестранни архиви и библиотеки (1908–1912) // Известия на института по история на БКП. Т. 59. С. 254.

⁸⁸ *Кръстю Раковски до Камил Хюйсманс* // Българските социалдемократи и Международното Социалистическо Бюро. С. 83–84.

объединения с БРСДП (о) возымел свое действие, и в конце июля – начале августа 1910 г. Исполком МСБ официально признал неудачу объединительной миссии Раковского. Таким образом, того, на что так надеялись и общедельцы, и Исполком МСБ – немедленного объединения социалистического движения в Болгарии, – не произошло. БРСДП (т. с.) восстала против самой идеи объединения, игнорируя социалистическую платформу противоположной партии, а также партийный и международный авторитет К. Раковского.

Однако проблема имела и более глубокое значение. Фактически не приняв примиренческих инициатив МСБ, тесняки проигнорировали не просто тактическую акцию К. Раковского, но и основные стратегические принципы руководства II Интернационала. Произошло как бы завуалированное противостояние ортодоксальной фракции болгарского рабочего движения центристской политике Интернационала.

В этих условиях, на фоне приближавшегося Копенгагенского конгресса II Интернационала в Болгарии начал разворачиваться новый виток примиренческой кампании. Как и раньше, несмотря на неудачу официальной миссии, МСБ и К. Раковский в качестве его члена продолжали настаивать на необходимости объединения социалистических сил страны. Однако Бюро больше не могло вмешиваться в межпартийные отношения болгарского социал-демократического движения. Этим воспользовались «тесные», критику которых отныне больше ничто не сдерживало.

Они поспешили обрушиться на Раковского в печати, обвиняя его в том, что он ведет двойную игру и стремится расшатать устои их организации. Став на путь «разоблачений», идеологи тесняков упрекали Раковского в двуличии и авантюризме, а БРСДП (о) в измене делу пролетариата. Относительно же вопроса объединения социалистических партий Болгарии БРСДП (т. с.) однозначно заявляла: «Мы никогда не были и не будем за бумажное “объединение”». ⁸⁹

Все эти обвинения нашли наиболее полное отражение в редакционной статье газеты «Работнически вестник» от 26 июля под названием «Сегодняшняя борьба рабочего класса». Она была написана в таком резком тоне, что Раковский не смог промолчать. Он выступил с публичным опровержением, опубликованным в той же газете. В своем опровержении Раковский писал, что противоречия во взглядах, которые ставят ему в вину «тесные социалисты», не являются признаком двуличия или приспособленчества. Напротив, подчеркнул он, это лишь указывает на то, что «согласие с вашей тактикой не означает, что я принимаю все практические приложения, которые вы ей даете». ⁹⁰

Анализируя свою объединительную деятельность в Болгарии, Раковский отмечал, что она выражалась не в давле-

⁸⁹ *Днешните борби на работническата класа* // Работнически вестник. 1910. 26 юли.

⁹⁰ Едно «опровержение» на Д-р К. Раковски // Работнически вестник. 1910. 18 август.

нии на БРСДП (т. с.) (а это было возможно, поскольку на его стороне находился авторитет МСБ), а всего лишь в выяснении положения в болгарском социалистическом движении посредством личных встреч и нескольких лекций о пользе единства социалистических сил. Таким образом, он обращал внимание, что действовал деликатно и осторожно. Если же это возымело больший эффект, чем надеялись тесняки, то лишь потому, что он принес в Болгарию плодотворную идею, оказавшуюся привлекательной для многих социалистов во враждовавших партиях. Впрочем, на руководство БРСДП (т. с.) выступление Раковского не повлияло. «Работнически вестник» и позже продолжал утверждать, что «пресловутый объединитель» «впал в грубое противоречие», что он приспособленец, что его поведение «отвратительно».

Отголоски поднятой против К. Раковского в тесносоциалистической прессе кампании наверняка дошли до Исполкома МСБ в Брюсселе. Понимая, что действия ЦК БРСДП (т. с.) могут затормозить гипотетический объединительный процесс в болгарском социалистическом движении, Бюро приняло решение усилить позиции К. Раковского при помощи поддержки такого примиренца, каким являлся Л. Д. Троцкий.

Последний прибыл в Софию летом 1910 г. для участия в XVII съезде БРСДП (т. с.) в качестве представителя российской социал-демократии. Визиту Л. Д. Троцкого пред-

шествовала встреча с К. Раковским в Вене.⁹¹ В ходе беседы одной из тем стал вопрос об отношениях между «тесными социалистами» и «общедельцами».⁹² Можно предположить, что, разделяя общие примиренческие позиции, занимая сходное внефракционное положение, пользуясь достаточной политической известностью, они вполне могли составить общий план действий, следствием которого (при поддержке МСБ) стало официальное посещение Л. Д. Троцким съезда тесняков в Софии.

Л. Д. Троцкий повел себя в Болгарии в полном соответствии с тактикой, ранее апробированной К. Раковским. Он старался не раздражать тесняков и пользовался любым удобным случаем для устранения недоразумений между БРСДП (т. с.) и БРСДП (о), балансируя на уровне личных контактов, тем более что, как представитель дружественной социал-демократической партии, мог вполне легально интересоваться положением, сложившимся в болгарском социалистическом движении. Троцкий выяснял возможности объединения социалистических партий. На двух заседаниях ЦК БРСДП (т. с.) он предлагал свое содействие в преодолении раскола в качестве посредника.⁹³

Заранее зная, что Л. Д. Троцкий будет присутствовать на

⁹¹ *Broue Pierre. Rakovsky on la Revolution dans tous les pays. С. 95.*

⁹² *Йотов Й. Из борбите на тесните социалисти против опортюнизма на Втори Интернационал. София, 1964. С. 67.*

⁹³ *Една камбанска измислица // Работнически вестник. 1910. 14 юли.*

съезде БРСДП (т. с.), Раковский решил официально представлять Социал-демократическую партию Румынии на очередном съезде БРСДП (о), проходившем в Софии в это же время. В выступлении на съезде он резко критиковал тесняков за узость, догматизм их взглядов и тактики.⁹⁴ Самим фактом личного участия в работе съезда объединенной партии он демонстрировал теснякам, что платформа БРСДП (о), несмотря на определенные тактические разногласия, воспринимается руководством II Интернационала как вполне социалистическая.

Однако непримиримость идеологов БРСДП (т. с.) своей жесткостью превзошла даже соответствующую тактическую платформу ленинской фракции РСДРП. Ни К. Раковский при прямом содействии МСБ, ни тем более критикуемый большевиками Л. Д. Троцкий на ортодоксальный ЦК тесняков повлиять не смогли. В результате разочарованный Троцкий покинул Болгарию раньше других иностранных делегатов, участвовавших в съезде БРСДП (т. с.).

Однако на этом объединительная деятельность Троцкого в Болгарии не завершилась. До конца реализуя свои представительские функции (а после визита в Софию получив еще и дополнительный импульс для антипатии), он решил продолжить примиренческую кампанию большой статьей в

⁹⁴ Трифонова Е. К. Кр. Раковский и славянский съезд в Софии (1910) // Тоталитаризм и антитоталитарные движения в Болгарии, СССР и других странах Восточной Европы (20–80-е годы XX века). Харьков, 1995. Т. 2. С. 4.

«Социал-демократе» – центральном органе РСДРП. Так появилась его работа «О Балканах и на Балканах (вместо отчета)», где подробно говорилось о ситуации в социалистическом движении Болгарии, подвергались решительной критике тесняки, которых автор называл «закрытой политической сектой», и в целом положительно оценивалась БРСДП (о), в рядах которой было «много ценных социалистических элементов».⁹⁵ По существу дела, совместная акция Л. Д. Троцкого и К. Раковского в июле 1910 г. стала последней попыткой МСБ подтолкнуть тесняков к объединению накануне очередного конгресса II Интернационала.

После провала и этой примиренческой кампании у К. Раковского оставалось еще чуть больше года пребывания в Софии – время, которое он использовал для подготовки и издания ежедневника «Наперед». Последний на короткое время стал центром консолидации «левицы» БРСДП (о) и соответственно той публичной ареной, на которой формулировались тактические принципы центристской оппозиции в социалистическом движении Болгарии 1911 – начала 1912 г.

Оценивая примиренческие кампании в болгарском рабочем движении, необходимо отметить, что они в своей самостоятельной, персонифицированной в лице Раковского форме делились на три периода. Первый включал в себя процесс

⁹⁵ *Троцкий Л.* На Балканах и о Балканах (вместо отчета) // Социал-демократ. 1910. 12 сентября; *Станчев М. Г., Чернявский Г. И.* Л. Д. Троцкий, Болгария и болгары. София, 2008. С. 37–38.

обособления прогрессистов и начало публичной объединительной агитации К. Раковского. Затем следовал этап официальной миссии К. Раковского, санкционированной МСБ II Интернационала и подкрепленной кратковременной деятельностью Л. Д. Троцкого. Заключительной волной примиренчества стало издание «Наперед», акция, также носившая объединительный характер, но в то же время общецентристская, позволившая обобщить основные цели и тактические установки «левицы» в БРСДП (о).

В очередной раз обращаясь к вопросу об объединении социалистических сил страны, Раковский, вновь на недолгое время ставший Крыстю, на несколько месяцев подчинил ему свой недюжинный публицистический талант, пылкость полемиста и логику аналитика. Раковский представлял себя в газете в качестве «политического директора». В роли ответственного редактора выступал Васил Нейчев, не оказывавший существенного влияния на политический облик газеты и привлеченный в качестве своего рода «зитц-руководителя».

Статьи Раковского публиковались почти в каждом номере, причем зачастую, наряду с основной статьей, посвященной главной на данный момент, по мнению автора, проблеме, появлялись и другие его письма, заметки и т. д. Можно полагать, что и значительная часть материалов, опубликованных без подписи, принадлежала перу Раковского. Тем не менее мы принимаем во внимание в основном публикации, подпи-

санные им.

Задачи газеты были сформулированы в передовой статье первого номера. Раковский подчеркивал твердое намерение держаться в стороне от фракционных раздоров. Он предполагал вести спокойную и объективную критику, постепенно рассеивать недоверие, которое ныне, «как густой туман, окутывает обе социалистические фракции». В связи с предстоявшим созывом Великого Народного Собрания (ВНС) – предусмотренного конституцией особо избранного парламента, имевшего право вносить изменения в основной закон страны (предполагалось, что оно изменит конституцию в пользу усиления власти монарха Фердинанда), перед газетой выдвигалась двойная задача: вести борьбу за демократизацию конституции и в то же время осуществлять «постоянную критику, объективную и непримиримую, так называемой болгарской демократии в широком смысле слова». Наряду с этим намечались выступления в пользу мира и образования балканской конфедерации государств. «Социализм, объединение, демократия, мир и прогресс – таковы наши лозунги», – резюмировал автор.

Можно было предположить заранее, что, несмотря на корректный тон, который был характерен для газеты «Напред» в отношении партии тесных социалистов, и отдельные позитивные оценки этой партии, свойственные поначалу газете, руководители БРСДП (т. с.) отнесутся к ней неблагоприятно. Это обуславливалось самим характером тесносо-

циалистической партии, решительно отказывавшейся от левого блока, от каких-либо компромиссов в практической деятельности и тем более от объединения социалистического движения. Но резкость и грубость, крайняя враждебность, с которыми была встречена газета, пожалуй, превзошли эскапады прежних лет. Первый обзор «Наперед» появился в газете «Работнически вестник» 1 июня и был озаглавлен «Вперед к конфузу». Ему были присущи издевательские интонации: «Как известно, новый благодетель рабочего класса Болгарии д-р Кр. Раковский начал издание второго “социалистического”⁹⁶ ежедневника, в который перебросил три четверти редакторов первого “социалистического” ежедневника “Камбана”». ⁹⁷

Первый развернутый, спокойный, полный достоинства ответ газете «Работнически вестник» появился в «Наперед» 12 июня. Он начинался словами: «Наш идейный собрат “Работнически вестник” с присущей ему враждебностью ко всем, кто не относится к его лагерю, встретил “Наперед”. Мы ответим по всем вопросам, которые прямо или косвенно ставит своей полемикой “Работнически вестник”, оставляя в стороне недостойные остроты».

В центре внимания Раковского весной и летом 1911 г. сто-

⁹⁶ Слово «социалистический» применительно к газете «Наперед» тесные социалисты от начала до конца полемики брали в кавычки.

⁹⁷ Ежедневная газета «Камбана» («Колокол») выходила под редакцией социалистов, критиковавших тесняков, с октября 1907 г. по ноябрь 1919 г.

яла борьба вокруг предполагавшегося изменения конституции с целью укрепления монархической власти. Раковский убедительно полемизировал с теми, кто стремился оправдать эту акцию национальными интересами.

А в связи с этим он поднимал и более общий вопрос о государственном устройстве Болгарии, обращая внимание на международный опыт. Раковский констатировал, что даже абсолютные монархии в отдельных странах (Россия, Китай) вынуждены отступать под напором народных масс. Тем более такое отступление характерно для многих стран с парламентскими монархиями. «Если перед болгарскими гражданами дилемма: монархия или республика – поставлена ныне, когда предстоит изменение основного закона страны, для Европы и [всего] цивилизованного мира она поставлена давно».⁹⁸

Раковский полагал, что борьба за республику имеет большое революционное значение. Идеализированно представляя себе будущее социалистическое устройство, внося, как и другие марксисты, не просто утопический элемент в него, а строя свои представления на базе явной утопии, Раковский указывал, что только при социализме исчезнут условия для личного режима. В то же время, отличая идеал от возможностей, которые открывались при капитализме, он, не отвергая «печати классового господства», различал формы, к которым пролетариату следует относиться по-разному, и при-

⁹⁸ Напред. 1911. 29 май.

зывал последний решительно высказаться за демократическую республику. Само республиканское устройство он не идеализировал. Публицист подчеркивал, что даже наилучшая форма правления будет иметь для рабочих положительное значение только тогда, когда их сознательность и классовые организации будут находиться на должной высоте. И при республиканской форме правления условия существования пролетариата могут быть хуже, чем при монархии. Поэтому республиканская пропаганда должна вестись параллельно с социалистической пропагандой.⁹⁹

Республиканскую пропаганду Раковский проводил и в устных выступлениях. Интересные мысли высказал он на предвыборном собрании в столичном зале «Новая Америка» 31 мая. «Когда достигшее известной зрелости гражданское сознание не вбирается уже в существующие политические и конституционные формы, происходят такие плодотворные конфликты и революции, которые толкают вперед человеческий прогресс». Болгария переживает важный момент борьбы между демократией и олигархией. Хотя в стране существует конституционно-монархический строй, он не гарантирует от опасности деспотического личного режима. Оратор подчеркивал, что национальные мотивы, которыми пытаются обосновать изменение конституции, иллюзорны, что монархическая власть ведет лишь праздный торг вокруг на-

⁹⁹ Напред. 1911. 8 юли.

циональных идеалов.¹⁰⁰

Когда же выборы в Великое Народное Собрание состоялись и на его заседаниях начали дебатироваться предлагаемые изменения статьи Тырновской конституции, предусматривавшие расширение полномочий монарха для вступления в те или иные союзы и коалиции во имя решения задач национального воссоединения болгарского народа (его группы, разные по численности, действительно входили в состав Турции, Сербии, Румынии и Греции), Раковский стал сочетать анализ действий и намерений двора и правительства с обоснованием своей позиции по вопросам международных отношений, прежде всего балканских.

Он решительно высказывался против тайных договоров, полагая, что в обществе, разделенном на социальные классы, войны неизбежны, но выражал в то же время убеждение, что «известные политические режимы в наибольшей степени увеличивают шансы войны».¹⁰¹

Он подчеркивал, что болгарскому народу отнюдь не безразлично, каким путем будет достигнуто его национальное единство. Прежде всего выдвигалось предостережение против вступления страны в союз с каким-либо из крупных государств. Союз имеет смысл, когда в него вступают государства одинаково сильные или по крайней мере сравнимые по своей мощи. Какие санкции могла бы применить Болга-

¹⁰⁰ Там же. 1 юни.

¹⁰¹ Напред. 1911. 4 юни.

рия против России или Австрии во имя исполнения обязательств? Раковский приводил реальные примеры, анализировал внешнюю политику Австрии и России, доказывал, что Болгария не может опереться ни на ту, ни на другую. Изменение конституции привело бы, по его мнению, к усилению зависимости страны от России. Он отвергал инсинуации по поводу нигилистического отношения социалистов к решению болгарских национальных проблем, подчеркивал, что социалисты должны поддерживать идею национального единства. «Могут удивляться, что мы, социалисты, заботимся о национальном единстве, – писал он. – В сущности, нет ничего более естественного, потому что мы выступаем за свободу народов... Мы убеждены, что единственным способом достижения национального единства всех болгар является Балканский союз».¹⁰²

Именно идея Балканского союза, или Балканской федерации, или в крайнем случае Балканской конфедерации находилась в сфере особого внимания этого своеобразного социалиста. Действительно своеобразного, ибо, когда он писал о том, что социалисты в целом заботятся о национальном единстве народов, он явно кривил душой. Для левых социалистов, а таковыми являлись, в частности, болгарские тесняки, национальные задачи явно отходили на второй план по сравнению с интернациональными целями, отдавались на откуп «буржуазному национализму», который они в равной

¹⁰² Там же. 9, 12 юни.

мере жестко и необоснованно разоблачали.

Раковский же в газете «Наперед» отстаивал решение национального вопроса, на конструктивной основе оттачивал свои идеи, которые окажутся в центре его внимания в будущем, когда он станет ответственным советским государственным деятелем и вступит в первый острый конфликт со Сталиным как раз по национальному вопросу.

Пока же он обосновывал идею создания Балканского союза, полагая, что этот идеал будет достигнут в результате усилий снизу, в результате упрочения на полуострове демократических тенденций. Оптимальный путь обеспечения мира на Балканах, писал он, – это Балканская конфедерация демократических республик. Но в статьях этого цикла, наряду с понятием Балканской конфедерации, часто употреблялся и термин Балканский союз. И это, как представляется авторам книги, не случайно. Раковский пытался интегрировать в нем понятия федерации и конфедерации, не видя между ними сколько-нибудь существенных различий. В то же время указывая, что социалисты ставят цель создания федеративной балканской республики, что таковая может возникнуть только в условиях мира и демократических свобод, Раковский отдавал себе отчет в отдаленности реализации этой цели, именовал ее идеалом. «На пути к осуществлению этого социалистического идеала, – писал он, – социалистическая партия будет бороться и поддерживать все, что способствовало бы демократическому сближению балканских на-

родов».

Иначе говоря, во имя демократического объединения Балкан выдвигался курс не только на единство рабочего движения, но и на сотрудничество гетерогенных классовых и политических сил, то есть тот курс, который через два с лишним десятилетия при существенных модификациях получит наименование антифашистского Народного фронта (идея, выдвинутая прежде всего в угоду текущим государственным интересам СССР, как их понимал в то время Сталин, но получившая одобрение в разнообразных демократических кругах). В начале же второго десятилетия века эта идея разоблачалась и поносилась болгарскими тесными социалистами и другими сектантски настроенными группами в международном социалистическом движении как недопустимое классовое сотрудничество.

В одной из статей Раковский четко и определенно формулировал идею межклассового и межпартийного блока в движении за Балканскую конфедерацию, указывая, что это – одна из тех идей, которые объединяют «прогрессивные и демократические силы, участвующие в различных партиях».¹⁰³

Движение за Балканскую конфедерацию было немислимо без тесных контактов, без единства действий социалистов на Балканах, причем обе болгарские социал-демократические партии, несмотря на существовавшие между ними коренные противоречия и вражду, как и другие партии II Ин-

¹⁰³ Напред. 1911. 2 август.

тернационала, как и руководящие круги самого Интернационала, считали целесообразным создание здесь региональной межпартийной организации. В декабре 1909 г. в Белграде состоялась первая балканская социал-демократическая конференция, принявшая принципиальное решение об основании Балканской рабочей социал-демократической федерации, но отложившая ее практическое создание до следующей конференции. Таковая была намечена на 1911 г. в Софии, однако созыв новой конференции оказался под угрозой, а затем и вовсе был сорван в результате упорного сопротивления тесных социалистов участию в ней конкурентной широкосоциалистической партии.

К. Раковский критиковал такую позицию, с горечью указывал на инертность и бюрократизм болгарских социалистов.¹⁰⁴ Он вспоминал, что первое решение о созыве социал-демократической конференции на Балканах было принято на конгрессе II Интернационала в Штутгарте в 1907 г., где он представлял Румынию, причем имелось в виду участие в конференции представителей социал-демократических партий Сербии, Болгарии и Румынии, как «тесных», так и «широких». Ответственность за срыв конференции лежит на тесных социалистах, полагал он. Продолжая критику их позиции, Раковский отмечал поддержку созыва второй балканской конференции со стороны МСБ.

Вновь и вновь указывал он на несущественность спора по

¹⁰⁴ Напред. 1911. 23 юли.

поводу федерации или конфедерации, подчеркивая, что сами эти идеи весьма туманны. «Я лично употребляю оба термина, имея в виду союз, основанный на нынешнем территориальном статус-кво». Пролетариат должен относиться к своим задачам реалистически, а не мистически: любое сближение балканских народов, если оно не преследует агрессивных или реакционных целей, весьма желательно. Пролетариат «представляет себе свои задачи не отвлеченно, вне исторической современности, а в самой интимной связи с ней». ¹⁰⁵

А в связи с идеей Балканской федерации (конфедерации) Раковский стремился дать конкретный анализ международного положения на Балканах, внешней политики Болгарии, рассмотрение же более широкого круга международных проблем почти всегда имело балканский контекст. Он доказывал серьезность опасности российской политики на Балканах, отрицал освободительный характер действий России в регионе, высмеивал панрусистские концепции, проводя параллели с другими экспансионистскими акциями России. «Нет более опасного врага для свободы народов, прогресса и цивилизации, чем Россия. Она опора всемирной реакции». ¹⁰⁶

Некоторое преувеличение, выпячивание реакционной роли России, свойственное многим деятелям II Интернациона-

¹⁰⁵ Там же. 23 октомври, 13, 24 ноември.

¹⁰⁶ Там же. 19 юли.

ла (а еще ранее Марксу и Энгельсу), здесь проявлялось, но в основе своей эти оценки были далеки от идеализированных представлений, которые стали складываться с официального благословения через много лет в болгарской и советской историографии. Раковский подтверждал свои наблюдения, сравнивая политико-дипломатический треугольник – Россию, Болгарию и Сербию. Именно так была названа одна из его статей.¹⁰⁷ Анализируя соглашение российского министра иностранных дел С. Д. Сазонова с германским рейхсканцлером Т. Бетманом-Гольвегом по ближневосточным вопросам, политический обозреватель делал обоснованный пессимистический вывод о полном сохранении противоречий на Балканах и о неспособности балканских государств проводить самостоятельную политику.¹⁰⁸

В тесной связи с проблемой Балканского союза Раковский рассматривал вопрос о Македонии и перспективах ее развития. Это была территория со смешанным в национальном отношении населением, причем славянская его часть преимущественно представляла собой ветвь болгарской народности. В условиях, когда лишь небольшая часть Македонии входила в Болгарию, а остальная была разделена между Сербией и Грецией, когда большинство македонцев стремилось к национальному воссоединению в рамках Болгарии, македонский вопрос оказывался все более взрывоопасным и ис-

¹⁰⁷ Напред. 1911. 20 юли.

¹⁰⁸ Там же. 7 август.

пользовался самыми разнообразными политическими силами в явно корыстных интересах.

Раковский полагал, что этот вопрос может быть наименее болезненно, мирным путем, с учетом интересов всех заинтересованных государств разрешен в рамках Балканской конфедерации. Именно с этой точки зрения в его статьях содержалось осуждение четнического (партизанского) движения – оно, полагал политический директор газеты, подрывает веру народных масс Македонии в собственные силы.¹⁰⁹ С большим уважением отзываясь о македонской интеллигенции, ведшей самоотверженную работу, Раковский писал: «Македонские болгары будут иметь будущее, если они самостоятельно станут на ноги и будут своим умом и своими средствами бороться за права, свободы и материальное благосостояние».¹¹⁰

Придавая важное значение македонской проблеме, Раковский осенью 1911 г. совершил две поездки в македонские районы (Салоники и другие места), причем вторая поездка продолжалась целую неделю. Оттуда он посылал письма в свою газету. Отмечались крайняя нестабильность обстановки и в то же время некоторая активизация рабочего движения, нищета населения, но намечавшийся определенный экономический рост, изменения общественной психологии, в частности у македонских турок, – значительно более сво-

¹⁰⁹ Там же. 10 нояври.

¹¹⁰ Там же. 5 август.

бодное поведение женщин. 29 октября Раковский выступил на митинге в Салониках, посвятив свою речь борьбе за мир и конфедерации на Балканах.¹¹¹

Однако в центре печатной пропаганды, устных агитационно-пропагандистских выступлений Раковского находились вопросы болгарского рабочего и социалистического движения. Он стремился обосновать свои призывы к его единству насущными потребностями пролетариата, который в его представлении, в отличие от концепций тесных социалистов, был неразрывно связан с другими слоями трудящихся. Характерно, что первая его статья на экономическую тему в газете «Напред» была посвящена вздорожанию жизни, которое он анализировал на базе официальных данных Болгарского народного банка,¹¹² а не традиционной теме абсолютного и относительного обнищания пролетариата.

Проводя тему единства рабочего класса как лейтмотив почти через все материалы своей газеты, Раковский посвятил ей ряд обстоятельных статей и устных выступлений. В одной из статей он исходил из ошибочности опровергнутого ходом событий мнения, что болгарские социалисты должны будут еще долгие годы ограничивать себя чисто воспитательными задачами, пока экономические условия не приведут к созданию сильного рабочего класса. Единая социал-демократия стала бы мощным политическим фактором.

¹¹¹ Напред. 1911. 3, 5, 12, 24 ноември, 2 декември.

¹¹² Там же. 6 юли.

«Тот факт, что существуют две воюющие между собой фракции, отталкивает от наших рядов множество рабочих и избирателей. При расколе необходимо высокое сознание и даже известный фракционный фанатизм, чтобы рабочий оказался вовлеченным в борьбу. Притягательная сила фракции не может увлечь среднего рабочего-избирателя, который в Болгарии, как и повсюду, имеет ограниченную психологию и не может проникнуть в тонкости, часто схоластические, фракционных споров». С горечью констатировалось, что обе «фракции» (на самом деле это были совершенно самостоятельные партии, но, стремясь к достижению единства, автор упорно продолжал пренебрегать этим очевидным фактом) стоят одна против другой, как враждебные армии. Это лишь ослабляет рабочий класс.¹¹³

Идея единства пронизывала всю полемику с тесными социалистами и их печатным органом, в материалах которого, «оставляя в стороне многие нелюбезности по нашему адресу», Раковский стремился найти «зерна серьезных возражений и здравого смысла». В самом начале полемики он выразил надежду, что объединение восторжествует, несмотря на препятствия с обеих сторон, так как отвечает здравому классовому инстинкту рабочих. «Главная цель “Наперед” в том, чтобы, наряду с распространением социалистических взглядов по различным общественным и политическим вопросам,

¹¹³ Там же. 5 юли.

ратовать за идею объединения».¹¹⁴

Впрочем, упрекая обе социалистические «фракции» и особенно тесняков в том, что они противодействуют единству, критикуя раскольнический курс и находя позитивные инициативы на пути к объединению, Раковский усматривал причины разброса в болгарском рабочем движении прежде всего в самих условиях страны, в слабости рабочего класса. Об этом шла речь, например, в выступлении на собрании в Софии 7 июля 1911 г., посвященном перспективам объединения социалистических сил.¹¹⁵ Такой взгляд свидетельствовал, что издатель «Напред» вряд ли мог рассматривать главную задачу своей газеты и всей своей деятельности в Болгарии в 1911 г. как реально достижимую в близком будущем. Скорее он вел пропагандистскую кампанию во имя довольно отдаленной перспективной цели.

Центристская ориентация в рабочем движении внутри страны дополнялась у Раковского соответствующими связями и симпатиями на международной арене, о которых можно судить лишь косвенно, так как официально он не высказывал предпочтения тем или иным группам и деятелям, а выражал верность II Интернационалу в целом, будучи членом его МСБ. Газета «Напред» в полной мере солидаризовалась с рабочими демонстрациями и митингами в защиту мира,

¹¹⁴ Напред. 1911. 10 юли.

¹¹⁵ Там же. 8 юли.

проходившими в июле 1911 г. во многих странах.¹¹⁶

В наибольшей степени центристские связи Христиана Раковского в рабочих кругах Западной Европы и России проявились в публикации материалов Л. Д. Троцкого. Вначале в газете «Наперед» появилось письмо Троцкого Раковскому, отправленное из Вены 27 июля. В письме говорилось: «С большим интересом прочитал полученные номера “Наперед”. Излишне говорить, что мои симпатии всецело на стороне той партийной политики, которую проводит ваш орган. Насколько могу судить, такая газета – боевая, актуально-политическая, чуждая какому-либо фракционному сектантству, необходима прогрессивному рабочему классу».¹¹⁷ И позже, посылая в «Наперед» свои статьи, Троцкий демонстрировал симпатии к политическому направлению этой газеты и лично к Раковскому.

В это время дружба между Троцким и Раковским, возникшая ранее, окрепла. Оба политических деятеля ею гордились на протяжении последовавших почти двух с половиной десятилетий.

Уже в конце сентября 1911 г. появились сведения о финансовых затруднениях газеты «Наперед»,¹¹⁸ которая являлась частным органом и не имела поддержки каких-либо политических сил или же хозяйственных объединений, дефи-

¹¹⁶ Там же. 23 юли.

¹¹⁷ Наперед. 1911. 2 август.

¹¹⁸ Там же. 24 септември.

цит бюджета которой восполнялся, по-видимому, исключительно за счет личных средств Христиана Раковского. В следующие месяцы можно отметить спад его внимания к собственной газете. С 5 по 10 октября он не опубликовал ни одной статьи – такое положение было невиданным с самого рождения газеты. Затем он вновь стал публиковаться, но далеко не в каждом номере. Менялась тематика выступлений – Раковский вдруг проявил интерес к искусствоведению, опубликовав несколько статей о спектаклях софийского Народного театра. Признаемся, что для этих статей был характерен достаточно примитивный, «социологический» подход к театральному искусству.¹¹⁹

Постепенно внимание Раковского вновь сосредоточивалось на политической борьбе и рабочем движении Румынии, от которых он был насильственно оторван несколькими годами ранее. В «Напред» появились статьи об успехах румынских рабочих в борьбе за социальное законодательство, которое рассматривалось как пример для болгарского рабочего класса.¹²⁰

Созревали условия для возвращения в Румынию, где продолжали работу его подлинные друзья и единомышленники во главе с Доброджану-Геря.

1 января 1912 г. Раковский известил читателей «Напред» о прекращении выхода газеты, признав нереальным объеди-

¹¹⁹ Там же. 17 ноември, 14, 15 декември.

¹²⁰ Там же. 18 декември.

нение в данное время болгарского рабочего движения, а 7 января выпустил последний, 184-й номер газеты. Через несколько месяцев Доброджану-Геря сообщил В. Г. Короленко о радостном событии – возвращении Раковского в Румынию и получении им всех «конфискованных прав гражданства». «Вы знаете приблизительно это дело, – говорилось в письме. – В течение последних пяти лет... оно для нас, румын, приобрело важность дела Дрейфуса. После Вашего отъезда и до теперешней весны пришлось почти исключительно заниматься этим делом, и кончилось оно теперь полным успехом. Сначала Раковскому позволили въехать в страну, а затем шаг за шагом удалось отвоевать все забранные и попранные права. Теперь Раковский полный гражданин и на будущих выборах, вероятно, будет выбран депутатом».¹²¹

Несмотря на краткость и кажущуюся эпизодичность, работа Раковского в Болгарии и собственно в газете «Напред» стала важным этапом в его политическом и личностном развитии. Он проявил в этой работе высокие для своего времени образованность, эрудицию и трезвость, понимание необходимости органического единства социалистических и демократических ценностей. Впечатляющей была его кампания против монархизма, за демократическое устройство. Раковский приложил немало усилий, пытаясь добиться объединения социалистического движения Болгарии. Он проявил себя как центрист в лучшем смысле этого слова – ра-

¹²¹ СОР РГБ. Ф. 135. Р. II. К. 22. Ед. хр. 76. Л. 35.

зумный и честный политик, в основном чуждый догматизма и мелочности, стремившийся в значительно большей степени, нежели его оппоненты, к достижению реальных целей.

Согласно оценке видного болгарского общественного деятеля и журналиста Симеона Радева, Раковский проявил себя как «современный Дон Кихот, печальный рыцарь социалистического объединения». Но сам Радев отмечал яркий публицистический талант Крыстю, его интеллектуальную проницательность и широкий взгляд на мир, лишенный догматизма.¹²²

¹²² См.: *Бориславов Я.* Българската журналистика – възходи и падения (1844–1944) // Медии и обществени комуникации. 1910. Януари. Брой 4. С. 8 (Интернет).

4. Балканский центрист-циммервальдовец

Пребывание в течение нескольких лет за рубежом, причем в разных странах, способствовало укреплению связей Христиана Раковского с социалистическими деятелями Европы. Он возвратился в Румынию как своего рода чрезвычайный представитель европейского социализма в масштабах не только страны, но всего полуострова.

Постепенно приходили в норму и его семейные дела, вначале никак не складывавшиеся.

Еще в 1908 г. Христиан связал свою жизнь с Анной Киселковой – учительницей французского языка одной из софийских гимназий. Она также была уроженкой города Котел, училась во Франции, отличалась тонкой культурой и широкими литературными познаниями. Анна очень нравилась матери и сестрам Раковского, и, возможно уступив их настойчивости, он согласился на брак с этой женщиной, не испытывая к ней глубоких чувств. Сама же Анна пылко любила Христиана и надеялась, что сможет привить ему обычные житейские ценности – домовитость, привязанность к родному очагу, то есть те качества, которые в социалистическом движении рассматривались как мещанские, недопустимые для подлинного революционера.

Анна не смогла понять главного в Раковском – того, что

он твердо решил посвятить политической деятельности всю свою жизнь. Хорошо это было или плохо, зависит от точки зрения и жизненных подходов. Но так или иначе, Раковский был уже политиком-профессионалом, и переделать его ни у Анны, ни у кого бы то ни было не было никакой возможности. Когда в 1912 г. правительство Румынии разрешило ему возвратиться в Бухарест, Анна попыталась уговорить мужа остаться в Болгарии. Между супругами происходили нелегкие объяснения. Христиан оказался решительным и возвратился в Бухарест, Анна осталась в болгарской столице, между ними усилилось возникшее еще в предыдущие месяцы отчуждение, и брак распался.

Вскоре в Бухаресте Христиан встретился с новой женщиной, сближение с которой происходило не быстро, но стало прочным и охватившим всю оставшуюся жизнь героя этой книги – вплоть до его гибели в 1941 г. Звали эту женщину Александрина Кодряну (девичья фамилия Александреску). Это была уже дама зрелая, опытная, имевшая двоих детей – дочь Елену и сына Раду – от брака с журналистом Филипом Кодряну. Александрина и сама являлась профессиональной журналисткой, выступая в румынской демократической печати под псевдонимом Иляна Праля.

Еще два года Александрина и Христиан встречались, вначале тайком, затем открыто. Наконец в 1914 г. они решили соединить свои судьбы. Александрина рассталась с Филипом, сын остался с отцом, Елену удочерил Христиан. Впол-

не разделяя политические воззрения своего нового супруга, отлично понимая, каковы его приоритеты и жизненные цели, стоявшие перед ними жизненные трудности, Александрина стала верной женой и помощницей во всей многообразной деятельности своего супруга. Третий брак Христиана Раковского оказался, наконец, счастливым.

Несмотря на свою молодость, Христиан Раковский уже в первом десятилетии XX в. стал известным деятелем II Интернационала. Из девяти конгрессов этого международного сообщества он не участвовал только в первых двух, на четырех конгрессах был представителем болгарской социал-демократии (на одном из которых одновременно представлял и сербских социал-демократов), на последних трех – румынской. Ни на одном из конгрессов, в которых ему пришлось принимать участие, он не оставался в стороне от обсуждаемых проблем.

Он выступал против анархистов, заступался за армян, македонских болгар и греков, подвергавшихся национальному угнетению, против участия социалистов в буржуазных правительствах, против милитаризма и войны и, главное, за единство социалистических сил.¹²³

Многим делегатам запомнились его страстные и яркие выступления, принципиальная позиция в постановке острых

¹²³ *Веков А.* Кръстю Раковски на конгресите на Втория Интернационал // Исторически преглед. 1989. № 7. С. 25–37; *Protokoll des Internationalen Sozialistischen Arbeiterkongress in August 1893. Zürich, 1894.* S. 28.

проблем, становившихся предметом ожесточенных дебатов. Своим поведением во II Интернационале Раковский выдвинулся в ряд самых популярных и авторитетных его деятелей.

Нет, однако, необходимости рассматривать его участие в самых различных форумах, разнообразные миссии, которые он выполнял в качестве члена МСБ. Дело в том, что все они носили сходный характер, были направлены на объединение социалистических сил и, по возможности, на объединение партий и групп в тех немногих странах, где существовал организационный раскол. Все миссии такого рода без единого исключения завершались полной неудачей в результате упорного сопротивления каждой из групп пойти на какой-либо компромисс.

Возвратившись в Румынию, Раковский особенно тесно сошелся с Константином Доброджану-Геря. Об этом можно судить, в частности, по публицистике последнего и официальным документам, написанным последним от имени своей партии. В этих документах Раковский упоминается многократно в самых различных аспектах – речь идет о его мнении по тем или иным вопросам, в частности относительно решения балканских проблем, о необходимости создания объединения балканских социалистических партий, о его помощи социалистам различных европейских стран. Доброджану-Геря и Раковский были едины и неразрывно связаны и руководством румынской партией, и сотрудничеством в балкан-

ском и международном социалистическом движении.¹²⁴

Во время изгнания и после возвращения в Бухарест Христиан продолжал активную журналистскую деятельность. Он писал о социалистическом движении в других странах – Германии, Франции, Бельгии. Много материалов посвятил он младотурецкой революции. Все шире в его публицистике фигурировало международное социалистическое движение и его конгрессы – Штутгартский и Копенгагенский, а затем, по мере назревания мировой войны, антимилитаристская тематика и обоснование недопустимости вовлечения Румынии в войну, восхваление идеи Балканской конфедерации как чуть ли не спасительной меры для выживания народов полуострова. Последняя статья, опубликованная Раковским в Румынии, была посвящена конференции социалистов Бухареста в августе 1916 г.¹²⁵

Из зарубежных социалистических деятелей наиболее близкий контакт Христиан поддерживал по-прежнему с Троцким. Они продолжали переписку, а в 1912–1913 гг., когда Троцкий находился на Балканах в качестве военного корреспондента газеты «Киевская мысль» (он стремился по возможности объективно отражать события Первой и Второй Балканских войн, которые велись соответственно сою-

¹²⁴ *Dobrogeanu-Gherea K. Opere complete. Bucuresti. 1976–1983. Vol. 3. P. 518–520; Vol. 4. P. 158, 232, 240, 283; Vol. 8. P. 124, 192, 218, 222, 246–252, 255, 256–259, 282.*

¹²⁵ *Lupta zilnică. 1916. 9 august.*

зом балканских стран против Турции, а затем союзом группы стран полуострова, на этот раз в союзе с Турцией, против Болгарии), особенно в конце этой миссии, возобновились их личные дружеские встречи.

Дело в том, что, покинув Болгарию в ноябре 1912 г., Троцкий жил главным образом в Бухаресте. Именно здесь и возобновились контакты. Более того, к имени и деятельности Раковского Троцкий стал обращаться в ряде своих статей. Он напоминал о той роли, которую Раковский сыграл в оказании помощи мятежным морякам броненосца «Потемкин».

Раковский был главным героем статьи, посвященной румынскому социалистическому движению.¹²⁶ Отмечая, что толчок этому движению дала революция 1905 г. в России, Троцкий писал, что именно незадолго до этого времени Раковский начал свою деятельность в Румынии и сразу же оказался во главе Социалистической партии. Это далеко не полностью соответствовало истине, резко упрощало существо дела, так как Социал-демократическая партия была воссоздана уже в то время, когда Христиан находился в изгнании и скитался по разным странам, но тот факт, что он был одним из основных поборников такого воссоздания, соответствовал действительности.

Именно в связи с этим российскому читателю впервые были кратко переданы основные вехи жизненного и политиче-

¹²⁶ Киевская мысль. 1913. 12 сентября; *Троцкий Л.* Сочинения. Т. 6. С. 386–394.

ского пути Раковского со времени его исключения из болгарской гимназии за участие в социалистической пропаганде, через разносторонние контакты с международной социал-демократией в Западной Европе и недолгие пребывания в России вплоть до его нынешнего положения в качестве одного из видных социалистических лидеров. Троцкий специально обращал внимание на факт возвращения Раковского в Болгарию на недолгий срок в 1911 г. и на то, что в газете «Напред» «он вел блестящую кампанию против поднимавшего голову болгарского империализма».

Весьма любопытно при этом отметить, что Троцкий сознательно изменил фокус в оценке задач Раковского и его газеты. Сделано это было, очевидно, и учитывая либеральный характер газеты, для которой предназначалась статья (понятие империализма как агрессивной внешней политики, а не стадии развития капитализма было тогда приемлемым для легальной левой российской прессы), и в связи с тем, что объединительная деятельность Раковского, как и его собственные попытки содействовать объединению болгарского социалистического движения,¹²⁷ оказались неудачными. А на собственных неудачах, как и на неудачах близких к нему деятелей, Троцкий фиксировал внимание не очень охотно.

Во всяком случае, рассматриваемая статья была первым

¹²⁷ См. об этом: *Станчев М., Чернявский Г.* Л. Д. Троцкий, Болгария и болгары. С. 31–42.

опытом Троцкого в передаче биографии Раковского. Мы увидим, что к жизни и деятельности этой выдающейся, по его мнению, личности Троцкий будет возвращаться неоднократно еще в течение двух десятилетий. Пока же упоминания о Раковском и его политической работе появлялись и в других статьях Троцкого, написанных в Бухаресте, например в биографическом очерке о Добруджану-Геря.¹²⁸

Иной характер носил обширный путевой очерк «Поездка в Добруджу», созданный в значительной степени под влиянием общения с Раковским, по приглашению которого, собственно, и была совершена эта поездка.¹²⁹

Из Бухареста в Констанцу Троцкий и Раковский ехали поездом. На железнодорожной станции их встречал кучер из имения Раковского Козленко, в прошлом матрос броненосца «Потемкин», который уже упоминался. Очевидно, в связи с тем, что Раковский, видный социалистический лидер, был владельцем сельскохозяйственного имения да еще и имел в качестве слуги бывшего «революционного моряка», Троцкий не идентифицировал, не называл по имени основного персонажа этой статьи. Было очевидно, что речь идет о Раковском, но его имя нигде не звучало. Социалистические стереотипы были уже весьма прочными, и русскому либерально-демократическому читателю, видимо, трудно было представить себе такую социальную двойственность, ко-

¹²⁸ Киевская мысль. 1913. 29 августа.

¹²⁹ Там же. 3, 5, 6, 13 сентября; *Троцкий Л.* Сочинения. Т. 6. С. 411–432.

торая могла бы быть воспринята как нонсенс или, более того, как проявление явного лицемерия.

А это, между прочим, полностью не исключено. Факт остается фактом – Раковский проповедовал социальное равенство, но не гнушался пользоваться не только наемными сельхозработниками, но и личными слугами! Как коварно и зловеще этот факт будет использован сталинским подпевалой прокурором Вышинским через четверть века, когда Раковский станет одним из подсудимых на судебном фарсе по делу «право-троцкистского блока»!

Пока же из довольно деликатной с пропагандистской точки зрения ситуации автор вышел довольно просто, сказав только, что Козленко служил кучером «в имении матери моего приятеля, болгарского врача, с которым мы вместе совершали путешествие». Слова об имении матери были полным вымыслом, так как добруджанское имение было собственностью самого Раковского, полученной им, как мы знаем, по наследству.

Впрочем, ниже, также не называя своего гостеприимного хозяина по имени, автор вплотную приблизился к идентификации, указав на родственные связи со «знаменитым деятелем болгарского национального возрождения» Савой Раковским, «патриархом болгарской революции».

Очерк содержал живое описание жилья Х. Раковского на окраине Мангалии: «старый уездный дом, низкие двери, низкие потолки». Отмечалось, что в доме хранится единствен-

ный в своем роде архив по истории борьбы болгарского народа за свою национальную независимость.

К сожалению, в 1916 г., после ареста Раковского, его архив и богатейшая библиотека фактически были разграблены офицерами кавалерийского полка, расквартированного в Геленджике и Мангалии, которые вывезли ценнейшую переписку Раковского с деятелями II Интернационала и его личные документы. Оставшуюся часть удалось спасти племяннице Раковского Койке Тиневой и ее супругу, жившим в то время в Геленджике. Только после 1940 г., переехав в Варну, они частями перевезли оставшуюся часть архива и библиотеки в Болгарию, а в 1957 г. передали их в Центральный партийный архив Болгарской компартии (ныне составная часть Центрального государственного архива Республики Болгарии).

Если иметь в виду черты характера Троцкого, которые складывались с юных лет, – его эгоцентризм, высокомерное отношение к окружающим, крайне трудный и почти невозможный процесс сближения с другими людьми, стремление всегда и во всем быть первым и демонстрировать это как можно шире, просто поражает то чувство глубокого уважения, которое он испытывал по отношению к Раковскому и которое столь наглядно проявилось в ряде эпизодов, описываемых в этом очерке.

Рассказывая об улице Мангалии, «похожей на этнографическую выставку», воспроизводя яркие образы тех людей,

которые были живыми экспонатами этой выставки, сами не подозревая об этом, Троцкий воссоздал незабываемый, почти восторженный образ Раковского: «Мы проходим со своим другом и чичероне вдоль всей улицы, и я почти с мистическим удивлением гляжу, как он орудует в этом этническом и лингвистическом хаосе. Он поворачивает голову направо, налево, раскланивается, перебрасывается словами с одним столом, с другим, заглядывает в магазины, наводит хозяйственные справки, ведет мимоходом политическую агитацию, собирает сведения для газетных статей, и все это на полдюжине языков. В течение часа он без затруднений переходит десятки раз с румынского языка на болгарский, русский, немецкий, турецкий – с приезжими колонистами, и на французский – с нотаблями».

Образ Христиана Раковского был достойным завершением всего цикла болгарских наблюдений и впечатлений журналиста Льва Троцкого периода Балканских войн. Столь тесных связей с Болгарией у Троцкого уже не будет. Но на протяжении следующего двадцатилетия с лишним дружба с Раковским, совместное участие в политической деятельности в высших органах большевистской тоталитарной системы на этапе ее формирования, в коммунистической оппозиции сталинскому режиму, в ссылке, а затем и в эмиграции будут важнейшей нитью, продолжавшей связывать Троцкого с Болгарией.

Почти через десять лет, готовя к печати книгу своих очер-

ков о Румынии во время Балканских войн, Троцкий попросил Раковского написать раздел о современной политической ситуации в Румынии и в ответ получил его обширное письмо, содержащее, помимо запрашиваемых сведений, и реминисценции по поводу прошлых контактов.¹³⁰

В предисловии же к книге Троцкий писал: «Я должен указать, что в этой книге моему старому другу Х. Г. Раковскому принадлежит не только заключительное письмо. Большая часть глав книги писалась мною в Бухаресте или Добружде при самом непосредственном участии Раковского, с которым вряд ли кто может сравняться в отношении знакомства со всеми особенностями политического развития стран Балканского полуострова. Исторической судьбе было угодно, чтобы Раковский, болгарин по происхождению, француз и русский по общему политическому воспитанию, румынский гражданин по паспорту, неоднократно изгонявшийся из Румынии за свою непримиримую революционную деятельность, оказался главой правительства в Советской Украине, с которой у Румынии близкое соседство и неурегулированные отношения. Передовые румынские рабочие и сейчас видят в Раковском не главу правительства соседней страны, а своего старого боевого вождя».¹³¹

¹³⁰ *Раковский Х.* Нынешняя политическая Румыния. (Письмо Х. Г. Раковского) // Троцкий Л., Раковский Х. Очерки политической Румынии. М., 1922. С. 120–151.

¹³¹ *Раковский Х.* Нынешняя политическая Румыния. С. 6–7.

Когда в 1914 г. началась Первая мировая война, Христиан Раковский занял четко выраженную антивоенную позицию, полагая, что социалистические партии и их международное объединение должны решительно высказаться за прекращение мировой бойни путем заключения справедливого мира, без контрибуций и захвата чужих территорий. В то же время он поначалу был далек от экстремистского лозунга Ленина о превращении империалистической войны в войну гражданскую, то есть, по существу дела, от призыва к национальному предательству.

Раковский критиковал большевистскую установку на революционный выход из войны, полемизировал с Лениным, удостоившись весьма грубых кличек и эпитетов со стороны последнего. В брошюре «Социализм и война» Ленин утверждал: «В Румынии Раковский, объявляя войну оппортунизму, как виновнику краха Интернационала, в то же время готов признать законность защиты отечества». По словам Ленина, которые он не доказывал и не собирался доказывать, Раковский подменял революционный марксизм эклектизмом в теории и ренегатством или бессилием перед оппортунизмом на практике.¹³²

Но все же позиции Раковского постепенно склонялись влево, приближаясь к взглядам тех левоцентристских деятелей II Интернационала, которых привлекала идея «пролетарской революции». Они все еще противились экстремистским

¹³² Ленин В. И. Сочинения. Изд. 5-е. Т. 26. С. 324.

установкам Ленина, однако во все большей степени подпадали под его почти гипнотическое влияние.

Именно этим следует, по всей видимости, объяснить не просто энергичную, но весьма резкую полемику Христиана с французским социалистом Шарлем Дюма, который в мае 1915 г. обратился к нему с открытым письмом, где оправдывались оборонительные мероприятия его страны. Ш. Дюма, старый французский приятель Раковского, являвшийся теперь помощником лидера социалистов этой страны Жюлья Геда, вошедшего в состав правительства, в своем письме, являвшемся ответом на интервью Раковского в парижской газете¹³³ (там предъявлялись претензии французским социалистам, которые во время войны отошли от «некоторых основополагающих принципов социализма») развивал официальную французскую точку зрения на войну.

Раковский же ответил ему целой брошюрой, носящей острый полемический характер.¹³⁴ Он пытался доказать, что между официальной тактикой французской и немецкой партий нет принципиальной разницы, но что внутри каждой из этих национальных партий вырисовываются две непримиримые концепции: «Мы имеем перед собою не две тактики, а два социализма. Такова истина». Судя по письмам Троцкого Раковскому от 6 и 20 октября 1915 г., Лев Давидович оказы-

¹³³ L'Humanité, 1916. Mars 17.

¹³⁴ *Duma Ch., Rakovsky Ch. Les socialistes et la guerre. Bucureeti, 1915.*

вал помощь в подготовке ответа Раковского.¹³⁵ Разумеется, последний в подборе аргументов не нуждался, но Троцкий явно придал тексту значительно более язвительные и безапелляционные интонации.

Раковский активно участвовал в создании в 1915 г. Балканской социал-демократической федерации (БСДФ) и был избран ее секретарем. В БСДФ вошли румынская, болгарская (тесняки), сербская, греческая социал-демократические партии. БСДФ решительно осудила мировую войну. Впрочем, вновь и вновь повторявшийся этим объединением лозунг формирования федерации балканских стран не был жизнеспособным. Раковский, видимо, все более остро осознавал это, воздерживаясь от его обоснования в своих статьях и выступлениях. Да и сама федерация рабочих партий на Балканах не превратилась в сколько-нибудь эффективный международный центр.

В 1915 г. Христиан в качестве секретаря БСДФ принимал активное участие в международной социалистической конференции тех партий, которые отказывались от сотрудничества со своими правительствами в войне и решительно требовали мира.

Конференция, непосредственным организатором которой был швейцарский социал-демократический лидер Роберт Гримм, состоялась 5–8 сентября в небольшом поселке Циммервальд, в Альпийских горах, примерно в 10 километрах

¹³⁵ ЦДА на РБ. Ф. 156Б. Оп. 1. Арх. ед. 475. Л. 1–2.

от Берна. Делегатов было немного. Они, по словам Троцкого, довольно горько шутили по поводу того, что полвека спустя после основания I Интернационала прогресс социалистического движения привел лишь к незавидному результату – «оказалось возможным всех интернационалистов усадить на четыре повозки». ¹³⁶

Здесь Раковский вновь встретился с Троцким, с которым еще более сблизился прежде всего потому, что их позиции по отношению к войне оказались почти полностью идентичными.

В Циммервальдской конференции участвовал еще один болгарин – один из лидеров «тесняков» Васил Коларов. Троцкий под псевдонимом послал в «Киевскую мысль» небольшую статью, посвященную этим двум балканским социалистам. ¹³⁷ О Раковском в ней, в частности, говорилось (отчасти статья предвляла тот текст, который будет написан о Раковском для книги 1922 года издания): «Христю (так не вполне точно было передано его имя. – *Авт.*) Раковский – одна из самых “интернациональных” фигур в европейском движении. Болгарин по происхождению, но румынский подданный, французский врач по образованию, но русский интеллеktуал по связям, симпатиям и литературной работе, Раковский владеет всеми балканскими языками и тремя евро-

¹³⁶ Троцкий Л. Моя жизнь: Опыт автобиографии. Берлин, 1930. Т. 1. С. 285.

¹³⁷ Антид Отто. Раковский и Коларов // Киевская мысль. 1915. 23 октября; Троцкий Л. Политические силуэты. М., 1990. С. 75–78.

пейскими, активно участвовал во внутренней жизни четырех социалистических партий – болгарской, русской, французской и румынской – и теперь стоит во главе последней». Цитируя резкий ответ Раковского французскому социалисту-оборонцу Ш. Дюма, Троцкий, по существу дела, фиксировал, что оба они – и он сам, и Раковский – во все большей степени поворачивали налево, ко все более активной антивоенной деятельности. Такому вектору способствовали их встречи и беседы в Циммервальде.

Участвовавший в конференции Ленин продолжал агрессивно и грубо отстаивать свои крайне революционные взгляды и полемизировал с большинством участников, включая Раковского и Троцкого, отнюдь не стесняясь в выражениях. Накануне конференции Ленин опубликовал статью «О поражении своего правительства в империалистической войне». Признавая, что Троцкий, Раковский и прочие центристы отвергают идею защиты отечества, Ленин продолжал атаковать своих соперников в социалистическом движении, обвиняя их в том, что они желают «совместить платоническую защиту интернационализма с безусловным требованием единства с “Нашей зарей”»¹³⁸ (речь шла о журнале меньшевиков, выходившем в Петербурге под редакцией А. Н. Потресова). Требование поражения своего правительства в империалистической войне Ленин считал аксиомой, которую оспаривают только «сознательные сторонники или беспомощные при-

¹³⁸ Ленин В. И. Сочинения. Изд. 5-е. М., 1961. Т. 26. С. 324, 349.

служники социал-шовинистов».

Большинство участников Циммервальдской конференции составляли центристски настроенные деятели, выступавшие за прекращение войны по соглашению держав. Позиция Троцкого была значительно левее, нежели названная, в том смысле, что он видел в заключении мира преддверие социальной революции. Примерно на такой же позиции стоял Крыстю Раковский, который вместе с Робертом Гриммом и итальянцем Константино Лаццари был избран в состав бюро конференции.¹³⁹

Эта расстановка сил позволяла Троцкому оказывать значительное влияние на ход дебатов и итоги встречи, тем более что в отношении непосредственных задач его мнения и позиции основной массы присутствовавших были близки, а с некоторыми почти идентичны. Это позволило выработать общий антивоенный манифест, проект которого написали Троцкий и голландская социалистка Генриетта Роланд-Гольст, а затем окончательно отредактировал Троцкий.¹⁴⁰ Сам по себе этот факт был свидетельством все более возраставшего авторитета Троцкого, а вместе с тем и Раковского, в международном социалистическом движении.

Ленин, однако, оставался верным себе. Он писал о Ро-

¹³⁹ Die Zimmerwalder Bewegung: Protokolle und Korrespondenz. Herausgegeben von Horst Landemacher. The Hague – Paris, 1967. Т. 1. S. 48, 53, 115.

¹⁴⁰ Манифест Интернациональной социалистической конференции в Циммервальде // Троцкий Л. Война и революция. Пг., 1922. Т. 2. С. 52–55.

ланд-Гольст другому голландскому социал-демократу Давиду Вайнкопу: «Совсем как наш господин Троцкий: “в принципе *решиительно* против защиты отечества” – на практике *за* с фракцией Чхеидзе в русской Думе». ¹⁴¹ А в письме своей новой и ревностной стороннице А. М. Коллонтай он был еще откровеннее по адресу уже целой группы тех, кого считал единомышленниками Троцкого: «Рональд-Гольст, как и Раковский (видели его фракционную брошюру?¹⁴²), как и Троцкий, по-моему, *в с е* вреднейшие “каутскианцы”... все в разных формах *прикрашивают* оппортунизм». ¹⁴³

Через полгода, в апреле 1916 г., по просьбе итальянских социалистов Христиан принял участие в международном антивоенном митинге в Милане. Возвращаясь из Италии, он остановился в Берне, встретился с Лениным и Троцким, установил связь со Швейцарской рабочей партией. Сам факт непосредственного контакта с Лениным свидетельствовал, что постепенно, хотя и не быстрыми темпами, Раковский приближался к позиции экстремистского крыла социал-демократии.

Здесь, в Берне, Ленин, Троцкий и Раковский участвовали в совещании циммервальдовцев. Однако принять участие

¹⁴¹ Ленин В. И. Сочинения. Т. 49. С. 105.

¹⁴² Ленин был неточен. Имелась в виду упомянутая брошюра, содержащая письмо Ш. Дюма и ответ Раковского. Ленин выражал недовольство тем, что Раковский ограничивался антивоенными лозунгами, не требуя непосредственного перехода к революции.

¹⁴³ Ленин В. И. Сочинения. Т. 49. С. 117.

во II Циммервальдской конференции, состоявшейся в том же апреле 1916 г., Раковский уже не смог, так как в связи с подготовкой Румынии к войне граница для него оказалась закрытой. А в августе 1916 г. он был арестован румынскими властями.

Спорным и не до конца выясненным вопросом остается один немаловажный момент политической биографии Раковского периода мировой войны. Речь идет о его взаимоотношениях с Парвусом (Александром Львовичем Гельфандом), выходцем из России, который еще в 90-х годах обосновался в Германии, где издавал социалистические газеты, в 1905 г. возвратился в Россию, участвовал вместе с Л. Д. Троцким в Петербургском Совете, затем вновь уехал в Германию, а позже жил в Турции, где нажил большой капитал на удачных торговых сделках и проявил себя как яркий сторонник укрепления германского рейха и в то же время адепт разжигания революций в других странах.

Постоянно проживая в Константинополе, Парвус часто бывал в Софии и Бухаресте, поддерживал связь с тамошними социалистами и фактически являлся посредником между ними и германскими властями. Парвус, в свое время выступивший с идеей перманентной революции, развитой затем Л. Д. Троцким (во время мировой войны Троцкий объявил о полном разрыве со скомпрометировавшим себя Парвусом), был первым, кто обратил внимание на фактическое совпадение непосредственных германских интересов в войне и на-

мерений российских и других революционеров, в частности большевиков.

Уже в январе 1915 г. в беседе с германским послом в Турции предприимчивый коммерсант выдвинул план оказания помощи русским революционерам (а также революционерам других стран, воевавших с Германией) со стороны немецких властей. Этот план был вскоре одобрен. Министерство иностранных дел и министерство финансов Германии договорились о выделении значительных денежных сумм. В том же году Парвус образовал в Копенгагене некое учреждение для финансирования подрывных элементов во враждебных странах и тех, кто выступал с пацифистскими проектами. Для конспирации и благозвучия это учреждение получило фиктивное наименование Института по изучению последствий мировой войны. Сохранились сотни документов о финансировании германскими властями через Парвуса большевиков и различных других подрывных элементов, которые стали фактическими агентами влияния Германии в своих странах.¹⁴⁴

Касательно Христиана Раковского сколько-нибудь значительной документации на этот счет нет. Однако имеется один документ, относящийся уже ко времени после большевистского переворота, который убеждает в том, что он

¹⁴⁴ См. подробнее об этом: *Чернявский Г.* Немецкие деньги Ленина // Чернявский Г. Притчи о Правде и Лжи: Политические драмы двадцатого века. Харьков, 2003. С. 24–36.

не избежал соблазна воспользоваться щедрыми германскими подачками для ведения антивоенной пропаганды. Речь идет о сохранившейся в коллекции видного российского историка-эмигранта Б. И. Николаевского в архиве Гуверовского института войны, революции и мира (г. Пало-Алто, Калифорния, США) телеграмме заместителя статс-секретаря иностранных дел Германии Бусше представителю министерства иностранных дел при ставке германского Верховного командования от 16 ноября 1917 г. Тогда Бусше писал: «Христо Раковский, румынский социалист, родом из Болгарии, выпускает русскую социалистическую газету в Стокгольме. Раньше он был связан с нами и работал на нас в Румынии. Раковский спрашивает, может ли его жена, находящаяся сейчас в Бухаресте, получить разрешение приехать к нему в Стокгольм. Эта просьба, поддержанная послом Болгарии, удовлетворена».¹⁴⁵ Для истории важно не разрешение Александрине приехать в Стокгольм. Ключевыми словами были: «работал на нас в Румынии».

Приведенная телеграмма имела свою предысторию. Дело в том, что в 1916 г. названный Бусше являлся послом Германии в Румынии. 13 января 1915 г. Бусше телеграфировал в министерство иностранных дел: «Румынские социалисты, лидер которых Раковский тесно связан с итальянскими социалистами, хотят возобновить в прессе и на публичных собра-

¹⁴⁵ Николаевский Б. Тайные страницы истории / Ред-сост. Ю. Г. Фельштинский. М., 1995. С. 346.

ниях энергичную агитацию против вступления Румынии в войну на стороне Антанты. Я имею возможность снабдить их деньгами таким образом, что это не вызовет подозрений... Я считаю это дело важным и прошу Вашего разрешения истратить на него 10 000 лей. Ответ мне нужен до утра пятницы».

На следующий день заместитель статс-секретаря иностранных дел телеграфировал свое согласие в Бухарест.

Отметим, что Парвус был как раз в это время в Бухаресте по дороге из Константинополя в Вену. Весьма вероятно, что именно он и являлся посредником между Бусше и Раковским. 14 января Бусше к своему отчету в Берлин приложил документ Парвуса, сообщавшего: «Я говорил с Христо Раковским, чья прочная позиция в пользу мира известна. Он также считает возможным вступление Румынии в войну на стороне Антанты».

Позже Бусше докладывал, что 4 июля в Бухаресте состоялась демонстрация социалистов в пользу мира с Раковским в качестве главного оратора. Посол информировал, что «демонстрация была субсидирована мною и австро-венгерским посольством».¹⁴⁶

Как нам представляется в свете приведенных документов, теперь можно считать доказанным факт использования Раковским германских средств на ведение антивоенной пропаганды, что ранее авторы этой работы, не располагавшие соответствующей документацией, ставили под сомнение, впро-

¹⁴⁶ Там же. С. 408.

чем, как и многие российские деятели 1917 г., о чем будет сказано ниже.

Вряд ли эти откровения украшают облик Христиана Раковского. Но политика, как говаривал Н. Г. Чернышевский, – это не тротуар Невского проспекта, а из песни слова не выкинешь. Волей-неволей, подобно Ленину и его сторонникам из числа российских большевиков, а также представителей других антивоенных сил, Раковский на очень краткое время, до его ареста, действительно стал играть роль германского агента влияния. Можно считать, что с морально-этической точки зрения факт получения Раковским германских денег был немаловажным шагом на его пути к большевизму в ленинском обличье.

Являясь руководителем Балканской социал-демократической федерации, Х. Раковский стремился в условиях войны найти возможности для контактов с социалистами воюющих стран полуострова. Сохранилось адресованное ему письмо одного из руководителей партии широких социалистов Болгарии Петра Джидрова от 6 мая 1916 г. Автор выражал благодарность за оказанную материальную помощь и сообщал некоторые факты из внутренней жизни своей партии, в частности жаловался на недисциплинированность Сидера Тодорова, бывшего тесняка, перешедшего теперь в реформистскую партию.¹⁴⁷

К рубежу 1917 г. Христиан Раковский, которому испол-

¹⁴⁷ ЦДА на РБ. Ф. 156 Б. Оп. 1. Арх. ед. 370. Л. 1.

нилось уже сорок три года, пришел как видный деятель II Интернационала, один из руководителей румынского социалистического движения, известный публицист и блестящий оратор. В международном рабочем движении Раковский был теперь близок к левому крылу, но его позиции отнюдь не были еще столь радикальными, как установки крайне левых во главе с Лениным. Сам же Ленин, хотя и стал встречаться с Раковским и чуть смягчил свои обвинения по его адресу, продолжал выражать недовольство и раздражение тем, что румынский социалист оставался центристом, а центризм, по мнению Ленина, был хуже всякого оппортунизма.

Понадобились перипетии русской революции 1917 г., приход большевиков к власти, чтобы Христиан Раковский, вслед за Львом Троцким, воспринял эти события как предвестие международной революции и оказался в большевистском стане.

Глава 2

Советский государственный деятель (1917–1923)

1. Политическая эволюция 1917 г

Вступление Румынии в Первую мировую войну в августе 1916 г. послужило поводом для расправы властей с руководителями социалистического движения. Одной из первых жертв стал Раковский, арестованный сразу после объявления войны. Правда, опасаясь излишних конфликтов, власти содержали его под домашним арестом в городе Яссы, пользуясь тем, что здесь находился русский гарнизон.

Но революционные события 1917 г. в России оказали глубокое влияние на положение в Румынии. В российской социалистической печати, в свою очередь, развернулась кампания в пользу его освобождения. В адрес Временного правительства России направлялись многочисленные письма и телеграммы с этим требованием. Это побудило министра иностранных дел П. Н. Милюкова обратиться к премьер-министру Румынии И. Брэтиану с соответствующей просьбой.¹⁴⁸

¹⁴⁸ Освобождение Х. Г. Раковского из румынской тюрьмы // Пролетарская ре-

Брэтиану ответил отказом. Освобождению «помогли» русские войска, явочным порядком выпустившие Христиана из-под ареста как раз в тот день, когда в России впервые легально проводилось празднование 1 мая.

В этот же день Раковский произнес на митинге страстную речь в Яссах. Он говорил вначале на румынском, а затем на русском языке. Речь шла о задачах российской революции, ее значении для пролетариата Румынии. Он заявил, что народ не может больше доверять правителям, которые довели страну до национальной катастрофы.

Российский посол в Румынии Мосолов, пребывавший в Яссах, телеграфировал в Ставку 2 мая: «Вчера, 1 мая нового стиля, состоялся с ведома румынских властей большой митинг яесского русского гарнизона... Затем манифестанты при соблюдении полного порядка двинулись по улицам города с красными флагами и щитами с надписями на русском и румынском языках и с музыкой. Шедшие войска столпились на площади, куда привезли на автомобиле только что освобожденного нашими солдатами из-под ареста Раковского... С площади солдаты увезли Раковского по направлению к Унгенам».¹⁴⁹

Тем же вечером Раковский отправился поездом в Одессу. Здесь он выступил с балкона здания, в котором разместился Центральный исполнительный комитет Советов Румынского

волюция. 1924. № 6. С. 249.

¹⁴⁹ Троцкий Л., Раковский Х. Указ. соч. С. 134–135.

фронта, Черноморского флота и Одесской области (Румчереод), вновь призвав активно бороться против войны.¹⁵⁰ Действовал он быстро и энергично. Отлично понимая, где решаются судьбы революционных событий в России, он тотчас же отправился в Петроград.

Хотя Раковский не только не входил еще в большевистскую партию, а по многим вопросам принципиально с ней расходился (главным несогласием было решительное отрицание революционного выхода из войны путем превращения «империалистической войны в гражданскую»), его активная антивоенная пропаганда скоро начала раздражать Временное правительство, которое стало угрожать Раковскому высылкой из страны. Даже старый друг Плеханов, ставший теперь заядлым патриотом, через свою газету «Единство» напоминал, что он иностранец и не должен злоупотреблять гостеприимством России.

Летом 1917 г. кампания против Раковского приняла широкие масштабы. Что было особенно опасно, в нее включился Владимир Львович Бурцев, стяжавший себе славу громкими разоблачениями, например связей провокатора Евно Азефа (руководителя боевой организации партии эсеров) с русской охранкой (Азеф был разоблачен еще в 1909 г.). Теперь Бурцев выступил со статьей, в которой на основании своего инстинкта охотника за провокаторами и полити-

¹⁵⁰ *Вильдер М. З.* Одна из страниц эпопеи мужества и героизма // Вопросы истории КПСС. 1988. № 10. С. 112.

ческими авантюристами утверждал, что Раковский работал против войны за немецкие деньги.¹⁵¹ В. Г. Короленко считал своим долгом взять Раковского под защиту, заявив в печати, что он имеет основания считать себя обвиненным вместе с Раковским. «Если он – немецкий агент, то я – его укрыватель».¹⁵²

Положение явно осложнило то обстоятельство, что, памятуя о своих предыдущих связях с лидером швейцарских социал-демократов Робертом Гриммом, продолжавшим руководить Циммервальдским движением, Раковский стал дружески с ним встречаться, когда тот в мае 1917 г. прибыл в Петроград с миссией мира. Между тем в печати появились непроверенные слухи, что Гримм имел тайные связи с германскими официальными органами, которые фактически подталкивали его к мысли о выводе России из мировой войны путем заключения сепаратного мирного договора.

Правда, поначалу Раковского, как и Гримма, тепло встречали в умеренных социалистических кругах. Меншевистская «Рабочая газета» сообщала, что Раковский прибыл в Петроград из Одессы 4 мая вскоре после освобождения из румынской тюрьмы, что в тот же день он посетил Исполком Петроградского Совета, где в ответ на заявление председательствовавшего К. А. Гвоздева о том, что его приветствуют как вождя румынской социал-демократии, сказал, что про-

¹⁵¹ Речь. 1917. 7 июля.

¹⁵² Русские ведомости. 1917. 12 августа.

сит «смотреть на него не как на иностранца, а как на рядового русской революции». ¹⁵³

9 мая он вместе с Гриммом, Мартовым, Аксельродом, Церетели и другими видными меньшевиками участвовал в совещании делегатов Всероссийской конференции РСДРП. Раковский, как и Гримм, был даже избран почетным председателем совещания. ¹⁵⁴

Вскоре, однако, Раковский вынужден был от Гримма отмежеваться. Совместно с П. Б. Аксельродом, А. Балабановой (задолго до этого эмигрировавшей из России и вступившей в Социалистическую партию Италии, а теперь вернувшейся на родину для участия в революции), Л. Мартовым и польским циммервальдовцем П. Лапинским он принял участие в расследовании обвинений, предъявленных Гримму представителями Временного правительства. 2 июня Временное правительство опубликовало решение, предлагавшее Гримму покинуть страну в связи с обвинениями в попытках прозондировать возможность реализации намерений правительства Германии заключить сепаратный мир с Россией. ¹⁵⁵

Комиссия, в которую входил Раковский, 18 июня опубликовала заключение, в котором признала, что инициатива Гримма по «выяснению намерений германского прави-

¹⁵³ Рабочая газета. 1917. 5 мая.

¹⁵⁴ Там же. 10 мая; *Меньшевики* в 1917 году. М., 1994. Т. 1. С. 351.

¹⁵⁵ *Меньшевики* в 1917 году. Т. 1. С. 517.

тельства» представляла собой шаг, недопустимый для интернационалиста, в особенности для председателя Интернациональной социалистической комиссии, каковым Grimm являлся. В то же время выражалась уверенность, что Grimm не руководствовался своекорыстными побуждениями и не брал на себя роль агента германской дипломатии. Что же касается высылки Grimma, то Раковский и его коллеги сочли, что этот акт является «принципиально недопустимым для правительства Русской революции и представляет опасный прецедент». ¹⁵⁶

Сказанное свидетельствует, что, несмотря на известную дистанцию, которую прошел Раковский по пути к большевизму, он все еще не завершил этот путь, сохраняя близость к меньшевикам. Еще до истории с Grimмом, в конце мая, он принял участие в совещании циммервальдовцев, на котором было принято решение со звать III Циммервальдскую конференцию в сентябре 1917 г. в Стокгольме. Здесь же, на совещании, Раковский аргументированно спорил с Лениным по вопросу о вооруженном восстании, так как полагал, что власть может перейти в руки Советов легальным путем. Позже он вспоминал: «Я разделял недоверие западных социалистов, даже самого левого оттенка, о возможности построения социализма в России. Под влиянием всей прошлой социал-демократической литературы мы ждали от России только

¹⁵⁶ Рабочая газета. 1917. 18 июня; *Меньшевики* в 1917 году. Т. 1. С. 597–598.

Зная, что Раковский не примыкал еще ни к одной политической партии России, но имел весомый авторитет среди русской социал-демократии, Временное правительство пыталось вначале через П. Н. Милюкова, а затем, после его отставки в апреле, через И. Г. Церетели склонить его на свою сторону. Но Раковский не пошел на сближение с Временным правительством, полагая, что оно направляет революцию по ошибочному пути. Не разделял он пока и позиций большевиков. Ситуация в стране между февралем и октябрём 1917 г. была чрезвычайно сложной. Для Христиана Раковского 1917 год был временем поисков и ошибок. В начале своего пребывания в Петрограде он был явно ближе к меньшевикам, нежели к большевикам, во всяком случае к левому течению в меньшевизме.

Об этом весьма четко свидетельствуют две брошюры, которые Раковский опубликовал в петроградском издательстве «Труд». ¹⁵⁸ В первой шла речь о социал-патриотизме и борьбе с ним, циммервальдском движении. Завершалась брошюра словами: «Война с ее отрицательными результатами еще более убедит рабочих и разделяющих их участь другие слои в том, что уничтожение капитализма и замена его социали-

¹⁵⁷ Раковський Х. Ленін і Маркс. Харків, 1925. С. 9.

¹⁵⁸ Раковский Х. Интернационал и война. Пг., 1917. *Он же*. Как закончить войну. Мир без аннексий и контрибуций. Самоопределение народов. Пг., 1917.

стическим строем есть спасение всего человечества». ¹⁵⁹ Во второй брошюре, более резкой, речь шла о том, что «война убьет революцию или революция должна найти средство, чтобы покончить с войной». ¹⁶⁰ Пока, однако, речь шла не более чем о пропагандистских лозунгах.

Но сама радикализация масс, электризация толп, насыщаемых инстинктом разрушения, разогретых спиртным, митинговавших и просто бесчинствовавших на улицах, все более удачно и своекорыстно использовалась большевиками. Раковский все отчетливее видел в большевистских демагогах реальную силу, становящуюся во главе масс. К тому же выпады правой части политического спектра против него как германского агента, решительная антивоенная ориентация Раковского все более толкали его в объятия большевиков.

Взгляды Раковского летом и осенью 1917 г. все более радикализировались.

После июльской демонстрации 1917 г., которая сопровождалась попытками части большевиков овладеть властью, Временное правительство начало охоту за большевистскими лидерами. Ряд из них оказались в заключении. Ленин и Зиновьев бежали из столицы. Христиан был вынужден скрываться; полиция пыталась напасть на его след с целью ареста

¹⁵⁹ Раковский Х. Интернационал и война. С. 32.

¹⁶⁰ Раковский Х. Как закончить войну. С. 1.

и высылки из страны.¹⁶¹

Июльские события, полицейские преследования, резкое усиление правых сил в значительной степени предопределили дальнейшее изменение отношения Раковского к большевикам. Когда во время выступления генерала Л. Г. Корнилова был издан приказ генерала Лукомского от 24 августа об аресте Христиана,¹⁶² рабочие-большевики Сестрорецкого патронного завода помогли ему укрыться. Его переправили в Кронштадт, а затем он выехал в Стокгольм.

Здесь Раковского застал Октябрьский переворот. Он все еще примыкал к той части левого течения в международном социалистическом движении, которая, с надеждами наблюдая за событиями в России, надеялась на установление в стране многопартийной власти тех сил, которые связывали свои надежды с идеями социализма.

Он поддерживал контакт с находившимся в том же городе в качестве зарубежного представителя меньшевиков П. Б. Аксельродом. Мартов в письме Аксельроду от 19 ноября, информируя о происходивших в России событиях, просил ознакомиться с его письмом Раковского, который, «вероятно, и сам чувствует, как авантюристически б[ольшевик]ки повели дело мира».¹⁶³

Вместе с тем сами меньшевистские лидеры ясно сознава-

¹⁶¹ *Полярний Л. Х. Г. Раковський. Харків, 1925. С. 20.*

¹⁶² *Правда. 1918. 18 января.*

¹⁶³ *Меньшевики в 1917 году. М., 1997. Т. 3. Ч. 2.*

ли, что Раковский стал тяготеть к большевикам. На чрезвычайном съезде РСДРП (объединенной), как тогда называлась меньшевистская партия, 2 декабря 1917 г. делегат И. С. Астров с горечью отмечал, что деятели Интернационала «воспринимают большевистское восстание не так, как воспринимаем его мы». В доказательство он приводил письма А. Балабановой, Х. Раковского, К. Цеткин.¹⁶⁴

18 ноября Раковский направил письмо «Социалистическому правительству Российской республики», в котором выражал надежду, что новая власть поможет румынскому народу избавиться от тяготеющего над ним гнета, окажет ему содействие «в деле восстановления свободы слова и собраний и созыве Учредительного собрания на основе всеобщего избирательного права».¹⁶⁵

Это письмо свидетельствовало о признании правительства Ленина и намерении сотрудничать с ним, о надежде на вмешательство новых российских властей в румынские дела. Письмо произвело крайне негативное впечатление на тех меньшевиков, которые все еще считали Раковского своим единомышленником. Мартов писал Аксельроду 1 декабря: «Скажите при случае Раковскому, что его письмо к ленинск[ому] пр[авительству] произвело здесь неблагоприятное впечатление. Мы *все* смеемся, когда читаем, что он предлагает ленинцам добиться от Румынии свободы печати и со-

¹⁶⁴ *Меньшевики* в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 430.

¹⁶⁵ Известия. 1917. 29 ноября.

зыка Учр[едительного] Собр[ания]. Il est bien qualifié pour cela,¹⁶⁶ наш милый Троцкий, разгоняющий здесь Учред[ительное] Собрание и закрывший по всей России добрую *сортю* социалистических газет».¹⁶⁷

Вслед за этим Раковский обратился в редакции петроградских газет с письмом, в котором сообщил, что присоединяется к большевикам. Прибыв в конце декабря 1917 г. в российскую столицу, он предложил Ленину свои услуги, правда сохраняя еще отношения с меньшевиками-интернационалистами, в частности с Мартовым, о чем последний информировал Аксельрода.¹⁶⁸

Так в основном завершился переход Христиана Раковского с позиций социалистического центриста на позиции большевика-экстремиста, хотя его социалистическое прошлое в следующие годы продолжало давать себя знать и в конце концов предопределило его судьбу в тоталитарной державе.

¹⁶⁶ Он весьма квалифицирован для этого (*фр.*).

¹⁶⁷ *Меньшевики* в 1917 году. Т. 3. Ч. 2. С. 530.

¹⁶⁸ Там же. С. 583.

2. Формирование дипломата. Переговоры с Румынией

Почти тотчас по возвращении в Петроград Раковский встретился с Лениным и предложил ему свои услуги. Ленин, умевший великолепно использовать складывавшуюся ситуацию, нуждавшийся в опытных и авторитетных кадрах, сориентировался моментально. Он тотчас забыл свои прежние и совсем недавние нападки на Раковского. Христиан Георгиевич, как его теперь стали называть уже на русский манер, был тотчас принят в большевистскую партию, причем с зачетом в партийный стаж всего срока участия в балканском и западноевропейском социал-демократическом движении.¹⁶⁹ Это был единственный случай такого рода в большевистской практике, ибо лидеры этой партии всегда ревниво относились к бывшим «чужакам».

Из характера предыдущей деятельности Раковского, из его индивидуальных особенностей, способностей и ментальности вытекала та сфера деятельности, которой ему было поручено заняться в советской центральной администрации. Умение устанавливать контакты с представителями различных общественных сфер, публицистический и полемиче-

¹⁶⁹ В данных о партийном стаже делегатов съездов РКП(б) – ВКП(б) партстаж Раковского определялся с 1890 г.

ский дар, европейская образованность, отсутствие провинциальной зашоренности и примитивного догматизма, внешняя привлекательность и вальяжность, знание западноевропейских и балканских языков – все эти качества предопределили использование Х. Г. Раковского в качестве дипломата.

Особое знание им Румынии, ее экономики, политики и общественной жизни, свободное владение румынским языком обусловили и первое конкретное задание. Впрочем, предстоявшие функции Раковского были дипломатическими лишь отчасти, ибо не исключено было в случае благоприятного с точки зрения большевистской верхушки развития событий расширение сферы деятельности вплоть до государственного руководства Советской Румынией, если бы таковую удалось создать.

Дело, с одной стороны, заключалось в том, что Раковский, став членом большевистской партии, продолжал выступать и как румынский социалистический лидер. С другой стороны, с начала 1918 г. взаимоотношения между Советской Россией и Румынией продолжали обостряться.

28 января на заседании Совнаркома под председательством Ленина было решено образовать орган под чудовищным названием Верховная коллегия по русско-румынским делам (через несколько дней в ее названии появилось еще одно слово, и она стала именоваться Верховной автономной коллегией). Местом пребывания коллегии был определен Кишинев, хотя город был занят в это время румынскими

ми войсками. В состав коллегии, которая формировалась под руководством Х. Г. Раковского, вошли румынские социал-демократы М. Бужор, М. Брашован, В. Спиру, а также П. К. Воронский (один из руководителей восстания в Одессе в январе 1918 г., будущий известный литератор и издатель), публицист Ф. И. Куль (Полярный) и матрос А. Г. Железняков (тот самый, который несколькими днями ранее отличился, объявив, разумеется, по распоряжению своих начальников, о разгоне Учредительного собрания в Петрограде). Коллегии было выделено 5 млн рублей из средств СНК и придан отряд матросов под командованием Железнякова.¹⁷⁰ На следующий день Ленин подписал удостоверение о назначении Раковского «комиссаром-организатором по русско-румынским делам в южной России».¹⁷¹

В начале февраля Раковский с отрядом Железнякова выехал в Севастополь, оттуда в Одессу.

В качестве основной задачи коллегии была определена организация борьбы «против румынской контрреволюции», за освобождение Бессарабии. Разумеется, политическими настроениями и пожеланиями молдаван никто не интересовался. В то же время, по-видимому, еще в Петрограде было согласовано, что конфликт с Румынией желательно урегулировать мирным путем, и именно в этом смысле в первую очередь предполагалось использовать качества Раковского.

¹⁷⁰ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 23. Ед. хр. 5. Л. 7104; Ед. хр. 6. Л. 13–16.

¹⁷¹ Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. М., 1974. Т. 5. С. 209.

Но эти мирные устремления сочетались с революционно-милитаристским энтузиазмом. Обращает на себя внимание документ, изданный Раковским от имени коллегии (правда, забывшись, в середине текста он вдруг начал писать от собственного имени!), в котором даже название этого органа было изменено. Он именуется здесь Верховной коллегией по борьбе с румынской и бессарабской контрреволюцией. Речь идет об обращении от 5 февраля 1918 г., адресованном революционному комитету в армии Румынского фронта (еще сохранялась прежняя терминология). Раковский выражал удовлетворение ее готовностью бороться против контрреволюции и призывал отбросить румынскую контрреволюционную армию, называя правительство Румынии «самым наглым, самым подлым и самым трусливым из врагов и русского, и румынского трудового народа».¹⁷²

Тем не менее были начаты переговоры. Вначале они проходили при посредничестве канадца, полковника Бойла, известного своими прошлыми авантюрными похождениями, в частности во время золотой лихорадки на Клондайке. Бойл несколько раз возил из Одессы в Яссы послания Раковского правительству Румынии и ответы последнего.¹⁷³ В конце концов договорились о прямых переговорах.

¹⁷² Центральний державний архів вищих оргаів влади та управління України (далее ЦДАВОВУУ). Ф. 4. Оп. 2. Од. зб. 10. Арк. 2–3.

¹⁷³ *Fischer L. The Soviets in World Affairs: A History of Relations between the Soviet Union and the Rest of the World. London, 1930. Vol. 1. P. 81.*

14 февраля в Одессу прибыли для переговоров представители Генерального штаба Румынии полковник Радалеску и капитан Кадери. Краткая встреча и беседа с ними Раковского была его первым опытом ведения прямых дипломатических переговоров. Однако первый опыт оказался комом: было договорено о перемирии, но вскоре оказалось, что румыны ввели Раковского в заблуждение, ибо никаких официальных полномочий они не имели. Переговоры были прерваны, а на следующий день Верховная коллегия в обращении «Всем, всем, всем» известила об этом «недопустимом в международных отношениях» инциденте. 15 февраля за подписью Раковского и других членов коллегии румынскому правительству был направлен ультиматум с требованиями: немедленно вывести с территории Бессарабии румынские войска и русские контрреволюционные отряды во главе с генералом Щербачевым; немедленно возвратить захваченное румынскими войсками русское имущество; беспрепятственно пропустить на родину русские войска с территории Румынии и Бессарабии, сдать генерала Щербачева, объявленного советским правительством вне закона, и т. д.¹⁷⁴ 16 февраля, не получив никакого ответа, коллегия объявила о возобновлении военных действий, а в следующие дни предприняла меры по формированию румынских революционных батальонов, захватила на севастопольском рейде пять румынских кораблей, арестовала в качестве заложников ряд

¹⁷⁴ ЦДАВОВУУ. Ф. 4. Оп. 2. Од. зб. 10. Арк. 4–5.

румынских подданных, находившихся в Одессе.¹⁷⁵

Все же воинственные намерения и действия с обеих сторон вскоре уступили место желанию договориться. Определенное влияние на румынские власти оказали дипломатические представители стран Антанты. 23 февраля Раковского посетили все тот же канадский полковник Бойл и французский консул полковник Аркье, предложившие образовать смешанную комиссию для урегулирования русско-румынского конфликта. Предложение о посредничестве было принято, хотя коллегия и Румчерод повторяли свои требования об эвакуации румынских войск из Бессарабии.¹⁷⁶

Возникшие изменения в общей международной ситуации и в советско-германских отношениях, связанные с прекращением переговоров в Брест-Литовске и наступлением германских войск на территории Украины и прилегающей к ней части России, а также на Петроград, заставили стороны занять более осторожные позиции, так как формально обе они находились в состоянии войны с Германией. 5 марта Раковский дал согласие на официальные переговоры и заявил о восстановлении мира между Россией и Румынией. Румынское правительство в лице председателя Совета министров генерала А. Авереску, в свое время руководившего подавлением крестьянского восстания 1907 г. и в связи с этим

¹⁷⁵ Бобейко В. Христиан Раковский и борьба против румынской контрреволюции (январь – май 1918 г.) // Коммунист Молдавии. 1988. № 7. С. 86.

¹⁷⁶ ЦДАВОВУУ. Ф. 4. Оп. 2. Од. зб. 10. Арк. 9–11.

прямого политического оппонента Раковского, заявило, что считает конфликт улаженным.¹⁷⁷

Последовали личные переговоры Раковского и Авереску в Одессе, в результате которых 7 марта был подписан «протокол улажения русско-румынского конфликта», включавший в себя также положение об обмене пленными.¹⁷⁸ 18 марта Раковский и Авереску подписали договор, в соответствии с которым румынские войска до 18 мая должны были очистить Бессарабию, предоставив местному населению право на самоопределение.¹⁷⁹

Так появилась первая личная подпись Х. Г. Раковского под официальным дипломатическим документом – Одесским договором между Россией и Румынией. Казалось, конфликт действительно урегулирован. Деятельность Раковского была одобрена правительством Ленина. Позже Х. Г. Раковский писал, что все его предложения были приняты, «эвакуация Бессарабии была решена подписью генерала Авереску».¹⁸⁰

Румыния обязалась очистить Бессарабию в течение двух месяцев. Тотчас после подписания соглашения власть в населенных пунктах предполагалось передать местной ми-

¹⁷⁷ ЦДАВОВУУ. Ф. 4. Оп. 2. Од. зб. 10. Арк. 12–13.

¹⁷⁸ Там же. Арк. 13.

¹⁷⁹ *Раковский Х., Дембо В.* Румынские притязания на Бессарабию. М., 1926. С. 16.

¹⁸⁰ *Раковский Х.* Румыния и Бессарабия: К семилетию аннексии Бессарабии. М., 1925. С. 40–41.

лиции. Румынские военные командиры не должны были производить аресты и исполнять другие административные и судебные функции. Арестованные в России румынские подданные обменивались на арестованных в Румынии русских революционеров. Румыния обязалась не предпринимать враждебных действий против РСФСР. Россия возвращала Румынии продовольственные склады, образованные союзниками, которые были предназначены для питания местного населения и находились в это время в распоряжении Советов.

В непосредственном личностном отношении первая дипломатическая миссия Раковского оказалась, таким образом, успешной. Однако крайне нестабильная внешнеполитическая ситуация в конце Первой мировой войны, Брестский мир и последующее занятие германскими войсками Украины – формально с согласия Центральной рады, а фактически в качестве оккупантов, исчезновение в результате этих событий общей границы между Россией и Румынией привели к тому, что правительство Румынии сочло возможным нарушить договор.

Договор был подписан всего за пять дней до занятия Одессы австро-германскими войсками. После этого бессарабский парламент высказался за присоединение к Румынии на началах автономии. В ответ по распоряжению советского правительства вновь был арестован, а затем выдворен посол Румынии К. Диаманди, был конфискован румынский золо-

той запас, отправленный в Россию на сохранение во время мировой войны.¹⁸¹

Раковский оставался в Одессе до подхода германских войск, а затем с огромными трудностями через Николаев, Екатеринослав, Полтаву, Харьков смог возвратиться в Москву, куда прибыл в конце марта. Примерно две недели он провел в здании Наркоминдела – бывшем флорентийском дворце Тарасовых у Патриарших прудов, стремясь углубить свои дипломатические познания, а в середине следующего месяца получил новое дипломатическое задание.

28 марта 1918 г. Раковский побывал у Ленина и доложил ему о своей работе в качестве руководителя Верховной автономной коллегии.¹⁸² По всей видимости, глава правительства был удовлетворен его сообщением, так что Раковский в его глазах стал той личностью, которую явно можно было использовать для выполнения сложных политико-дипломатических поручений.

При этом создается впечатление, что Раковский рассматривался в качестве такого деятеля, который был призван создать декорум, видимость добропорядочности большевистского руководства перед умеренно прогрессивными западноевропейскими лидерами. Связано это было прежде всего с тем, что на Западе сохранился его прежний имидж социалиста-центриста. Об этом свидетельствуют многочисленные

¹⁸¹ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 23. Ед. хр. 5. Л. 1; Ед. хр. 6. Л. 107.

¹⁸² Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. Т. 5. С. 344.

приветственные письма, полученные Раковским от участников состоявшейся в феврале 1919 г. в Берне конференции социалистических партий, принявшей решение о восстановлении II Интернационала, фактически распавшегося с началом Первой мировой войны (А. Маргари, П. Форэ, Ф. Адлера, Л. Каутской и др.).¹⁸³ Совершенно очевидно, что годом раньше, во время рассматриваемых событий, это мнение было еще более устойчивым.

Использование на дипломатическом поприще таких деятелей, как Х. Г. Раковский, позволяло большевистской верхушке создавать видимость эволюции в сторону более цивилизованного курса.

О первой своей непродолжительной дипломатической миссии Раковский позже вспоминал неоднократно. Уже в мае 1918 г. на первой полосе «Известий» появился его памфлет о российско-румынских отношениях,¹⁸⁴ в котором особенно ехидно высмеивался довод о том, что румынская оккупация Бессарабии носила, мол, гуманитарный характер. Через день в той же газете появилась его беседа с корреспондентом по поводу кабального характера Бухарестского мира, заключенного Румынией с центральными державами. Раковский был представлен как «один из вождей румынской социал-демократии».¹⁸⁵

¹⁸³ Известия. 1919. 5 марта.

¹⁸⁴ Известия. 1918. 16 мая.

¹⁸⁵ Там же. 18 мая.

3. Дуэль с Шелухиным: перемирие с Украиной

Между тем к весне 1918 г. власть киевской Центральной рады, в которую входили представители партий разной политической ориентации, прежде всего социалистического толка, выступавших за независимость Украины, распространилась на большую часть ее территории, но эта власть была крайне ограниченной, так как на территорию Украины вступили немецкие войска. «Германия взяла на себя роль защитницы Украины от анархии и большевиков, – пишет Ю. Г. Фельштинский. – Однако мир, который она заключила с Радой, был “хлебный”, а не политический. И тот факт, что немцы и австрийцы вывозили из страны продовольствие, делал Германию и Австро-Венгрию в глазах населения ответственными за экономические неурядицы».¹⁸⁶

Сохраняя надежды на восстановление советской власти и фактическое присоединение Украины к России, правительство РСФСР в то же время было вынуждено вступить в переговоры с правительством Украинской Народной Республики. Сделано это было по прямому требованию Германии.

Большевистское руководство крайне колебалось в вопро-

¹⁸⁶ *Фельштинский Ю. Г.* Крушение мировой революции: Брестский мир. Октябрь 1917 – ноябрь 1918. М., 1992. С. 343.

се о признании Центральной рады, тем более в подписании с ней каких бы то ни было дипломатических документов, чего требовал Брестский мир, полный текст которого усиленно скрывали Ленин и его правительство.

И все же решением СНК РСФСР 16 апреля 1918 г. была образована делегация для переговоров с Украинской Народной Республикой, которые намечались в Курске.¹⁸⁷ Вначале первая встреча украинской и российской делегаций была назначена на 21 апреля. Дав согласие на переговоры, Центральная рада Украины просила российское правительство прекратить преследование украинцев по политическим и национальным мотивам и отменить запрет на продажу украинских книг.¹⁸⁸

Руководителем российской делегации был назначен Х. Г. Раковский, а в ее состав вошли Д. З. Мануильский, И. В. Сталин, М. П. Томский. Раковский получил «полномочие», подписанное Лениным и датированное 27 апреля: «Решением Совета народных комиссаров от 27 апреля 1918 года тов. Христиан Георгиевич Раковский назначен полномочным представителем Российской социалистической советской республики для ведения с Украинской Народной Республикой переговоров о заключении договора, начинающихся 28 апреля в Курске, и для подписания такового договора».

¹⁸⁷ Известия. 1918. 27 апреля.

¹⁸⁸ Вісті закордонної преси (Київ). 1918. 10 травня.

Но такое же полномочие получил и Сталин.¹⁸⁹ В этом явно проявилась игра большевистского вождя, который пытался противопоставлять друг другу деятелей, получавших ответственные задания, в расчете на их конкуренцию и во всяком случае противодействуя их сближению. Таковую же тактику, между прочим, Ленин проводил в отношении противоречий, возникших между Троцким и Сталиным в том же 1918 г.¹⁹⁰

Когда делегация уже выехала в Курск, Ленин изменил только что принятое решение о главе делегации, сместив Раковского и назначив Сталина. Об этом делегаты узнали уже по дороге. Прибыв в Курск, Раковский тут же связался «по прямому проводу» с Лениным, выразив недовольство по поводу принятого решения; заявив, что считает свое дальнейшее пребывание в делегации излишним, он просил прислать ему замену.

Обратимся к чрезвычайно интересному документу – телеграфной ленте переговоров «по прямому проводу» между Курском и Москвой 29 апреля. На одном конце находились Раковский и Сталин, на другом – Ленин. К сожалению, в нашем распоряжении имеется только лента, принятая в Москве, ответов Ленина нет. Но и этот текст дает четкое представление о глубине возникшего конфликта. «Российская мирная делегация прибыла в Курск 29 апреля в 7 часов

¹⁸⁹ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Ед. хр. 109. Л. 15–16.

¹⁹⁰ См.: *Чернявский Г.* Лев Троцкий. М.: Молодая гвардия, 2010. С. 216, 240–244 и др.

утра. Сообщите, когда выедут украинские делегаты», – начали разговор Раковский и Сталин. Но уже вслед за этим инициативу взял Раковский: «Товарищ Ленин, прошу срочно назначить мне заместителя. После внутреннего перераспределения делегатов, о котором мне, к сожалению, было сообщено только в дороге, я считаю свою миссию законченной... У нас в делегации никаких недоразумений не происходило. Наоборот, мы хотим выйти из двойственного положения... До моего отъезда меня считали ответственным руководителем делегации согласно решению ЦИК и Совета народных комис[саров] от 16 апреля. Решением от 27-го руководство переходит к т. Сталину. Чтобы дать возможность этому, я сам отступаюсь». «Я Сталин. <...> Что касается тов. Раковского, я и Мануильский убеждали и убеждаем его в том, что без него невозможно обойтись. Более того, без него дело будет хромать на одну ногу. Советуем, просим вас надавить на него». «Я Раковский. Я не могу принять ответственность при постоянном прерывании работ со стороны тов. Сталина. Я настаиваю на том, чтобы он оставался здесь, а мне назначить заместителя, ибо мое решение окончательно. В день моего отъезда я поднял перед товарищем Чичериным вопрос о руководстве делегации... Тов. Чичерин сказал, что остается старое положение, то есть главой делегации являюсь я, о вашем новом решении я узнал только в дороге и вполне серьезно думаю, что не обладаю некоторыми специфическими познаниями по тому или иному вопросу. Мое дальнейшее

пробывание в делегации является лишним. Поэтому считаю мое решение окончательным. Я уже передал все имеющиеся у меня архивы тов. Сталину. *Раковский*. Я кончил».¹⁹¹

В нашем распоряжении нет сведений, при каких обстоятельствах возник этот первый конфликт между Раковским и Сталиным. Не исключено, что конфликт возник уже по дороге в Курск. К этому первому столкновению в следующие годы добавлялись все новые и новые. Можно не сомневаться, что с самого начала контактов Раковский испытывал к Сталину глубокое недоверие, тем более что он не мог не слышать широко циркулировавших слухов о связях Кобы с царской охранкой.

Пока же развитие событий привело к тому, что непосредственные причины столкновения по поводу того, кто будет возглавлять делегацию на переговорах с Украиной, вскоре исчезли.

28 апреля германский военный отряд арестовал правительство Украины, а 29 апреля состоялся «съезд хлеборобов», на котором гетманом Украины был провозглашен крупный помещик и бывший генерал царской армии П. П. Скоропадский. Решение о перевороте было принято группой предпринимателей и чиновников, полагавших, что бывший военный адъютант Николая II и генерал, «украинизировавший» свое соединение, назвавший его соединением «вольных казаков», является более приемлемой фигурой в каче-

¹⁹¹ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Ед. хр. 506. Л. 1–2, 5–11; Ед. хр. 109. Л. 17.

стве главы Украинского государства, нежели группа ученых и других социалистических интеллигентов.

Скоропадский распустил Центральную раду, низложил избранного ею президента Украины профессора М. С. Грушевского и объявил о создании Украинской Державы во главе с собственной персоной. Было образовано правительство беспартийных специалистов, а по городам и весям расклеены плакаты за подписью гетмана: «Вся власть в Украине принадлежит мне».¹⁹²

В правительство гетмана вошли некоторые талантливые администраторы: премьер Федор Лизогуб, министр иностранных дел Дмытро Дорошенко и др. Держава обменялась посольствами с 12 государствами. Но в условиях гражданской войны и фактической германской оккупации Украины она была нестабильной. Недовольство вызывало преобладание в государственном аппарате русских и русифицированных украинцев.¹⁹³

Об изменившейся ситуации делегаты из Курска доложили в Кремль. Несколько дней шли совещания по прямому проводу с Лениным и Чичериным, в январе 1918 г. возвратившимся из Великобритании и через два месяца сменившим Троцкого на посту наркома иностранных дел. Ленин и Чичерин полагали, что реальной властью в Украине являются немцы, а не правительство гетмана, что это временное

¹⁹² *История России. XX век. М., 2009. Т. 1. С. 650.*

¹⁹³ *Субтельний О. Україна. Історія. Київ, 1991. С. 311–312.*

правительство украинской буржуазии, что вести переговоры по вопросам, связанным с Украиной, следует с оккупантами. Это была явно нереалистическая позиция, которую Раковскому удалось изменить. Сталин был отозван в Москву, а Раковский и Мануильский отправились в Киев. 5 мая Раковский получил из Москвы телеграмму Сталина: «Сию же минуту ваше заявление будет передано председателю Совнаркома. О результатах сообщу».¹⁹⁴ Можно лишь догадываться, что в этом заявлении Раковский выражал недовольство акциями главы правительства по поводу руководства делегацией. Косвенно об этом свидетельствует и сверхофициальное выражение Сталина «будет передано председателю Совнаркома», и обещание сделать это «сию же минуту».

Прибытие в Киев сопровождалось следующим инцидентом, о котором позже рассказал современник: «Когда Раковский и Мануильский вышли из украинского поезда, они просили немецких офицеров и солдат, охранявших их по дороге, приблизиться к ним. Когда те окружили их, Раковский вскочил на откуда-то появившуюся табуретку и стал произносить на немецком языке омерзительную речь. В ней он резко критиковал государственный строй Германии, весьма оскорбительно отзывался о германском императоре... Немецкие солдаты и их офицеры, которых мы всегда считали весьма дисциплинированными... горячо аплодировали

¹⁹⁴ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Ед. хр. 525. Л. 11, 122.

Раковскому». ¹⁹⁵

Раковский прибыл в Киев с целой группой советских экспертов и представителей ведомств. При делегации функционировали бюро печати, дипломатические курьеры и группа экспертов – по международному праву (профессор А. А. Немировский), другим юридическим вопросам (А. Н. Ждан-Пушкин), военным делам (генералы П. П. Сытин и С. И. Одинцов), а также специалисты от комиссариатов финансов, путей сообщения, торговли и промышленности, продовольствия. В качестве «журналистки мирной делегации» в Киеве находилась и супруга Раковского Александрина Георгиевна. У делегации были шесть стенографистов, четыре стенографа, четыре машинистки. Охранял все это внушительное представительство отряд латышских стрелков. ¹⁹⁶

Переговоры начались 23 мая. Накануне Раковский провел пресс-конференцию, на которой заявил, что российская делегация прибыла для того, чтобы ликвидировать все недоразумения между Украинским государством и РСФСР, что Советская Россия намерена строить добрососедские отношения с Украиной. ¹⁹⁷ «Мы определенно заявляем, что советская власть никогда не будет препятствовать самоопределе-

¹⁹⁵ Резников Д. Н. Встреча с Раковским и Мануильским // Русская мысль. 1968. 26 июля; Фельштинский Ю. Г. Крушение мировой революции... С. 363.

¹⁹⁶ Известия. 1918. 15 июня; ЦДАВОВУУ. Ф. 2607. Оп. 1. Од. зб. 11. Арк. 12, 30, 49 тощо.

¹⁹⁷ Киевская мысль. 1918. 23 мая.

нию украинского народа».

Был ли Раковский искренен в заявлениях по поводу украинского суверенитета? Авторы книги склоняются к положительному ответу на этот вопрос, имея в виду многолетние связи их героя с умеренной западноевропейской социал-демократией, австрийскими марксистами, отстаивавшими лозунг культурно-муниципальной автономии для малых народов. Раковский должен был понимать, насколько тяжело будет реализовать идею самоопределения народов в практике большевистского государственного управления. Но он, видимо, не до конца осознавал лицемерие и конъюнктурность лозунга самоопределения наций в политической философии Ленина и его единомышленников.

Заявление Раковского внушало надежды. Но украинская общественность восприняла его с настороженностью, полагая, что в программе большевиков лозунг самоопределения носил не принципиальный, а тактический характер. Комментируя прибытие Раковского и Мануильского, украинская социал-демократическая газета писала: «На первый взгляд война между Украиной и Россией кажется бессмысленной, а между тем она логично вытекает из хода российской и украинской революций, в результате противоречий между ними»; «тюрьма народов разбита самими народами, и восстановления ее не должно произойти». ¹⁹⁸

Было ясно, что Раковскому предстояло проявить большую

¹⁹⁸ Робітничка газета. 1918. 24 травня.

гибкость, чтобы в условиях жестких установок российского правительства добиться взаимоприемлемых решений. Как показал ход переговоров, Раковский в основном проявлял добрую волю и готовность к дипломатическому маневру, тогда как Мануильский (оба они были формально равноправными, хотя Раковского нередко именовали руководителем делегации: на пленарных заседаниях он председательствовал поочередно с главой украинской делегации) занимал пассивную позицию.

Достойным партнером Раковского по переговорам стал руководитель украинской делегации Сергей Павлович Шелухин – правовед, поэт и журналист, деятель Украинской партии социалистов-федералистов. Шелухин родился в помещичьей семье на Полтавщине в 1864 г., окончил юридический факультет Киевского университета, служил следователем, прокурором, членом Киевского окружного суда. До 1917 г. он принимал участие в социалистическом движении, а в 1917 г. являлся одно время председателем ревкома в Одессе, став к этому времени членом ЦК Украинской партии социалистов-федералистов. С января 1918 г. Сергей Павлович был членом Генерального суда Украинской Народной Республики, а затем министром судебных дел УНР, представлял свою партию в Центральной раде. После переворота Скоропадского он сохранил влияние, хотя и не занимал правительственных постов. В середине июня 1918 г. он был назначен генеральным судьей уголовного департамента Гене-

рального суда Украины, вскоре после чего стал сенатором.¹⁹⁹ Позже, после утверждения в Украине большевистского режима, он эмигрировал, являлся профессором права Украинского университета в Вене, с 1922 г. жил в Праге, скончался в 1938 г.

Встречи делегаций происходили в зале Педагогического музея на Большой Владимирской улице, где еще недавно была штаб-квартира Центральной рады (ныне в этом здании находится музей Центральной рады). Всего состоялось 14 пленарных заседаний (последнее 7 октября 1918 г.) и множество заседаний комиссий и подкомиссий.

На открытии дебатов присутствовали представители украинской, русской и западноевропейской прессы. Заседания открыл Шелухин. Стороны обменялись полномочиями. В первые же минуты Раковского ожидал удар со стороны главы украинской делегации, который, по мнению корреспондента германской газеты Фрица Вертхаймера, превосходил его в правовом опыте и в умении контролировать ситуацию.²⁰⁰

Оказалось, во-первых, что полномочия советской делегации не были сформулированы должным образом: она уполномочивалась на ведение переговоров и заключение договора, но о ее праве на заключение перемирия или мира в документах не было сказано ничего. Во-вторых, Шелухин попро-

¹⁹⁹ Державний вісник. 1918. 22 травня, 13 червня.

²⁰⁰ Frankfurter Zeitung. 1918. 3 Juni.

сил разъяснений, в чем состоит федерализм РСФСР, партнера по переговорам, и какие государства вошли в эту федерацию. Глава украинской делегации выразил сомнение, может ли советская делегация давать обязательства от имени Белоруссии, Литвы, Кавказа, Дона, Черноморья и т. д. Мы не знаем, с кем именно предстоит вести переговоры, внешне недоуменно заметил он, фактически отрицая легитимность советской власти над нерусскими, да и некоторыми русскими, территориями.²⁰¹

Раковский попытался дать ответ. Он заявил, что характер переговоров определен Брестским мирным договором, по которому Россия обязалась заключить мир с Украиной. Поэтому имеющиеся у него полномочия достаточны. Что же касается состава РСФСР, то была употреблена общая формула, что это – внутреннее дело, что Украинское государство «мы в нее не зачисляем», попытка же сослаться на широкие права местных органов как проявление советского федерализма вызвала у украинских делегатов недоумение и с точки зрения теоретико-правовой, и с точки зрения практической в связи с начавшимся уже нагнетанием диктаторско-террористических методов советского государственного управления.

Раковский был вынужден попросить прервать заседание, чтобы украинская делегация представила свои соображения

²⁰¹ Известия. 1918. 26 мая.

в письменном виде, на что он даст официальный ответ.²⁰² Он был вынужден убедиться, что при всех своих политических качествах, которые учитывались при его назначении фактическим главой делегации, он не обладает необходимым дипломатическим опытом, госу дарст вен но-правовыми знаниями, багажом в области международного права. Помимо этого выяснилось, что некоторые казавшиеся ему безусловными основы советского государственного устройства оказываются трудно защитимыми в прямой аргументированной полемике. Последовала почти паническая телеграмма Ленину, на которую тот ответил советом успокоиться и не давать себя спровоцировать.²⁰³

24–25 мая переговоры были продолжены. Теперь Раковский фигурировал уже как «уполномоченный» России, председатель делегации, а Мануильский – как «полномочный член делегации».²⁰⁴ И в письменной, и в устной форме С. П. Шелухин настаивал, чтобы российская делегация затребовала новых полномочий, пока же предлагал наметить план работы, выдвинуть требования и пожелания, но до получения новых полномочий не брать на себя обязательств. Кроме того, украинцам якобы не было ясно, какой договор

²⁰² *Мирт* переговори між Українською Державою та РСФСР 1918 р.: Протоколи і стенограми пленарних засідань. Збірник документів і матеріалів. Київ; Нью-Йорк, 1999. С. 35–41; Робітнича газета. 1918. 24 травня; Известия. 1918. 26 мая.

²⁰³ Раковский Х. Ильич и Украина // Коммунист. 1925. 21 января.

²⁰⁴ ЦДАВОВУУ. Ф. 2607. Оп. 1. Од. зб. 1. Арк. 15.

намерена заключить Россия – торговый, железнодорожный или какой-то иной. Здесь Шелухин явно лукавил, ибо заведомо было известно, что речь прежде всего идет об установлении мирных межгосударственных отношений между обеими странами.

На этот раз Раковский вел себя спокойнее, опыт его рос не по дням, а по часам. Он немедленно обнаружил хитрость партнера и пространно разъяснил, что российская делегация настаивает на ведении в первую очередь переговоров о перемирии. Шелухин дал согласие. Оба руководителя делегаций обменялись обвинениями в империалистических тенденциях. Раковский выразил несогласие с демаркационной линией, предложенной украинцами: она, мол, продвинута на десятки километров вперед от линии перемирия. Он потребовал оглашения протоколов заседаний не только на украинском, но и на русском языках, выработки их текстов совместно с секретариатом советской делегации. В целом, таким образом, первая дипломатическая контратака Раковского принесла ему некоторый успех.²⁰⁵

На этом заседании Раковский в письменной форме представил определение советской федерации, исходившее из того, что РСФСР является «единым государством, включающим в себя территории всех советов рабочих и крестьян. Местные уездные, губернские и областные советы являются самостоятельными в области внутреннего управления и по

²⁰⁵ Робітничка газета. 1918. 26 травня; Известия. 1918. 28 мая.

всем вопросам, которые не относятся ко всей федерации в целом».²⁰⁶ Не трудно заметить, насколько абстрактным, не учитывавшим реалий советского управления, большевистской диктатуры, начинавшейся гражданской войны, было это определение. Оно соответствовало классическим стандартам федерации, причем федерации территориальной, а не национальной, и Раковский, по-видимому, искренне верил в перспективную реальность таковой для Советской республики. Во всяком случае, его государственная деятельность в следующие годы, его участие в оппозиционном движении второй половины 20-х – первой половины 30-х годов свидетельствуют именно об этом, хотя позже его федеративные идеи существенно обогатились национальным содержанием. По окончании заседания Раковский отправил телеграмму Чичерину. Он просил прислать экстренным курьером новые полномочия, необходимый текст которых был тут же сообщен.²⁰⁷

27 мая начались непосредственные переговоры о перемирии. Наиболее острые споры возникли по вопросу о демаркационной линии. Шелухин вновь атаковал. Он потребовал проведения демаркационной линии через определенные пункты, проходившие севернее от фактического размещения войск, и передал карту с ее обозначением, потребовал возвращения забранных из Украины железнодорожных

²⁰⁶ Киевская мысль. 1918. 26 мая.

²⁰⁷ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Ед. хр. 510. Л. 4.

вагонов и паровозов, репатриации украинцев с российской территории. Раковский на этот раз, как и в дальнейшем, проводил компромиссную линию. Не возражая по существу против украинских требований, он предложил произвести обмен военнопленными и другими гражданами обеих стран и заявил, что у России также есть претензии к Украине по поводу различных грузов, не детализируя, впрочем, о чем именно шла речь.

В оценках общественности в конце мая – в значительной степени в результате смягчения позиции российской делегации, свободного общения Раковского в Киеве с представителями различных украинских кругов – наметился некоторый поворот в пользу партнера Украины по переговорам, проявлением чего было опубликование в социал-демократическом печатном органе редакционной статьи с критикой неуступчивости украинской делегации.²⁰⁸

Эта неуступчивость, а подчас и выдвижение ультимативных требований объяснялись тем, что украинское правительство стремилось максимально использовать крайне трудное международное и внутреннее положение Советской республики, правительство которой после так называемого «триумфального шествия Советской власти» в конце 1917 – начале 1918 г., которое и тогда не было столь уж всеобщим, постепенно утрачивало контроль над все новыми территориями, где провозглашалась власть разного рода мест-

²⁰⁸ Робітничка газета. 1918. 31 травня.

ных правительств. Одной из таких территорий стало Всеукраинское Войско Донское, казачье государство во главе со своим высшим органом – Войсковым кругом, провозглашенное в конце апреля 1918 г. в Новочеркасске. Атаманом этого образования стал генерал П. Н. Краснов. 21 мая правительство Краснова послало ноту Украинской Державе в связи с ее переговорами с Россией – гетмана информировали, что Дон является не частью Советской республики, а суверенным государством, находящимся с ее правительством в состоянии войны.²⁰⁹ Гетманское правительство вступило в официальные отношения с атаманом, что негативно повлияло на переговоры в Киеве.

30 мая Раковский вручил Шелухину новые полномочия советской делегации, текст гласил: «Российская Федеративная Социалистическая Советская Республика 27 апреля с. г. назначила товарища Христиана Георгиевича Раковского полномочным представителем для ведения в Киеве переговоров, начинающихся с 22 мая с. г. с уполномоченным Украинской Державы о заключении мирного договора между Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой и Украинской Державой и для подписания как актов переговоров, так и мирного договора».²¹⁰

На следующий день на заседании разгорелся вновь, каза-

²⁰⁹ Киевская мысль. 1918. 26 мая.

²¹⁰ ЦДАВОВУУ. Ф. 2607. Оп. 3. Од. зб. 1. Арк. 2; *Мирт* переговори між Українською Державою та РСФСР 1918 р. С. 352.

лось, уже решенный самим фактом вступления в переговоры спор о самостоятельности Украинского государства. Видимо, с новыми полномочиями Раковский получил и новые инструкции, требовавшие твердой линии. Молодой (не по возрасту, а по стажу) дипломат настаивал теперь, чтобы совместно принимаемые документы не предрешали существования Украины как независимого и суверенного государства – это, мол, предмет самих переговоров. «Известен тот факт, – говорил Раковский, – что Украина еще несколько месяцев тому назад не существовала для всех, а до настоящего момента, до того, пока мы в договор не внесем наше признание... она не обладает и для нас в международных юридических отношениях вполне определенной юридической индивидуальностью».

Шелухин занял в этом вопросе вполне естественную твердую позицию. «Мы в вашем признании не нуждаемся», – даже заявил он, разумеется, кривя душой, ибо как опытный юрист отлично понимал, что каждое независимое государство нуждается в признании соседей. Независимость Украины для переговоров с Россией, продолжал он, – это *condicio sine qua non* (безоговорочное условие).

Попытка Раковского демагогически апеллировать к тому, что с точки зрения международного права РСФСР является преемником Российской империи (!) и части последней могут выступать как правосубъекты лишь с согласия РСФСР, в свою очередь, встретила решительный протест украинского

делегата.

Раковский, видимо, осознал допущенный им промах, возможно, у него просто заговорила дремавшая совесть, не позволившая столь беззастенчиво кривить душой, вполне вероятно, что он пошел на нарушение полученной инструкции. В любом случае он решительно переменял свое поведение, и это способствовало безболезненному преодолению возникшего острого конфликта. Как бы забыв о только что сказанном, он заявил: «Мы не являемся преемниками ни ее тенденций, ни ее целей. Международно-правовая преемственность же сугубо формальна, советская власть не распространяется на Украину».²¹¹

4 июня начали работать комиссии. Дело сдвинулось, сравнительно быстро было достигнуто соглашение по основам перемирия. На заседании комиссии по демаркационной линии 11 июня достигли позитивного результата и по этому вопросу. Комиссия встала на «военную точку зрения» (именно на ней настаивал Раковский) и утвердила линию, отражающую положение на участках фронта.²¹²

Острые дискуссии возникли 31 мая и продолжались на следующих заседаниях по вопросу о возвращении украинских граждан на родину. Украинская делегация с полным правом настаивала на уравнивании их в правах с возвращавшимися гражданами России. Обращалось внимание, что

²¹¹ Известия. 1918. 4 июня.

²¹² Там же. 4, 6, 9, 11, 12 июня; Робітничка газета. 1918. 2 червня.

по советским правилам вывозить имущество воспрещалось, тогда как при выезде из Украины никто обысков не делал и имущество не отбирал. Раковский ссылался на правила Временного правительства, ограничивавшие ввоз и особенно экспорт золота и серебра.

На это Шелухин указал, что дело не в официальных ограничениях, а в произволе советских властей, грабивших пассажиров и дававших расписки за отнятое имущество, за которые «никто не продаст фунта хлеба». Ловко парируя высказывания своего оппонента, Раковский ухватился за те места, которые можно было истолковать как вмешательство во внутренние дела России. Он упрекнул Шелухина: «Я уже имел случаи несколько раз заявить, что в наших дискуссиях, совершенно, может быть, не желая, вы скользите по плоскости критики внутренних наших отношений и высказывания общих суждений относительно характера нашей Советской власти; я протестую против этого; если я пойду по вашим стопам, я также могу дать различные квалификации вашей власти».²¹³

Российского представителя, расположившегося в гостинице «Марсель», посещали различные делегации торговцев и промышленников, в частности нефтепромышленников, сахарозаводчиков, заинтересованных в установлении товарообмена.²¹⁴ Раковский встречался с украинскими и зару-

²¹³ Известия. 1918. 4, 5 июня.

²¹⁴ Там же. 5 июня.

бежными журналистами, давал интервью. В германской газете была опубликована обширная беседа ее корреспондента с главой российской делегации.²¹⁵ Раковский заявил, что российское правительство стремится заключить с Украиной мирный договор и экономическое соглашение, желает установить с ней тесные дружественные отношения. Положение же самой России было освещено идеализированно: частная инициатива может найти в Советской республике свое место; «мы знаем, что не можем уже сегодня осуществить идеалы социального равенства и справедливости». Впрочем, Раковский тут явно выражал свои взгляды, в которые постоянно вторгалась реальная советская действительность, корректируя их в сторону политического и социального экстремизма.

Живая зарисовка Раковского на переговорах в первой половине июня была сделана корреспондентом «Франкфуртер цайтунг» Ф. Вертхаймером: «Раковский – человек среднего роста, типичная фигура хорошего адвоката. Вначале он сидит возле своего столика совершенно спокойно. Только рука нервно подергивает конец бороды. Вдруг через его тело проходит как бы электрическая струя, он захватывает карандаш, бросает на бумагу какую-то заметку и вновь задумчиво опирается на руку». Раковский говорил по-русски, Шелухин – по-украински с переводом, причем сам Шелухин помогал переводчику. Раковский вел себя импульсивно, Шелухин –

²¹⁵ Berliner Tageblatt. 1918. 7 Juni.

хладнокровно. Фамилию Мануильского германский журналист упомянул лишь один раз для того, чтобы отметить, что тот выглядел утомленным: так, по-видимому, воспринималась его пассивность на переговорах.²¹⁶

Журналисты не случайно выделяли Раковского. Его западная ментальность включала понимание роли прессы в политической жизни, в качестве барометра общественного мнения, выразителя интересов различных политических кругов, оказывающего подчас мощное воздействие на конкретные шаги государственных органов. Когда редакция газеты «Киевская мысль» обратилась к нему с просьбой помочь решить вопрос о вывозе заказанной в России бумаги, Раковский в записке Чичерину по прямому проводу высказал убежденность в целесообразности удовлетворить эту просьбу.²¹⁷

В три часа дня 6 июня взрыв оглушительной силы потряс центральную часть Киева. Взорвались пороховые погреба в Печерском районе. В гостинице «Марсель» вылетели стекла и даже двери. За первым взрывом последовали другие, продолжавшиеся около 20 минут.²¹⁸ Причины взрывов остались неизвестными, но, естественно, предполагалась диверсия. Это предположение, казалось, укрепляло позицию Раковского на переговорах.

²¹⁶ Frankfurter Zeitung. 1918. 12 Juni.

²¹⁷ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Ед. хр. 506. Л. 47.

²¹⁸ Там же. Ед. хр. 510. Л. 125; Известия. 1918. 7 июня.

12 июня между Украиной и РСФСР было подписано соглашение о предварительных условиях переговоров, являющееся фактически соглашением о перемирии. В соответствии с ним на все время переговоров на всех фронтах прекращались военные действия, устанавливались правила эвакуации граждан обеих стран и их право переехать в свое отечество вместе с имуществом, восстанавливались железнодорожное сообщение, телеграфная и телефонная связь, торговые отношения, для чего в недельный срок предполагалось создать паритетную комиссию. Стороны обменивались консулами. Общества Красного Креста обеих стран должны были принять меры для облегчения проезда военнопленных и других граждан обоих государств и оказания им помощи в пути. Предполагалось немедленно приступить к переговорам о заключении мирного договора.²¹⁹

²¹⁹ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Ед. хр. 510. Л. 33–35; *Мирт* переговори між Українською Державою та РСФСР. С. 299–301.

4. Продолжение дуэли: переговоры о мире и их срыв

После подписания соглашения советская сторона существенно расширила контакты с различными кругами украинской общественности, о чем Раковский регулярно информировал правительство Ленина. Особенно активная связь поддерживалась с группой интеллигентов, разделявших социалистические взгляды, лидером которой был известный писатель Владимир Кириллович Винниченко, незадолго перед этим один из руководителей Центральной рады. Сближало то, что Винниченко провозглашал себя сторонником советской власти в Украине, отстаивая, однако, ее равноправный в отношении РСФСР статус.²²⁰

С середины мая прошло несколько нелегальных съездов оппозиционных партий. Возник координационный центр оппозиции – Украинский народный государственный союз во главе с Винниченко, который считал, что гетманщина – это контрреволюционная государственность, созданная при помощи германского империализма. Антигерманского курса придерживался и Всеукраинский земский союз, который возглавлял Симон Васильевич Петлюра. Оппозиция резко критиковала политику Скоропадского, преобладание в со-

²²⁰ Дорошенко Д. Історія України. 1917–1923 рр. Ужгород, 1930. Т. 2. С. 183.

ставе его правительства русифицированных элементов, его связь с имущими классами, антикрестьянскую политику.²²¹

Раковский встречался с представителями оппозиции, стремясь внушить им коммунистическую доктрину. К сожалению, достоверных и конкретных данных по этому поводу нам обнаружить не удалось. Почти единственный источник – воспоминания Винниченко, которому мы и предоставим слово, оговорившись, впрочем, что мемуары, не подтвержденные документами, – очень ненадежный информатор: «Во время подготовки выступления, в поисках обеспечения успеха своего дела, инициаторы движения вступили в переговоры с представителями российской советской мирной делегации Х. Раковским и Д. Мануильским для координации наших выступлений во время восстания. Они соглашались поддержать, но не активно, а усилением своей разведывательной деятельности на фронтах, чтобы этим привлечь внимание германо-гетманских войск. Они обязывались признать тот строй, который будет установлен новой украинской властью, и абсолютно не вмешиваться во внутренние дела Украинской Самостоятельной Народной Республики. Со своей стороны мы обещали легализацию коммунистической партии на Украине. Д. Мануильский, с которым я преимущественно вел эти переговоры, предлагал мне деньги на поддержку дела, а также поехать за границу для подписания этого договора. Не придавая значения никаким подписям,

²²¹ *Субтельний О.* Указ. твір. С. 312–313.

считая, что и без этого можно придерживаться договора, если есть искренность и стремление соблюдать его, и взломать с подписью, если такого стремления нет, – я ехать куда-либо подписывать отказался, так же как и от предложенных денег. Но договор оставался договором».²²²

Переговоры велись в служебном помещении заместителя министра финансов В. П. Мазуренко, украинского социал-демократа, в его присутствии и с его участием.²²³ Сам Раковский также признавал, что вел переговоры с Винниченко, который согласился ввести советскую власть в Украине при условии полной свободы украинизации. В ответ на информацию Раковского Ленин заявил скептически и в то же время цинично: «Конечно, дело не в языке; мы согласны признать не один, а даже два украинских языка, но что касается их украинской платформы, то они нас обдурят».²²⁴

С середины июня переговоры вступили в новый, еще более сложный этап. Ситуация нагнеталась разворачиванием гражданской войны, неопределенностью статуса соседних с Украиной территорий. Бурные прения происходили в отношении будущей российско-украинской границы. Раковский сообщал Ленину, Троцкому, Чичерину, что заключение соглашения стопорится «из-за невероятной жадности и упрям-

²²² *Винниченко В.* Відродження нації. Київ: Відень, 1920. Частина III. С. 158–159.

²²³ *Дорошенко Д.* Указ. твір. С. 183.

²²⁴ *Раковский Х.* Ильич и Украина // Коммунист. 1925. 21 января.

ства украинской делегации». Но это, разумеется, было одностороннее суждение, ибо совершенно аналогичную претензию украинцы могли предъявить ему самому.

Раковский выражал недовольство, что украинская делегация не идет навстречу его требованиям об уступке РСФСР южной части Воронежской губернии и части территории в Донском бассейне, находившейся под властью гетмана, объясняя неуступчивость военной поддержкой со стороны Германии, полагая, что Украина стремится к установлению не этнографической, а геополитической границы. В последнем он не был далек от истины, но ведь к такому же решению, только в пользу России, стремился он сам!

В данном случае, как и почти во всех других, сходных с ним, этническую границу провести было невозможно, население пограничных районов носило смешанный характер, и решить вопрос о границе можно было путем давления или прямого насилия либо путем взаимных уступок, на которые ни одна, ни другая сторона не желали идти. Проблема «национального самоопределения» отходила на второй план, а тем более начинали забываться разглагольствования о «мировой революции». На передовые позиции выдвигались «государственные интересы», как их понимали силы, стоявшие у власти.

Так интернационалист Раковский, став советским дипломатом, фактически превратился в проводника имперских амбиций тоталитарного государства, находившегося в про-

цессе становления, но уже считавшего себя наследником Российской империи, хотя сам он сохранял внутреннюю осторожность в отношении таковой позиции, которая пока не выходила наружу.

По вопросу о границах стороны не пришли к согласию. Формулы определения границы на первый взгляд сблизились, но по существу принципиально расходились. После заседания 15 июня этот вопрос был передан на рассмотрение политической комиссии, причем российская делегация придерживалась формулы «организованного и свободного опроса населения при соблюдении этнографического принципа как презумпции при взаимном каждый раз соглашении обеих держав».²²⁵ Иначе говоря, принцип референдума на спорных территориях, согласно установке Шелухина, мог быть введен в действие лишь при двух условиях: когда он не нарушал целостности государства и когда на его проведение имелось согласие обоих правительств. Практически это делало возможность референдума малореальной.

Все же на заседании 22 июня была утверждена компромиссная формула определения границы – путем проведения в спорных случаях опроса населения под контролем специальных смешанных комиссий при условии вывода из спорных районов войск обеих стран.²²⁶

²²⁵ Известия. 1918. 16, 18 июня.

²²⁶ Известия. 1918. 23 июня; *Мирт* переговори між Українською Державою та РСФСР 1918 р. С. 304–305.

Наряду с политической после заключения перемирия стали работать финансово-расчетная, юридическо-редакционная комиссии, комиссия по товарообмену.²²⁷

В конце июня переговоры на уровне глав делегаций были прерваны. 26 июня Раковский приехал на консультации в Москву. С кем и как он консультировался, источники, к сожалению, сведений не дают. 26 июня в «Известиях» и «Правде» появились информации о его беседах с сотрудниками редакций. Беседы, видимо, отражали официальную советскую позицию. На следующий день «Известия» опубликовали более подробную запись. О ходе переговоров дипломат информировал сравнительно детально, более или менее объективно. Основное внимание он уделит территориальной проблеме. Он обратил внимание, что «одновременно с нами» Украина ведет переговоры с Войском Донским и выражает симпатии генералу Краснову, что предложенный Украиной проект границ включает в ее состав уезды Минской и Орловской губерний, три четверти Курской, почти половину Воронежской, часть Ростовского округа, часть Кубанской области, всю Черниговщину. Из контекста можно понять, что все эти территории априори считались составными частями России.

Более того, Раковский сообщил, что советская делегация претендует на уезды Волынской, Киевской, Харьковской, Екатеринославской губерний. О национальном самоопреде-

²²⁷ Известия. 1918. 15, 21 июня.

лении и референдумах не упоминалось вообще. Любопытно, что в интервью каждой газете оказывались подчеркнутыми различные нюансы. В «Известиях» Раковский акцентировал внимание на неустойчивости правительства Скоропадского, называл украинцев «самостийными империалистами», так как они поддерживают, мол, отделение от России Белоруссии, Дона, Кубани и т. д.

Текст в «Правде» был конструктивнее и оптимистичнее. Переговоры идут быстрым темпом, сказал Раковский ее сотруднику, и он надеется, что через месяц будет заключен мирный договор. Мир необходим обеим странам, и нет сомнения, что украинская делегация пойдет навстречу. Можно полагать, что публикация в «Правде» лучше отражала настрой и замыслы Раковского.

Возвратился Раковский в Киев в начале июля, и 4 июля возобновились встречи глав делегаций.

В политической комиссии вновь стал обсуждаться вопрос о границах. Бесспорно, на основании московских директив Раковский внес нюанс – предложил проект этнической границы, проведенной по результатам переписи населения 1897 г., и представил карту с обозначенными на ней границами. Судя по всему, претензии Раковского теперь стали менее значительными. Правда, по поводу карты разгорелся острый спор, даже с угрозами прервать переговоры, но связан он был поначалу лишь с принадлежностью четырех северных уездов Черниговской губернии.

Украинская делегация в свою очередь предъявила карту диалектов, составленную академиком Д. Н. Ушаковым с сотрудниками,²²⁸ данные которой призваны были обосновать ее территориальные требования. Раковский телеграфировал заместителю наркома просвещения историку М. Н. Покровскому: «Мне необходимо знать, с какого года началось собирание материалов для диалектологической карты академика Ушакова и других и является ли она результатом исследования говоров по всем селениям или только в отдельных местностях. Украинцы очень много ссылаются на эту карту, так как она проводит линию малорусского языка гораздо севернее, чем это вытекает из статистики 1897 г., и это одинаково как в Белоруссии, так и в Воронежской губернии и в Донской области. У нас же имеются мотивы думать, что и в статистике 1897 г. они показаны больше, чем действительно, так как к ним относят всех, не говорящих на настоящем русском наречии».²²⁹

Возникли, однако, новые осложнения, связанные с поступившими известиями об убийстве в Москве левыми эсера-

²²⁸ Речь идет о труде видного лингвиста Д. Н. Ушакова «Очерк русской диалектологии с приложением первой карты русских диалектов в Европе», подготовленном совместно с Н. Н. Дурново и Н. Н. Соколовым (1915). С 1915 г. Ушаков был председателем Московской диалектологической комиссии. Ушаков Дмитрий Николаевич (1873–1942) был известен своими работами по языкознанию, диалектологии, орфографии, истории русского языка и др. В 20-х годах под его руководством была начата работа по созданию 4-томного «Толкового словаря русского языка», изданного в 1934–1940 гг.

²²⁹ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Ед. хр. 510. Л. 293.

ми Я. Г. Блюмкиным и Н. А. Андреевым германского посла Вильгельма Мирбаха и о конфликте между большевиками и левыми эсерами по этому поводу и в более широком плане по поводу Брестского мирного договора.

Правда, Раковскому удалось избежать разрыва переговоров. Получив депешу об убийстве Мирбаха во время заседания политической комиссии 8 июля, Раковский тут же передал председательство Мануильскому и отправился к германскому послу Мумму. Встретившись с послом, который именно от Раковского и узнал о происшедшем в Москве, он выразил ему соболезнования советской делегации, заверив, что преступная акция была организована не столько против Германии, сколько против власти большевиков. Мумм ограничился кратким заявлением: он верит, что убийство было организовано не из большевистских кругов, но заметил, что советская делегация предъявляет к украинцам чрезмерные требования.²³⁰

Дальнейшего прогресса на переговорах не было в течение всего июля. В записке, посвященной их ходу, Шелухин в конце месяца был вынужден констатировать: «Уже в начале мирных переговоров с российской делегацией возникли сомнения, в самом ли деле большевикам при их целях и способах ведения войны и вообще при партийных задачах нужен мир с Украиной... Анализ фактов дает отрицательный ответ, а то, что российская делегация упорно избегает уста-

²³⁰ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Ед. хр. 510. Л. 129; Известия. 1918. 9 июля.

новления между Россией и Украиной политических контактов, еще более подтверждает это».²³¹ Несколько позже, 2 сентября, Шелухин в докладной записке гетману и Совету министров вновь подчеркивал факт затягивания переговоров российской делегацией, в частности Раковским.²³²

Постоянно возникали все новые проблемы. В середине августа Раковский обратился с письмом к германскому послу Мумму по поводу формирования на территории Украины некоей «астраханской казачьей армии». «Организация вооруженных сил, направленных против страны, с которой поддерживаются мирные отношения, является правонарушением с точки зрения всех цивилизованных государств», – говорилось в письме.²³³

Не продвигалось вперед и решение пограничных вопросов. Тщательно изучив представленную российской делегацией соответствующую карту, украинские представители сочли ее неудовлетворительной. По заявлению Шелухина, к «русскому населению» на ней были причислены представители многих нерусских народов: греки, армяне, евреи и т. д. Сам Раковский вынужден был признать в политической комиссии 7 июля, что к России на ней отнесены области с по-

²³¹ ЦДАВОВУУ. Ф. 2607. Оп. 1. Од. зб. 14. Арк. 6. Полный текст докладной записки см.: *Мирт* переговори між Українською Державою та РСФСР 1918 р. С. 305–311.

²³² *Мирт* переговори між Українською Державою та РСФСР 1918 р. С. 319–323.

²³³ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Ед. хр. 510. Л. 369; Киевская мысль. 1918. 22 августа.

что равным населением русских и украинцев.²³⁴

Особо остро дебатировался в это время вопрос о Донбассе. Почти весь бассейн украинская делегация включила в состав своей страны. Признавая, что украинское население здесь превышает великорусское, Раковский пошел по пути нарушения самим им же предложенного этнографического принципа как единственного критерия отнесения той или иной территории к государству. Он стал на геополитическую точку зрения, поставив вопросы: имеет ли Россия права на донецкие богатства? полезны ли они ей? необходимы ли? Это – общероссийское богатство, сделал он вывод.²³⁵

Вместе с тем обострение внутреннего положения в Украине постепенно делало главу советской делегации все менее уступчивым. Летом произошла крупная забастовка железнодорожников, в отдельных местах появлялись вооруженные отряды разной политической ориентации, да и попросту бандитские. Только западнее Киева возникло около двух десятков партизанских отрядов, в других местах орудовали группировки атаманов Махно, Зеленого и др. Их самочинные действия усиливали волнение населения, которое подогревалось сообщениями, что именно немецкое командование восстанавливало в Украине частную собственность на землю, ввело военно-полевые суды, порку крестьян шомполами.

Все эти враждебные по отношению к гетманскому прави-

²³⁴ Известия. 1918. 9 июля.

²³⁵ Известия. 1918. 13, 16 июля.

тельству и к оккупантам действия накладывались на традиционное враждебное недоверие и российских, и украинских низов к немцам, в которых видели воплощение чуждого, заграничного, от кого надо как можно скорее избавиться.

В конце лета власти распустили органы местного самоуправления, в которых большинство принадлежало социал-демократам и эсерам и которые выступали против антидемократических действий оккупационных властей и правительственных чиновников. Начались аресты сотрудников местных городских управ. В числе арестованных был зять В. Г. Короленко, член Полтавской городской управы К. И. Ляхович.²³⁶ Х. Г. Раковский пытался заступиться за Ляховича, отправленного в германский концентрационный лагерь, но Короленко, с которым Раковский поддерживал контакт, запретил это ему делать, не желая получать прямую помощь от большевистского представителя.²³⁷

Днем 30 июля на одной из киевских улиц возле штаба оккупантов были тяжело ранены командующий германскими войсками в Украине фельдмаршал Г. Эйхгорн и его адъютант фон Дреслер, которые почти тотчас скончались.²³⁸ Убийцы – бывший матрос, член левоэсеровской боевой группы Борис Донской и его помощница Ирина Ка-

²³⁶ *Меньшевики* после Октябрьской революции: Сборник статей и воспоминаний / Ред. – сост. Ю. Г. Фельштинский. Benson, Vermont, 1990. С. 16–17.

²³⁷ СОР РГБ. Ф. 135. Р. II. К. 32. Ед. хр. 43. Л. 4–5, 6–8.

²³⁸ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Ед. хр. 510. Л. 259.

ховская – не пытались бежать, стремились вложить в свою акцию наибольшее агитационное содержание, добиваясь открытого судебного процесса. Как это открыто было оповещено, Эйхгорн был убит по постановлению ЦК левых эсеров. Центральная российская печать эйфористически предвещала скорое восстановление советской власти в Украине.²³⁹

Донского и Каховскую осудил закрытый военный суд. 10 августа Донской был повешен. Это был своего рода акт отчаяния, ибо положение гетманской власти в Украине становилось все более неустойчивым в результате ухудшения положения Германии в войне; внутренние ресурсы ее все более иссякали.

О настроениях Раковского в это время, его стремлении к определенной сдержанности и уравновешенности, разумеется в пределах ленинской парадигмы «мировой революции», свидетельствует его телефонное интервью, данное в первых числах августа корреспонденту «Курских известий». «Наша задача – продержаться до мировой революции, – заявил дипломат, – и те, кто с преступным легкомыслием стремятся вовлечь нас в войну и этим подвергают Советскую республику новым ударам, не способствуют международной революции, а скорее препятствуют нарастанию революционного движения в рабочих массах Европы... Каждый лишний месяц существования Советской республики способствует

²³⁹ См, например, передовые статьи: *Украина и Советская власть* // Известия. 1918. 18 августа; *Борьба на Украине* // Известия. 1918. 1 сентября.

приближению мировой революции». С Россией будут считаться до тех пор, пока она представляет собой реальную силу, добавил он.²⁴⁰

14 августа Х. Г. Раковский провел в Киеве пресс-конференцию, на которой попытался подвести итоги переговоров. Он отметил их положительные результаты: частичное перемирие, восстановление железнодорожного, почтового и телеграфного сообщения, заключение сделки о товарообороте на 16–17 млн рублей, обмен консулами. Переговоры застряли, констатировал Раковский, на вопросах о границах, разделе имущества и обязательств, торговом договоре.

Разумеется, самым острым продолжал оставаться вопрос о границах. Украинские деятели исходили из того, что Россия распалась, на ее месте возник ряд равноправных наследников. Советская делегация настаивала на том, что ее республика – законная преемница Российского государства. Иначе говоря, Раковский, следуя императивным указаниям своего начальства, игнорировал право народов на реальное самоопределение, проповедовал имперский стиль мышления и действий. Отсюда вытекали разногласия по поводу взаимоотношений Украины с правительствами некоторых соседних территорий (в частности, Дона). Аргументация советской позиции по вопросу о границах теперь у Раковского опиралась на необходимость полного учета городского населения территории близ границы, а украинцы, мол, опре-

²⁴⁰ Известия. 1918. 4 августа.

деляют этнический состав населения только на базе учета жителей села, игнорируют диалектологические карты и то, что «нельзя получить на основе этнографии, желают получить на основе диалектологии». Как видим, доводы обеих сторон страдали серьезнейшими пороками, будучи основанными прежде всего на геополитическом подходе.

Что же касается разделения обязательств и имущества, то на начало августа споры по нему сводились в основном к следующему. Проблемы обязательств натыкались на дату, с которой Украина переставала быть ответственной за российские обязательства. Таковой советская делегация считала 12 марта 1918 г. – день ратификации Брестского мирного договора, а Украина – 7 ноября 1917 г. – дату Третьего Универсала Центральной рады, провозглашавшего независимость Украины.

Представляется, что, несмотря на готовность Украины, выраженную в этом Универсале, установить федеративные связи с Россией, позиция гетманского правительства по этому вопросу была более обоснованной. Что же касается раздела имущества, то претензия Украины на имущество всей территории бывшей Российской империи (соответственно доле населения) являлась изначально наивной, утопической и не обоснованной правовыми нормами. Раковский имел основание заявить журналистам, что, например, сибирские нефтяные богатства или бакинская нефть не могут быть предметами обсуждения, так как природные богатства – это

неотъемлемая часть территории и должны принадлежать тому государству, которое является сувереном этой территории. В истории нет примеров решения подобных вопросов, утверждал Раковский, нимало не задумываясь, что и такого рода казусов никогда не было. Российская делегация, говорил советский представитель журналистам, настаивала на передаче вопроса об обязательствах на рассмотрение Гаагского международного трибунала, но украинцы парировали это утверждение тем, что государства, участвовавшего в этом трибунале, уже нет: ни Украина, ни Россия не являются членами международной семьи, подписавшей Гаагскую конвенцию.

Заключительная часть беседы Раковского звучала ультимативно: он выразил надежду на благоразумие и умеренность правительства Украины, имея в виду усложнявшееся с каждым днем ее международное положение. Правда, последние слова были вновь миролюбивыми: выражалась надежда на то, что «мы дойдем до заключения мира, которого одинаково жаждут и украинский, и русский народы».²⁴¹

24 августа состоялось пленарное заседание мирной конференции (предыдущее было более чем за два месяца до этого, 22 июня). Началось оно недружественной репликой председательствовавшего Раковского: «Внутреннего положения я не касаюсь. Когда-то была Украинская народная республика, теперь установилась гетманщина». Шелухин его тотчас

²⁴¹ Известия. 1918. 18 августа; Киевская мысль. 1918. 15 августа.

прервал, заявив: «Я протестую, потому что и с установлением гетманщины на Украине остается республика» (удивительно, что представитель Украины не только не оспорил, но даже повторил пренебрежительный термин «гетманщина»).

И без того напряженную атмосферу заседания еще более отяготила реплика обычно сонного Мануильского, который вдруг, видимо не очень хорошо поняв, о чем идет речь, заявил, что на Украине «совершается предательство». Шелухин потребовал, чтобы Мануильский взял свои слова назад. Раковскому потребовалось сглаживать возникший инцидент. «Эти слова относятся к тем организациям, которые здесь открыто формируют армии против советских республик». Шелухин переспросил: «Значит, это относится не к Украине?» Удовлетворенный возможностью быстрого преодоления словесной перепалки, Раковский воскликнул: «Как вы могли это принять на счет Украины?»²⁴²

Более или менее независимое поведение Раковского в Киеве явно раздражало московских иерархов. Возникали даже планы его перевода подальше, например в Стамбул. В середине августа Чичерин запросил на этот счет мнение нашего героя. В соответствии с партийной дисциплиной он не отказывался, но воспринимал такое назначение лишь как «политическую разведку на Юго-Востоке», которая должна была продолжаться не более шести недель.²⁴³ Дальнейшего разви-

²⁴² Киевская мысль. 1918. 25 августа.

²⁴³ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Ед. хр. 510. Л. 372.

тия этот план не получил.

Через месяц после возобновления переговоров стало известно о покушении на В. И. Ленина. Раковский и Мануильский направили в Москву телеграмму крайне патетического содержания с восхвалением «любимого вождя мирового пролетариата городов и деревень». ²⁴⁴ Вместе с другими документами эта телеграмма свидетельствует, каких огромных размеров достиг культ Ленина менее чем за год существования советской власти. Вслед за этим Раковский вновь выехал в Москву. Он встретился в Горках с Лениным, доложил о ходе переговоров с Украиной. Собеседники пришли к выводу, что, несмотря на трудности, советская делегация сделала немало для развертывания товарооборота между Украиной и Россией, для облегчения положения русских военнопленных, для того чтобы избежать военного конфликта во время перемирия, и т. д. ²⁴⁵

По всей видимости, уже в Горках был сделан вывод о нецелесообразности дальнейшего серьезного продолжения переговоров с правительством гетмана Скоропадского, была сделана ставка на его свержение, опираясь на стимулирование крестьянских и рабочих выступлений. Возобладала точка зрения Ленина, которую тот проводил и ранее, – о том, что в Украине существует оккупационный режим. Ссылались при этом даже на тот факт, что министр внутренних

²⁴⁴ Известия. 1918. 25 сентября.

²⁴⁵ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Ед. хр. 510. Л. 36, 46, 47; Ед. хр. 507. Л. 131–134.

дел Украины Д. И. Дорошенко выезжал для консультаций в Берлин.²⁴⁶ Было решено спустить переговоры в Киеве на тор- мозах и перенести их в Берлин.

В основном это было связано с убеждением, что Скоро- падский не располагает реальной властью в Украине, явля- ется германской марионеткой.

В то же время советские эксперты явно переоценивали германские потенции в мировой войне, оказались не в состо- янии установить, что совокупная мощь Великобритании и Франции, к которой прибавилось и могущество США, неиз- бежно сокрушит Германию в близком будущем. Несмотря на такую ориентацию правительства Ленина, Раковский, разу- меется, с согласия и по поручению «вождя» возвратился в Киев.

К концу августа – началу сентября положение советского представительства в столице Украины несколько стабилизи- ровалось. Уже в предыдущие месяцы Раковский организо- вал более или менее систематическое информирование сво- его правительства по тем вопросам, по которым в его распо- ряжении оказывались данные, в основном о положении на фронтах, как его освещали антисоветские и нейтральные исто- чники.²⁴⁷ Бюро печати, зародившееся при делегации, бы- ло теперь передано советскому генконсульству. Консульство

²⁴⁶ Там же. Ед. хр. 609. Л. 504–505.

²⁴⁷ Там же. Ед. хр. 520. Л. 47, 93, 138, 196, 263, 283; Ед. хр. 530 (вся единица хранения объемом 132 листа).

начало готовить информационные бюллетени, которые телеграфом передавались в Москву. Важнейшие сообщения визирует Раковский. В бюллетенях содержалась более или менее объективная информация о положении в Украине, впрочем, акцент делался на неблагоприятных для правительства Скоропадского данных.²⁴⁸ О текущих политических событиях правительство информировал и сам Раковский.²⁴⁹

Телеграфная связь была ненадежной из-за неаккуратной работы советских трансляционных станций. В течение всех переговоров Раковский нервничал из-за коммуникационных трудностей. Еще 24 мая он телеграфировал Сталину о перебоях: «Предлагаю написать курским военным властям... для устройства наблюдения за проводом по нейтральной зоне».²⁵⁰ 30 мая он телеграфировал Чичерину и Карахану, что «в Воронежском и Курском телеграфе сидят люди, которые относятся с большой небрежностью к своим обязанностям».²⁵¹ 5 сентября глава делегации писал в Наркомат почты и телеграфа: «Настоятельно прошу распорядиться об исправной работе воронежской трансляции. Приходится терять Москву целыми часами из-за непонимания дела и неопытности некоторых из товарищей, следящих за транс-

²⁴⁸ Там же. Ед. хр. 509. Л. 2–6, 24, 26–32, 52–57, 68–72, 100–104, 108–110, 143–147, 165–166; Ед. хр. 529 (вся единица хранения объемом 252 листа) и др.

²⁴⁹ Там же. Ед. хр. 509. Л. 33, 35, 39, 44 и др.

²⁵⁰ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Ед. хр. 510. Л. 3.

²⁵¹ Там же. Л. 9.

ляцией». ²⁵² Еще до этого, 18 августа, Раковский буквально издевательски запрашивал управделами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевича, «упразднено ли ночное дежурство в телефонной Кремля, ибо после часу или двух ночи Кремль не отвечает». ²⁵³

Восстановлением железнодорожной связи с Украиной большевистские власти воспользовались для того, чтобы в поездах, в которых ехали российские представители в Киев и другие города Украинской Державы, доставлялись деньги для подрывных организаций. В Украину направлялись будущие руководители подпольных ячеек, агитационная литература. В августе 1918 г. Шелухин сделал заявление, что в поезде, прибывшем из Москвы в середине прошлого месяца, находились «три вагона большевиков», не являвшихся членами делегации, поскольку «такого количества людей не было во всей делегации, даже с теми, которые прибыли ранее». ²⁵⁴ Можно полагать, что здесь было преувеличение, которое, однако, не меняет существа самого факта.

6 сентября пленарные заседания на переговорах были возобновлены (в промежутке заседали комиссии). Первое после долгого перерыва пленарное заседание началось с изъявления готовности к благоприятному развитию взаимоотношений с обеих сторон. Украинская делегация выразила возму-

²⁵² Там же. Ед. хр. 509. Л. 12.

²⁵³ Там же. Ед. хр. 510. Л. 406.

²⁵⁴ ЦДАВОВУУ. Ф. 1216. Оп. 1. Од. зб. 93. Арк. 18.

щение покушением на жизнь В. И. Ленина. Раковский поблагодарил, заявив, что оно будет передано правительству. Мы видим в нем, продолжал он, «доказательство того, что украинский народ желает жить в мире и дружбе с русским народом».²⁵⁵ Тем не менее сразу возникла острая дискуссия в связи с взаимоотношениями Украины с Всевеликим Войском Донским, или с Донской республикой, как его еще стали называть, официальным признанием Украиной этого государства. 10 сентября Раковский огласил текст заявления российской делегации, красной нитью которого были неоднократно повторявшиеся ссылки на Брестский мирный договор, который не предусматривал отделения соответствующих территорий от России. «Признанием Украиной так называемой донской республики (обратим внимание, что названа она была с маленькой буквы. – *Авт.*) и ее отказ установить в согласии с российской мирной делегацией свою юго-восточную границу после того, как в продолжение двух месяцев украинская делегация вела переговоры по этому вопросу с российской делегацией, является стремлением пересмотра Брестского договора».²⁵⁶

Ужесточению позиций советской стороны способствовало и дальнейшее ухудшение военного положения центральных держав, вызывавшее их мирные маневры, например ноту правительства Австро-Венгрии в середине сентября стра-

²⁵⁵ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Ед. хр. 509. Л. 117.

²⁵⁶ Нова рада. 1918. 4 жовтня.

нам Антанты с выражением надежды на заключение скорейшего мира. По поводу этой ноты Раковский беседовал с корреспондентом газеты «Киевская мысль». Высказав надежду, что мирная инициатива Австро-Венгрии ускорит российско-украинские переговоры, он поделился общим скептическим прогнозом о возможности заключения подлинного мира между существующими режимами.²⁵⁷

Отчетливо видно, и, скорее всего, заявление Раковского было рассчитано именно на это, в каком противоречии находились оптимистические слова о возможном прогрессе в переговорах с нигилистической оценкой самих перспектив «капиталистического мира». Они звучали почти прямой угрозой правительству Украины. В другом заявлении представителям печати Раковский столь же скептически оценил новые мирные предложения центральных держав.²⁵⁸

Со стороны советской делегации заявления на переговорах становились все более неконструктивными, пропагандистскими, каковыми они, собственно говоря, были и ранее, но в несколько более прикрытой форме. Задним числом Раковский признавал в своей автобиографии: «Задача мирной делегации заключалась в том, чтобы перед рабоче-крестьянскими массами Украины выяснить истинную политику советской власти, противопоставляя ее политике генерала Скоропадского и других агентов германского империализма

²⁵⁷ Киевская мысль. 1918. 5 сентября.

²⁵⁸ Бюллетень «Киевской мысли». 1918. 2, 25 сентября.

и русских помещиков». ²⁵⁹

В то же время Х. Г. Раковский и для облегчения переговоров, и в силу своих взглядов и привычек пытался содействовать уменьшению масштабов «красного террора» в России, прежде всего в отношении украинских граждан. По поводу их арестов он посылал телеграммы в Москву. ²⁶⁰ Еще 20 июня он телеграфировал в НКВД Радеку: «Мою просьбу об оказании содействия следует понимать в законных границах и при предположении, что лица, о которых меня просит товарищ председателя украинской делегации от имени правительства, являются украинцами. В то же самое время ввиду исключительных условий переговоров советую идти навстречу просьбам украинского курьера. Также прошу разрешить выезд из Москвы профессора анатомии Киевского университета Старкова, его жены и сына, о разрешении и облегчении проезда которых меня просит украинское министерство иностранных дел. Не забывайте, что этими прецедентами можем при случае воспользоваться и мы». ²⁶¹ В связи с демаршами украинской стороны в связи с посещениями в местах заключения в России граждан Украины Раковский через полтора месяца писал в Москву: «Нужно быть очень либеральными в допущении посещения при соблюде-

²⁵⁹ Раковский Х. Г. Автобиография // Раковский Х. Г. Борьба за молодежь. С. 17.

²⁶⁰ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Ед. хр. 510. Л. 254, 290.

²⁶¹ Там же. Л. 55.

нии контроля лиц заключенных, которых посетит украинский консул. В этом случае не имеет значения, подлинные они украинцы или нет, ибо взаимность обязывает их сделать то же самое». ²⁶² Раковский фактически протестовал перед советскими властями и по поводу арестов лиц, к Украине отношения не имевших.

В Киеве его застали письма от В. Г. Короленко, тексты которых, к сожалению, не сохранились и о содержании которых можно судить на основании ответов Раковского (двух писем и одной телеграммы), ²⁶³ а также корреспонденция из Москвы по поводу этих писем.

Короленко добивался освобождения известного леволиберального историка Сергея Петровича Мельгунова, арестованного советскими властями, и других преследуемых лиц, выступал против заложничества и иных проявлений «красного террора». Раковский оправдывал «красный террор», но проявлял готовность содействовать его смягчению, освобождению явно невиновных людей. «Относительно Мельгунова, – писал он Короленко, – я обратился в Петроград к Зиновьеву; он сообщил, что Мельгунов арестован в Москве, куда я отправил третьего дня телеграмму и надеюсь завтра получить ответ». ²⁶⁴

²⁶² Там же. Л. 300.

²⁶³ ОРФ РГБ. Ф. 135. Раздел II. Картон 32. Ед. хр. 43. Л. 4–8; *Чернявский Г. И.* Письма В. Г. Короленко Х. Г. Раковскому // Вопросы истории. 1990. № 10. С. 4–5.

²⁶⁴ *Чернявський Г. Й.* Листування В. Г. Короленка з Х. Г. Раковським та О. Г.

Раковский не обманывал: в архиве сохранилась его телеграмма от 2 октября заместителю председателя ВЧК Я. Х. Петерсу, который был известен как один из самых кровавых палачей периода непосредственно после большевистского переворота. «До Короленко дошло, – говорилось в документе, – что Мельгунов арестован, между прочим, за личные столкновения, которые будто бы имел с Бонч-Бруевичем, что бросает в глазах общественности совершенно особое освещение на этот арест. Сообщаю вам об этом, не допуская, конечно, что аресту Мельгунова причиной являются какие бы то ни было личные расчеты. Имея в виду, однако, что Короленко – один из редких писателей, который нашел мужество поднять голос против травли большевиков в июльские дни, и что он один на всей Украине после ее занятия немцами и гайдамаками протестовал с негодованием в печати против пыток, которым [подвергались]²⁶⁵ наши товарищи, заключенные в Виленской гимназии (это название гимназии в Полтаве. – *Авт.*), считаю необходимым дать ему исчерпывающие объяснения по поводу ареста Мельгунова и что мы не прибегаем ни к каким жестокостям и бесполезным арестам, и прошу сообщить мне срочно, имеются ли виды на освобождение Мельгунова».²⁶⁶ 5 октября телеграммой в Москву Раковский настаивал на ответе по поводу судьбы

Раковською // Березіль. 1991. № 1. С. 148.

²⁶⁵ Одно слово в тексте пропущено. Восстановлено по смыслу.

²⁶⁶ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Ед. хр. 509. Л. 253.

Мельгунова.²⁶⁷ Одновременно он телеграфировал Короленко: «Прошу верить, что с моей стороны все будет сделано для облегчения его участи».

Более того, находясь в Москве, Раковский посетил Мельгунова в застенке ВЧК.²⁶⁸ В результате всех этих демаршей видный русский историк был освобожден.

Сохранилась любопытная телеграмма Радека Мануильскому и Раковскому, в скупых официальных строках которой явно звучит недовольство «либерализмом» сотоварища по партии: «В комиссариат иностранных дел обратился дипломатический курьер украинского правительства со списком лиц, о выезде которых в Киев хлопочет украинское правительство. На списке заметка Раковского, что он просит оказать содействие. Спрашиваю, означало ли это, что Раковский обязался требовать от нас выпуска этих лиц без проверки их происхождения из украинских губерний. Мы до этого времени не давали разрешения. Отступлю от принятых решений только в случае, если Раковский определенно обязался. Прошу немедленного ответа».²⁶⁹

26 сентября, 3 и 7 октября состоялись новые пленарные заседания делегаций, участвовавших в переговорах. Проходили они в крайне сложной обстановке. Обе стороны фактически отказались от взаимных уступок, которые были сдела-

²⁶⁷ Там же. Л. 256.

²⁶⁸ Мельгунов С. П. Воспоминания и дневники. Париж, 1964. Вып. 2. Ч. 3. С. 50.

²⁶⁹ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Ед. хр. 515. Л. 1.

ны ранее. Шелухин выступал с острыми заявлениями о нарушениях Россией условий соглашения от 12 июня, главным образом в связи со статусом украинцев в России, выдвинул требование ввести особый режим для тех районов РСФСР, по поводу которых выдвигала претензии Украина. Был заявлен протест против антиукраинской кампании в советской прессе.

Раковский выступал с обширными речами, опровергая все обвинения. Он вынужден был лицемерить, считая безосновательным протест против «сочувственных статей» рабочему и крестьянскому движению Украины в центральных газетах РСФСР. Он заявил: «У нас арестовывают не за взгляды, а только за контрреволюционную деятельность».²⁷⁰ Эти слова были с негодованием встречены присутствовавшими журналистами. С их скамей послышались выкрики: «Ложь!», «Ложь!».²⁷¹

На заседании 7 октября Раковскому было предъявлено обвинение, что делегация проводит в Украине вербовку в Красную армию, и он по существу дела согласился с этим.²⁷² Более того, в архиве обнаружен документ – телеграмма, направленная 14 сентября Раковским С. И. Аралову, заведующему оперативным отделом Наркомвоенмора: «Не встречаются ли препятствия для временной задержки (здесь, види-

²⁷⁰ Відродження (Київ). 1918. 27 вересня.

²⁷¹ ЦДАВОВУУ. Ф. 2607. Оп. 1. Од. зб. 2. Арк. 25.

²⁷² Відродження. 1918. 8 жовтня.

мо, какая-то телеграфная путаница. — *Авт.*) по приему записывающихся у нас инструкторов и унтер-офицеров Красной армии?»²⁷³

Если раньше Раковский выражал оптимизм и даже некоторую эйфорию по поводу перспектив замирения с Украиной, то теперь он, а с его подачи и на основе его информации Ленин и другие советские руководители стали выражать все больший скептицизм. Забастовки в промышленности, крестьянские выступления в Украине, которые всячески разжигались советской агентурой при немалом участии миссии Раковского, становившаяся все более очевидной неизбежность поражения центральных держав в мировой войне и в результате этого неизбежность потери правительством гетмана могущественного покровителя вызывали предположение, что само существование гетманской державы идет к концу. Раковский информировал Москву, что украинская делегация не предпринимает ни одного шага без консультации с германским послом и военным командованием.²⁷⁴

В результате Раковский пришел к выводу, что продолжать переговоры с «марионеточным» правительством (как будто именно за последние месяцы его статус изменился от самостоятельного к марионеточному!) нецелесообразно. По согласованию с Лениным было решено перенести переговоры в Берлин. При этом, разумеется, в глубине души предпола-

²⁷³ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Ед. хр. 509. Л. 142.

²⁷⁴ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Ед. хр. 509. Л. 504–505.

галось, что в условиях, когда Германия терпит поражение, никакие переговоры не будут вестись и в германской столице, что на смену дипломатии скоро придет оружие.

На заседании 3 октября советская делегация выступила с заявлением по поводу различий в толковании Брестского мирного договора обеими сторонами. Было предложено обратиться к «контрагентам России» по Брестскому миру с просьбой о разъяснении по поводу того, обязательны ли его статьи для Украины. Иначе говоря, Раковский, предлагая теперь то, что он совсем недавно отвергал, начинал «толочь воду в ступе», понимая, что Германии и ее союзникам теперь не до разъяснений. Встреча проходила в нервной и напряженной обстановке. Следующее заседание назначено не было.²⁷⁵ Правда, 7 октября состоялось еще одно пленарное заседание, на котором были вновь в общей форме высказаны взаимные претензии.²⁷⁶ Но после него мирные переговоры были фактически прерваны. В этот же день Раковский покинул украинскую столицу.²⁷⁷

Там, правда, остался Мануильский и было объявлено лишь о «временном перерыве».²⁷⁸ Но через несколько дней в помещении миссии был произведен обыск, изъята часть архива, несколько человек (видимо, использовавших дипло-

²⁷⁵ Нова рада. 1918. 4 жовтня.

²⁷⁶ Там же. 5 жовтня.

²⁷⁷ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Ед. хр. 509. Л. 207.

²⁷⁸ Известия. 1918. 15 октября.

матическое представительство для антиправительственной агитации) были арестованы.²⁷⁹ Мануильский по этому поводу выступил с протестом. Но еще до этого российско-украинские отношения обострились до крайности в связи с попыткой задержания Х. Г. Раковского, возвращавшегося в Москву.

Трудно судить о всех перипетиях этого инцидента. Архивные документы и свидетельства другой стороны, по всей видимости, не сохранились, и мы располагаем только высказываниями самого Раковского по возвращении в Москву. Можно предполагать, что инцидент был связан с данными о «революционной пропаганде» и других акциях вмешательства во внутренние дела Украины, которые были получены гетманскими властями.

Отряд гетманской полиции («варты»), по словам Раковского, ворвался в его дипломатический вагон по дороге в Харьков на станции Нежин. Обыск продолжался более пяти часов. Под угрозой расстрела Раковского заставили поднять руки вверх и подвергли личному обыску. Были вскрыты дипломатические пакеты, личный багаж, часть бумаг отобрали. В Бахмаче вагон отцепили от состава. Обратившись с протестом против этих действий к германским властям, Раковский получил немецкую охрану.

Почти через сутки вагон включили в другой состав, который благополучно прибыл в Харьков, затем был присоеди-

²⁷⁹ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Ед. хр. 507. Л. 45–47.

нен к поезду, направлявшемуся в Москву. Но когда этот состав находился уже «под парами», злосчастный вагон вновь был задержан, причем один из офицеров заявил Раковскому, что его не следовало бы выпускать живым из Украины. Лишь с огромным трудом дипломат добился отмены распоряжения и смог продолжать путь на Москву. Раковский считал, что это было преднамеренной акцией, совершенной по распоряжению украинского правительства.²⁸⁰

Что же касается правительства Скоропадского, то оно осудило действия своих подчиненных. Министр иностранных дел Дорошенко телеграфировал украинскому консулу в Москве: «Прошу передать народному комиссару Советской республики нижеследующее: Министерство внутренних дел заявило мне, что задержание и обыск г. Раковского были сделаны без ведома министерства. Виновные уволены и привлечены к ответственности. К розыску документов приступлено, и по нахождении таковые будут немедленно возвращены».²⁸¹

В украинской печати были опубликованы данные германской полиции о том, что советская делегация и лично Раковский занимались подрывной работой в Украине.²⁸² Видимо, здесь были некоторые преувеличения, но в основе лежали подлинные факты содействия забастовочному движению,

²⁸⁰ Известия. 1918. 15 октября.

²⁸¹ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Ед. хр. 509. Л. 345.

²⁸² Известия. 1918. 22 октября.

другим антиправительственным выступлениям.

Так завершился первый, непродолжительный этап дипломатической деятельности Х. Г. Раковского. Он был противоречив, как и весь комплекс бурных событий 1917–1918 гг. В основном отказавшись от левоцентристской социал-демократической линии и полностью, телом и душой, примкнув к экстремистскому крылу социал-демократии – большевикам, он нес свою долю ответственности за установление тоталитарного режима в России, за все те беды и преступления, которые были с этим связаны. Раковский учился в соответствии с худшими традициями дипломатии прошлого правилу: «Язык дан дипломату для того, чтобы скрывать свои мысли», углубил свои познания в демагогии и популизме, которые ему, как и всем более или менее значительным политическим деятелям, были свойственны и ранее.

Вместе с тем Х. Г. Раковский уже в первых своих дипломатических миссиях проявил важные позитивные качества дипломата: умение выслушать оппонента, оценить его позицию и постараться найти компромисс (разумеется, лишь в тех пределах, которые были очерчены данными ему императивными инструкциями), широкий политический и исторический кругозор, прекрасную память и умение вести дискуссию, оперируя массой конкретных примеров, используя прецеденты и политические аналогии, знание ряда языков, традиций и привычек народов и умение их использовать, раскованность в общении с различными группами собеседников.

Это свидетельствовало, что Москва получила в лице Раковского одного из виднейших своих дипломатов.

После прекращения российско-украинских переговоров гетманская Украина существовала очень недолго. Когда осенью 1918 г. стало ясно, что центральные державы проигрывают войну, Скоропадский пытался маневрировать, но его попытка привлечь в кабинет оппозиционных украинских деятелей успеха не имела. 14 декабря, когда немцы оставили Киев, в столице Украины была установлена власть Директории, провозгласившей восстановление Украинской Народной Республики.²⁸³ Но эта власть была еще более кратковременной. В начале 1919 г. большевикам удалось распространить свой режим на всю Левобережную и большую часть Правобережной Украины.

Бурная деятельность 1918 г. обогатила Х. Г. Раковского во многих отношениях, но особенно она была важна тем, что позволила разносторонне ознакомиться с крайне сложным положением в Украине и выработать качества дипломата. И то и другое оказалось исключительно важным для дальнейшего становления Раковского как государственного деятеля.

Можно полагать, что общение с украинскими политиками, их аргументацией в пользу независимого и равноправного развития своей страны, ознакомление с богатой и оригинальной культурой украинского народа оказали особое влияние на последующую эволюцию взглядов Х. Г. Раковского

²⁸³ *Субтельний О.* Указ. твір. С. 313–314.

по национальному вопросу – от позиции бюрократического унитаризма к позиции последовательного конфедерализма, стремящейся учесть специфику народов, их волю к самоопределению.

Ему, однако, пришлось убедиться, что тоталитарная система, в которую неизбежно вырождалась любая социалистическая утопия, и прежде всего выродилась советская, оказывалась несовместимой с какими бы то ни было проявлениями самоопределения народов, что большевистский лозунг самоопределения вплоть до образования самостоятельного государства был предназначен для развала «капиталистических» государств, но не был предназначен для внутреннего потребления.

5. Глава правительства и нарком иностранных дел Украины

По возвращении в Москву Раковского ожидали новые назначения. Глубокой осенью 1918 г. правительство Ленина направило его в Берлин, предполагая, что оттуда он выедет в Вену в качестве полпреда РСФСР, на что уже было получено предварительное согласие. Но в германскую столицу Раковский прибыл в начале ноября, то есть тогда, когда Австро-Венгрия уже вышла из войны и начинался ее распад, а Германия стояла накануне полного поражения и там уже созревала революция. Санкции на въезд в Вену Раковский так и не получил. Что же касается пребывания в Берлине, то оно окончилось очень быстро и со скандалом.

4 ноября дипломатический багаж приехавших в советское полпредство курьеров из Москвы был захвачен берлинской железнодорожной полицией. Как тотчас же выяснилось, один из привезенных курьерами ящиков разбился (трудно сказать, произошло это случайно или было спровоцировано немцами), и из него высыпались прокламации с революционными воззваниями на немецком языке. Поэтому весь багаж был задержан.

5 ноября полпред А. А. Иоффе обратился к германскому МИДу с нотой протеста, но, не дав на нее ответа, германские имперские власти потребовали, чтобы советские представи-

тели немедленно покинули Берлин. Утром 6 ноября Иоффе, Раковский, а также находившийся в это время в германской столице Н. И. Бухарин и другие советские деятели были отконвоированы на железнодорожный вокзал и высланы.²⁸⁴

В течение нескольких дней вагон, в котором находились высланные советские дипломаты, оставался под контролем германских оккупационных властей в Минске, а затем в Борисове. Только 19 ноября Раковский смог приехать в Москву.²⁸⁵ Вернувшись в столицу, он считался работавшим в Наркомате иностранных дел, но никаких конкретных функций там не выполнял. Его держали в резерве для будущих ответственных назначений. Такое новое назначение последовало очень скоро, и оно круто изменило жизнь нашего героя.

В Украине, которая в последние полтора-два месяца перешла под контроль советской власти, в январе 1919 г. сложилась чрезвычайно напряженная ситуация во властной верхушке, получившая название «председательского кризиса». Состоял он в том, что в правительстве Украины преобладали «левые» во главе с Г. Л. Пятаковым, а в ЦК компартии – правые, которых возглавлял Э. И. Квириг. В результате ЦК, полностью уже распорядившийся всеми государствен-

²⁸⁴ Известия. 1918. 9 ноября. Для этого были все основания. Иоффе в 1927 г. подробно проинформировал американского журналиста Луиса Фишера о том, что он финансировал германских революционеров, инструктировал их, снабжал оружием (*Фишер Л.* Жизнь Ленина. London: Overseas Publications Interchange, 1970. С. 462–463).

²⁸⁵ Известия. 1918. 20 ноября.

ными делами, принял решение о смещении Пятакова с поста председателя «временного рабоче-крестьянского правительства», но оказался не в состоянии найти ему замену.

Возникла идея привлечь в качестве главы правительства Х. Г. Раковского. 10 января 1919 г. члены ЦК Квириг, Артем (Ф. А. Сергеев) и А. Я. Яковлев (Эпштейн) послали весьма любопытную телеграмму Ленину в Москву, в которой говорилось: «ЦК КП(б)У решил, не двигая пока кандидатуры из личного состава правительства и ЦК, предложить вам немедленно прислать Христиана Георгиевича. Только в этом случае председательский кризис не станет правительственным».²⁸⁶

Кто мог высказать подобное предложение, если иметь в виду, что подписавшие его деятели лично не знали Раковского и могли судить о его качествах только по отчетам о переговорах со свергнутым теперь правительством Украины? Единственным высокопоставленным лицом, которое могло это сделать с полной ответственностью, являлся Троцкий, прекрасно знавший Раковского уже в течение полутора десятилетий и занимавший пост народного комиссара по военным и морским делам.

19 января Ленин сообщил Раковскому о намерении назначить его на пост в Украине. Последовали встреча с Лениным, решение ЦК РКП(б). Правда, во время встречи Раковский выразил сомнение в целесообразности его назначе-

²⁸⁶ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 3. Ед. хр. 714. Л. 12.

ния в Украину, напомнив, что его болгарское происхождение может осложнить работу. Ленин отмахнулся, к тому же цинично посоветовав найти среди своих бабушек украинку, чтобы таким образом установить хорошую родословную.²⁸⁷ Мы видим, насколько пренебрежительно относился вождь большевиков к сложнейшей национальной проблеме! Но так или иначе, назначение состоялось. Ленин дал указания Раковскому о восстановлении единства в компартии Украины, о ликвидации «партизанщины», то есть фактически о жестокое подавлении крестьянских выступлений.²⁸⁸

22 января Раковский прибыл в Харьков, являвшийся украинской столицей. 24 января в соответствии с волей Ленина, не подлежавшей какому бы то ни было обсуждению, он был избран председателем правительства; временное рабоче-крестьянское правительство Украины изменило свое название и стало по российскому образцу именоваться Советом народных комиссаров.

Раковский с головой окунулся в напряженную работу. Только в начале марта 1919 г. ему пришлось принять участие в III съезде КП(б)У, I конгрессе Коммунистического интернационала, III Всеукраинском съезде Советов.

Раковский был одним из активнейших участников учредительного конгресса Коммунистического интернационала,

²⁸⁷ Раковський Х. Г. Ілліч і Україна // Український історичний журнал, 1989. № 4. С. 111.

²⁸⁸ Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. Т. 6. С. 444.

состоявшегося 4–6 марта 1919 г. Вместе с В. И. Лениным, Г. Е. Зиновьевым, Л. Д. Троцким и швейцарцем Ф. Платтеном он был избран в состав Исполкома Коминтерна, став, таким образом, одним из его основателей.

На съезде Советов Раковский выступил с докладом о деятельности правительства, подчеркнув те задачи и меры, которые, по его мнению, надо было предпринять для борьбы против контрреволюции и в связи с началом хозяйственного строительства.

Поначалу Х. Г. Раковский в качестве главы украинского советского правительства выступал как ярый представитель имперской, русификаторской тенденции. Об этом свидетельствовала его статья, опубликованная незадолго до назначения и написанная под впечатлением почти полугодового пребывания в Киеве.²⁸⁹ Он утверждал, что с экономической и социальной точки зрения самостоятельного и единого украинского народа не существует; этнические отличия украинцев и русских незначительны; у украинских крестьян отсутствует национальное самосознание; пролетариат Украины по своему происхождению в основном русский; промышленная буржуазия и большая часть помещиков – русского, польского или еврейского происхождения. Вывод – самостоятельную Украину выдумали интеллигенты из кооперативов, учителя, судейские чиновники вроде Шелухина и т. п.

В то же время Х. Г. Раковский относился к тем поли-

²⁸⁹ Раковский Х. Безнадежное дело // Известия. 1919. 3 января.

тическим деятелям, которые и на основании собственного опыта, и своего характера, и по тактическим соображениям стремились в какой-то мере «модерировать» диктаторские замашки крайних большевиков, прямых потомков унтера Пришибеева. В таком курсе Раковского проявлялись не только внутренние, но и внешнеполитические доминанты, стремление представить левой западной общественности советскую власть в максимально благообразном облике. При нем в Харькове меньшевики получили возможность легальной деятельности и даже был издан сборник их документов.²⁹⁰ По оценке виднейшего историка российской социал-демократии Бориса Ивановича Николаевского, Харьков в начале 20-х годов принадлежал к числу «наиболее “либеральных” районов советской России».²⁹¹

После III съезда Советов для более глубокого ознакомления с положением дел в Украине Раковский совершил поездку по республике. Он посетил Екатеринослав, Кривой Рог, Николаев, Херсон, Знаменку, Кременчуг, Полтаву, города Донбасса. В районе Мелитополя он побывал на линии фронта. Поездка показала срочную необходимость мер по налаживанию хозяйственной жизни, созданию боеспособной армии из разрозненных повстанческих отрядов.

На сторону советской власти стали переходить бывшие

²⁹⁰ *Сборник* резолюций и тезисов Центрального комитета и партийных совещаний. Харьков, 1920.

²⁹¹ *Меньшевики* после Октябрьской революции. С. 83.

вожаки повстанческих и партизанских отрядов, участвовавших в борьбе против войск кайзеровской Германии и гетмана Скоропадского. Была образована Высшая военная инспекция во главе с В. Г. Юдовским, которого Раковский хорошо знал по работе в Одессе.²⁹² Решением Всеукраинского центрального исполнительного комитета (ВУЦИК) был образован Совет рабочих и крестьянской обороны во главе с Раковским, которому было поручено непосредственное руководство мобилизацией сил и средств республики для борьбы против контрреволюции, в один ряд с которой неизменно ставилось кулачество.²⁹³ Под ним понималась не традиционная прослойка сельского населения, занимавшаяся ростовщицеством и другими коммерческими делами, что считалось на селе низким делом. Произвольно и спекулятивно этот термин был распространен на все зажиточное крестьянство, причем к последнему часто причислялись также середняки и даже бедняки, если они выступали против большевистской власти.

Введение советской властью продовольственной разверстки и других мер военного коммунизма в этот период вызвало почти сплошное недовольство крестьянского населения. «Красный террор», формально объявленный в ответ на белый, но на деле предшествовавший ему, еще более

²⁹² *Гражданская война на Украине*. Киев: Наукова думка, 1967. Т. 1. Кн. 1. С. 581; Т. 2. Кн. 2. С. 71.

²⁹³ Там же. Т. 2. Кн. 2. С. 7–9.

осложнил ситуацию. В июле 1919 г. Раковский писал: «Против кулаков есть только один способ – на белый террор, который они осуществляют с помощью банд, мы должны ответить красным террором».²⁹⁴

Против террора и заложничества перед Раковским энергично протестовал В. Г. Короленко, выступавший в защиту жизней десятков людей различных политических взглядов и социального положения, в вину которым ставились не конкретные противоправные действия, а образ мыслей или даже социальный статус бывших помещиков, капиталистов, «буржуазных интеллигентов». Писатель отстаивал перед Раковским общечеловеческие политические, юридические и нравственные ценности. Сохранились десятки таких писем периода Гражданской войны и непосредственно после нее, которые свидетельствуют о нравственных принципах писателя, его мужественной борьбе против «красного террора».

В фонде В. Г. Короленко сохранились 17 писем и телеграмм Раковского, черновики и авторские копии 34 писем Короленко Раковскому, 2 авторские копии писем Короленко Александрине Раковской, отдельные письма имеются и в других архивах. Послания Раковскому являлись, так сказать, «двухслойными» – они адресовались одновременно и ответственному государственному деятелю, и лично близкому человеку. Раковский имел возможность прямого вмешательства с целью смягчения террора, отмены наиболее во-

²⁹⁴ Вісті. 1919. 15 липня.

пиющих его актов, освобождения явно невиновных людей, наказания зарвавшихся представителей государственных и партийных органов и охотно откликнулся на соответствующие требования и просьбы Короленко, о чем свидетельствует их переписка.

Можно провести одно сравнение. В том же Отделе рукописей Российской государственной библиотеки, где нами обнаружена переписка Короленко с Раковским, хранится группа писем Короленко, адресованных «второму лицу» Украины того времени – председателю ВУЦИКа Григорию Ивановичу Петровскому. Их содержание сходно с тематикой писем, адресованных Раковскому, но и здесь имеются существенные отличия. В лице Петровского Короленко видел лишь главу советского аппарата, на который он возлагал прямую ответственность за жертвы и ужасы большевистской диктатуры. Вступать в разглагольствования с этим лицом у писателя, видимо, не было особого желания, и он, скорее всего, не верил, что его гуманистические концепции Петровскому будут понятны. Поэтому краткие письма Петровскому – сугубо деловые документы, посвященные почти исключительно судьбам конкретных людей, чья жизнь находилась под прямой угрозой. Лишь изредка Короленко позволял себе обобщения конкретных фактов. Сохранился лишь один ответ Петровского, принципиально иной по сравнению с письмами Раковского. Датированное 20 октября 1921 г., это письмо отличалось нескрываемым высокомерно-снисхо-

дительным тоном и безудержной демагогией.²⁹⁵

А вот одно из писем Раковского (от 24 апреля 1919 г.), которое было совершенно другим и по интонациям, и по содержанию, хотя от него также за версту несло коммунистической демагогией. Мы просим прощения у читателей, но приведем значительную часть этого довольно длинного текста (сокращения оговорены отточиями):

«Дорогой Владимир Галактионович,

Прошу у Вас извинения, что не отвечал на Ваши письма, кроме коротких телеграмм. Я не успеваю справиться со срочными делами, хотя в сутки приходится работать чуть ли не круглые сутки. Но могу Вас уверить, что ни один указанный Вами случай не остается мною не расследованным. Относительно г[осподина] Базилевича,²⁹⁶ напр[имер], могу Вам сообщить, что он освобожден тут неделю назад. Уехал в Винницу...

Я не отрицаю, что в политику репрессий и пресечений, которую приходится по необходимости нам применять, могут проникать ошибки, которые не только я, но и все мы, советские ответственные работники, стараемся свести до минимума (о Куликове²⁹⁷ назначено строжайшее следствие). Од-

²⁹⁵ СОР РГБ. Ф. 135. Р. II. К. 31. Ед. хр. 49. Л. 1.

²⁹⁶ Раковский оговорился. Речь шла о произвольно арестованном киевском враче А. В. Базилевском, по поводу которого ему писал Короленко.

²⁹⁷ Имелся в виду большевистский сатрап из Полтавской губернии Г. И. Кулик (на этот раз в фамилии ошибся Короленко). Это был тот самый Кулик, который в своем селе Парасковеевка организовал отряд «червоного казачства» (красного

нако Вы недостаточно вникаете в создавшуюся обстановку.

Советская власть является предметом жесточайшей войны со стороны всех ее врагов. С властью рабочих и бедноты не хочет примириться не только старый помещичий класс, не только старое чиновничество и офицерство, но и буржуазия, и кулачество. Не из чувства каких-то кровожадных спортсменов применяем мы красный террор, а потому, что наш враг не пренебрегает против нас ни одним из средств насилия и обмана...

Многие из тех граждан, которые со слезами на глазах уверяют Вас в своем нейтралитете или в своей невинности, готовы, как только почувствуют, что наша власть колеблется, взять винтовку против нас или собирают уже цветы для встречи деникинских белогвардейцев.

Но Вы, Владимир Галактионович, подходите к нашей деятельности с точки зрения писателя-гуманиста, замечаящего в общественной борьбе индивидуальные трагедии, а не коллективную, классовую сторону. Когда сражаются две армии, снаряды и пули косят ряды обеих сторон, не разбираясь в индивидуальной ответственности солдат и офицеров...

Время ужасное, но этот ужас закончится, только если мы победим. Если же восторжествуют силы прошлого, это зна-

казачества), а в следующие годы занимал различные командные посты в Красной армии вплоть до заместителя наркома обороны и Маршала Советского Союза. Кулик был разжалован Сталиным в 1942 г. до звания генерал-майора. После войны вновь занимал командные должности, но затем был обвинен во враждебной деятельности и расстрелян в 1950 г. по сфабрикованному приговору.

чит обречь человечество на новые ужасы, на новые революции и гражданские войны». ²⁹⁸

Таков был этот догматический, но достаточно противоречивый документ, в котором сочеталось уважительное отношение к писателю-гуманисту, готовность расследовать конкретные случаи большевистских террористических действий (единичные случаи из многих тысяч!), негативное отношение к революциям и гражданским войнам в принципе и в то же время полное оправдание большевистской террористической политики.

Возвращаясь к деятельности Раковского в качестве главы правительства во время Гражданской войны, необходимо отметить те сложнейшие внутренние кризисы, в преодолении которых ему приходилось принимать участие.

В 1919 г. возникло серьезное недовольство в соединениях советских вооруженных сил, действовавших на территории Украины. Особую тревогу вызывала армия Н. И. Махно, которая не всегда следовала указаниям большевистского правительства и действовала зачастую по своему усмотрению, к примеру в районе поселка Гуляй-Поле недалеко от Мелитополя. По распоряжению Раковского советские власти Украины рассматривали гуляйпольскую анархистскую республику в качестве своеобразного автономного образования. С контролируемым Махно районом был введен товарооборот, чтобы получить нужный уголь в обмен на промышленные

²⁹⁸ СОР РГБ. Ф. 135. Р. II. К. 32. Ед. хр. 43. Л. 19–22.

потребительские товары. Какое-то время с Махно приходилось считаться, ибо его утопические идеи республики без любой ответственности перед государством были весьма популярны в крестьянской среде.

Наибольшую опасность для судеб большевистской власти в Украине представляла деникинщина. Армия А. И. Деникина в июне 1919 г. заняла Харьков, Екатеринослав, прорвалась к Волге. Именно Раковский как глава правительства Украины выступил с инициативой образования военно-политического союза советских республик, выдвинув идею объединения их военных и материальных ресурсов. Собственно говоря, таковое объединение существовало на практике и ранее. Само же предложение о его официальном оформлении свидетельствовало, что у Раковского постепенно зарождалась мысль о превращении фактически централизованного государства, каким видел Советскую Россию Ленин (включая в нее на практике Украину и другие территории, которые вроде бы получали право на самоопределение), в реальную федерацию.

В связи с этим была проведена реорганизация воинских формирований Украины, введено обучение военному делу рабочих, установлена воинская повинность.²⁹⁹

Раковский понимал, что без материального обеспечения армии многого не добьешься. По его инициативе декре-

²⁹⁹ Российский государственный военный архив (далее РГВА). Ф. 33987. Оп. 1. Ед. хр. 205. Л. 439–440.

том правительства была создана Чрезвычайная комиссия по снабжению Красной армии. В результате его нового предложения была проведена неделя обеспечения Красной армии, во время которой поборы с крестьян, и без того весьма интенсивные, стали буквально грабительскими. Советскую власть, установленную насильственным путем, пытались удержать, также опираясь в основном на насилие и кровопролитие. Однако устоять перед белогвардейцами не удалось. 30 августа Киев был занят войсками С. В. Петлюры.

Правительство Раковского было вынуждено эвакуироваться в Чернигов, а затем в Москву. Здесь Раковский пробыл более шести месяцев. По предложению Троцкого он возглавил Политическое управление Реввоенсовета республики.

Находясь в Москве, Раковский стал в какой-то степени преодолевать старую политику по отношению к крестьянству. Он охотно усваивал новый курс на укрепление союза с середняком, участвовал в подготовке земельного кодекса Украины, который призван был хотя бы в некоторой степени ввести аграрную политику в законные рамки и пойти навстречу требованиям широких крестьянских слоев, несколько ограничив продрозверстку. Кодекс был принят Укрревкомом 5 февраля 1920 г.³⁰⁰

11 февраля 1920 г. Христиан Георгиевич возвратился в

³⁰⁰ *Радянське будівництво на Україні в роки громадянської війни. 1919–1920. Збірник документів і матеріалів. Київ, 1957. С. 59–61.*

занятий советскими войсками Харьков и вновь возглавил Совнарком Украины. На первом заседании СНК Раковский поставил вопрос о созыве очередного Всеукраинского съезда Советов и предложил обратиться к трудящимся Украины с правительственным воззванием о восстановлении советской власти.³⁰¹

В марте 1920 г. в Харькове проходила IV конференция КП(б)У. В первый день ее работы Раковский выступил с политическим отчетом ЦК, на следующий день – с докладом по земельному вопросу и работе на селе, признав ошибки, которые допустили ЦК и правительство в земельном вопросе.

На конференции был также рассмотрен вопрос об отношении к другим партиям. Было объявлено, что КП(б)У открывает доступ в свои ряды для тех членов «мелкобуржуазных» партий, которые перешли на коммунистическую платформу. Делегаты высказались за прием в КП(б)У «лучших представителей» партии боротьбистов, на чем настаивал Раковский.³⁰²

Действительно, Раковский и его сторонники в предыдущие месяцы проводили кропотливую работу по установлению сотрудничества с партией украинских левых эсеров (по названию их печатного органа членов этой партии обычно

³⁰¹ *Історія КП(б)У в матеріалах і документах. Вип. 2. 1917–1920 рр. Харків, 1934. С. 407–410.*

³⁰² *Комунистична партія України в резолюціях і рішеннях з'їздів, конференцій і пленумів ЦК. Київ, 1976. Т. 1. С. 44–45.*

называли боротьбистами). Еще в мае 1919 г. по решению ВУЦИКа в состав Совнаркома Украины были введены боротьбисты: М. Лебединец – нарком юстиции, М. Литвиненко – нарком финансов, Г. Михайличенко – нарком образования.³⁰³ Однако занятие боротьбистами руководящих постов в правительстве натолкнулось на серьезное сопротивление части руководящих большевиков. Вопрос о слиянии партии боротьбистов с КП(б)У рассматривался на совещании в Исполкоме Коминтерна 6 ноября 1919 г., на которое отправился Раковский. Он отмечал сложности объединения, связанные с тем, что большевики и боротьбисты опирались на различные социальные и общественные силы, что существовали серьезные разногласия с ними по вопросу об объединении военных сил Украины и России. Под его влиянием на совещании было объявлено, что не может быть речи о механическом объединении обеих партий, но отдельные представители партии боротьбистов вполне могут войти в КП(б)У.³⁰⁴

Под явным давлением со стороны большевиков партия боротьбистов объявила о самороспуске. Многие ее деятели вступили в КП(б)У. Некоторые из них позже занимали высокие партийные и государственные посты, но все они до единого пали жертвами кровавой сталинщины в середине 30-х годов.

³⁰³ Раковский Х. Ілліч і Україна... С. 116.

³⁰⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 65. Ед. хр. 110. Л. 2, 4–14, 19–20, 35, 56–58.

Между тем ликвидация партии боротьбистов означала, что и в Украине, вслед за Россией, было покончено с многопартийностью. Политическая монополия КП(б)У как составной части РКП(б) стала реальностью. На IX съезде партии в марте 1920 г. Ленин высоко оценил усилия Х. Г. Раковского, направленные на ликвидацию партии боротьбистов. Он говорил: «Мы эту партию перерегистрировали, и вместо восстания боротьбистов, которое было неизбежно, мы получили, благодаря правильной линии ЦК, великолепно проведенной т. Раковским, то, что все лучшее, что было в среде боротьбистов, вошло в нашу партию под нашим контролем, с нашего признания, а остальное исчезло с политической сцены. Эта победа стоит пары хороших сражений».³⁰⁵

Имея в виду, что в условиях Гражданской войны все силы концентрировались прежде всего на военных делах, Раковский особенно тесно контактировал с наркомвоенмором Троцким, что облегчалось их прежними связями и дружескими взаимоотношениями. О своих встречах и других контактах с Раковским, о позиции последнего по тем или иным политическим, военным и другим вопросам Троцкий информировал Ленина.

В военно-политических совещаниях, проводимых Троцким, когда он находился в Украине, часто участвовал глава украинского правительства. 6 августа 1919 г. такое совещание состоялось, например, в Киеве. На нем были приняты

³⁰⁵ Ленин В. И. Сочинения. Т. 40. С. 266.

решения о разграничительных линиях между действовавшими армейскими соединениями, о мерах против самовольного отхода войск и т. д.³⁰⁶

Не во всем, однако, Троцкий поддерживал Раковского. Будучи весьма жестким и непреклонным во всех организационных делах, он был недоволен, когда его друг, а теперь в определенном смысле и подчиненный, не проявлял аналогичных качеств. 22 мая 1919 г. Троцкий передал по «прямому проводу» для Ленина из Харькова, что «никакой другой организации, кроме военной, на Украине не существует, что при мягкости характера Раковского создает почву для произвола».³⁰⁷

Произвол в Украине, как и в других частях бывшей Российской империи, находившейся под контролем большевиков и ставшей формально независимым государством, действительно существовал, но причины его состояли не в «мягкости характера» того или иного деятеля, в частности того же Раковского, а в бесчинствах самих военных и гражданских властей, дополнявшихся самочинными действиями местных бюрократов, особенно из числа чекистов, и просто насильников и мародеров. Сам же этот фактический донос был вызван, скорее всего, какой-то частной стычкой Троцкого с Раковским во время их встречи в Харькове.

В целом Раковский нес полную ответственность за все

³⁰⁶ The Trotsky Papers 1917–1922. The Hague, 1964. Vol. 1. P. 632, 634.

³⁰⁷ Ibid. P. 456.

ужасы Гражданской войны на территории Украины, за подавление многочисленных крестьянских вооруженных выступлений, целью которых было уклонение от внесения продовольственной разверстки, обрекавшей крестьян на гибель от голода, за все кровавые преступления большевистских властей.

Х. Г. Раковский был в числе ответственных государственно-партийных деятелей, которые в этот период решительно выступали против каких-либо послаблений в проведении жесткого диктаторского курса. В своей речи в клубе «Рабочий» в Харькове 6 февраля 1921 г. он признавал, что в Украине нет такой губернии, которая не была бы местом «бандитских выступлений», называя таковыми действия тех, кто пытался отстоять хотя бы свои жизненные интересы, избежать ограбления в форме продразверстки. Раковский пытался убедить в политическом характере «бандитизма», в его связи с кулачеством.³⁰⁸

Мирная передышка, возникшая в конце 1919 – начале 1920 г., скоро закончилась. В апреле 1920 г. начались военные действия советских республик против Польши. На польский фронт были переброшены лучшие части Красной армии. В июне военные действия предпринял барон Врангель, укрепившийся в Крыму, ему удалось потеснить советские войска и захватить восточную часть Таврии.

В своих многочисленных выступлениях периода войны

³⁰⁸ Раковский Х. Борьба с бандитизмом. Харьков, 1921. С. 3, 7 и др.

против Польши Раковский вплетал в свои «классово-пролетарские» выступления дозированный, но все более усилившийся национальный элемент, стремясь представить дело так, что это отнюдь не только классовая война, но и борьба за национальное выживание украинского народа. Выступая в Харькове 9 мая 1920 г. на рабочем митинге, он фиксировал внимание на защите национальной независимости Украины, приводил примеры насилий поляков над украинцами на Волыни и в Подолии, провозглашал, что польский враг – враг презренный, ибо именно русская революция обеспечила независимость Польши. В то же время, впрочем, выражалась надежда, что победа над шляхтой будет означать победу польских рабочих и крестьян.³⁰⁹

Контрнаступление поляков в районе Варшавы из-за ошибок советского командования во главе с М. Н. Тухачевским и разобщения фронтов, действовавших в районах Варшавы и Львова, опасность со стороны Врангеля и Махно побудили Раковского вновь совершить инспекционную поездку по Украине в сентябре 1920 г.³¹⁰

Вместо себя в Харькове он оставил человека, с которым находился в весьма неоднозначных отношениях. Им был писатель В. К. Винниченко, который, возвратившись в это время в Украину, перешел в компартию, стал заместителем

³⁰⁹ Раковский Х. Все для победы над польскими панами. Харьков, 1920.

³¹⁰ О результатах поездки он написал брошюру: Раковский Х. Донбасс: Из материалов о Донецком бассейне и Донецкой губернии. Харьков, 1923. 24 с.

председателя Совнаркома и наркомом иностранных дел (Раковский с явной неохотой ненадолго уступил ему этот пост). Отчасти по этой причине, отчасти в результате прошлых разногласий, отчасти в результате того, что Винниченко претендовал на еще более высокие посты (Раковский не раз упрекал его, что он прежде всего стремится к власти, что было явно несправедливо), отношения между Раковским и Винниченко оставались натянутыми, к Винниченко относились с подозрением, и после краткого пребывания на советской государственной службе он покинул Украину и вновь эмигрировал.³¹¹

12 октября 1920 г. Польша запросила перемирия с Россией и Украиной, отказавшись от притязаний на Правобережную Украину. Были подписаны предварительный, а затем и постоянный мирные договоры. Они дали возможность советским республикам сосредоточить усилия на борьбе с Врангелем. Раковский был назначен членом Реввоенсовета Южного фронта, которым командовал М. В. Фрунзе. Между ними сложились товарищеские отношения, которые укреплялись в следующие годы, о чем писал сам Раковский.³¹² 16 ноября 1920 г. Фрунзе телеграфировал Ленину о взятии Керчи и освобождении Крыма. Раковский от имени правитель-

³¹¹ *Винниченко В.* Из дневников // Дружба народов. 1989. № 12. С. 161–205; *Жулинский М.* Художник, распятый на кресте политики: Судьба Вл. Винниченко // Там же. С. 147–160.

³¹² Известия. 1925. 5 ноября.

ства Украины обратился к красноармейцам с поздравительной телеграммой по поводу этого события.³¹³

Правительство Украины и Раковский как его глава, однако, не считали, что Гражданская война завершена, до тех пор, пока существовали крестьянские вооруженные формирования, которых продолжали именовать бандами. По его исчислениям, в Украине в это время около 27 тыс. человек находилось в «бандитских группах».³¹⁴ При этом нередко в «бандформированиях» зачисляли не только вооруженных крестьян, но и тех, кто выходил за рамки воинской дисциплины, отказываясь подчиняться командованию Красной армии. Но все же «бандиты»-крестьяне составляли основную массу антисоветского повстанческого движения, защищая свое имущество, а подчас и жизнь.

И все же где-то в тайниках души у Раковского сохранялись остатки тех социал-демократических умеренных идей, тех западноевропейских «пережитков», которые, казалось бы, погасли в мясорубке Гражданской войны, кровавого террора и однопартийного властного произвола. Завершение Гражданской войны позволило Раковскому поставить вопрос о постепенном расширении полномочий республиканских властей, создании украинского железнодорожного округа под руководством республиканского правительства,

³¹³ ЦДАВОВУ. Ф. 2. Оп. 2. Од. зб. 574. Арк. 10.

³¹⁴ Троцкий Л., Раковский Х. Международное положение советских республик и задачи компартии Украины. Харьков, 1920. С. 55.

о мерах по возрождению Донецкого каменноугольного бассейна.³¹⁵

Окончание Гражданской войны показало, что политика продразверстки, необходимость которой была весьма сомнительна с самого начала, полностью исчерпала себя и следовало переходить на новые рельсы хозяйствования. Тот факт, что крестьяне Украины засевали всего 55 % посевных площадей, говорил об отсутствии стимулов, а отнюдь не о саботаже со стороны кулаков. Если в годы Гражданской войны Раковский считал раскулачивание «необходимым революционным средством», то позже он сам признал этот путь «примитивным средством борьбы».³¹⁶

Раковский вынужден был убедиться, к каким катастрофическим результатам привела политика военного коммунизма не только в сельском хозяйстве, но и в промышленности, во всех сферах жизнедеятельности, в результате своей поездки по Донбассу в 1921 г. В брошюре, которую он подготовил в качестве резюме докладов на заседаниях местных исполкомов, рисовалась страшная картина. Посевная кампания была провалена. Животноводство потеряло 70 % скота. Не работали шахты. Не работали школы.³¹⁷

Новая экономическая политика, которая начала прово-

³¹⁵ The Trotsky Papers. Vol. 2. P. 346, 348, 350.

³¹⁶ Раковский Х. Г. Комитеты незаможных селян и новая экономическая политика. Харьков, 1923. С. 17.

³¹⁷ Раковский Х. Донбасс. Харьков, 1921.

даться с 1921 г., нашла различное понимание у деятелей партии и государства. Раковский воспринял нэп как серьезную и длительную политику и активно занялся ее реализацией. Он принял участие в X съезде РКП(б) в марте 1921 г., председательствовал на одном из заседаний, был избран в состав ЦК. Именно этот съезд и принял решение о замене разверстки натуральным налогом, которая явилась первым шагом на пути к нэпу.

Как председатель Совнаркома, Раковский способствовал развитию различных форм кооперации на селе, но сам был склонен к созданию коллективных производственных хозяйств. Хотя Раковский говорил на Всеукраинском съезде сельскохозяйственной кооперации в октябре 1922 г. о необходимости поддержки деятельности не только производственных, но и других кооперативов, к последним он относился настороженно, считая, что находятся они в руках кулаков. По его инициативе были созданы Всеукраинский кооперативный союз, а также аналогичные союзы при местных исполкомах под строжайшим контролем со стороны партийных органов.

Пытаясь не допустить усиления влияния кулачества, а точнее говоря, независимого крестьянства на селе, Раковский ратовал за создание комитетов незаможных селян (комнезамов), сходных с комитетами бедноты, которые существовали в РСФСР с 1918 г., но после перехода к нэпу были ликвидированы. К ноябрю 1920 г. было создано около

10 тыс. комнезамов.³¹⁸ Однако в связи с введением нэпа встал вопрос и об их судьбе в новых условиях. Раковский предложил провести закон о них, в соответствии с которым они провозглашались бы «организациями государственного значения». Тем не менее положение комнезамов оставалось довольно неопределенным. В связи с этим в 1923 г. Раковский выступил с докладом, посвященным некоему государственному структурированию «незаметного» крестьянства, который затем был опубликован.³¹⁹ Автор отмечал факт некоторого экономического оживления на селе. В то же время он подчеркивал отсутствие какой-либо угрозы со стороны прежних форм «купли и продажи» и не единожды подтверждал, что особое внимание его правительство уделяет и будет уделять беднейшим слоям крестьянского населения.

Так же как и в вопросе о сельском хозяйстве, в вопросе об электрификации Х. Г. Раковский демонстрировал явную увлеченность. Вместе с Лениным он был одним из учредителей плана ГОЭЛРО. Приехав в Харьков после очередного визита в Москву, он с воодушевлением рассказывал корреспондентам, что в скором будущем Украина покроется сетью электростанций и железных дорог.

Но эти планы грандиозного светлого будущего приходи-

³¹⁸ *Комітети незаметних селян України (1920–1923)*. Збірник документів і матеріалів. Київ, 1968. С. 10.

³¹⁹ *Раковский Х. Г.* Комитеты незаметных селян и новая экономическая политика: Доклад на съезде комнезамов. Харьков, 1923.

лось откладывать на неопределенный срок. Царила разруха. Катастрофически не хватало топлива. Раковский понимал, что судьба страны во многом зависит от состояния Донбасса. Для преодоления топливного кризиса был объявлен месячник помощи Донбассу, куда со всех концов страны начали стекаться железнодорожные составы с оборудованием, продовольствием, одеждой.

В начале 20-х годов центральную часть России охватил голод. Неурожай затронул и ряд районов восточной части Украины, но в Правобережье урожай был стабильным. Ленин требовал от руководства Украины, чтобы республика оказывала помощь Поволжью «в целях хотя бы некоторого смягчения продовольственного положения в центре».³²⁰

В ответ на поставку хлеба из Украины Раковский просил присылать мануфактуру: только в этом случае крестьяне пойдут на обмен. Но обязательства о поставке мануфактуры, данные московскими властями, систематически не выполнялись, и Раковский неоднократно жаловался на это Ленину.³²¹ Глава центрального правительства на словах соглашался, что промедление с поставками в Украину – дело «позорное и преступное», требовал установить строжайший надзор над продвижением по железной дороге отправленной мануфактуры.³²² Но эти требования оставались пустыми словами. Эк-

³²⁰ Ленин В. И. Сочинения. Т. 52. С. 308.

³²¹ Там же. С. 198.

³²² Там же. С. 198, 204.

вивалентного обмена добиться так и не удалось.

Окончание Гражданской войны и переход к нэпу предопределили попытки украинского правительства, его главы и одновременно руководителя внешнеполитического ведомства занять несколько более автономную позицию в области международных связей по сравнению с позицией Москвы.

Речь не шла о самостоятельных шагах или тем более об особом внешнеполитическом курсе. Но попытка установления собственных международных связей все же прослеживается. Об этом свидетельствует, в частности, примечательный документ – протокол заседания Политбюро ЦК КП(б)У от 4 августа 1921 г., на котором был рассмотрен вопрос об украинских заграничных миссиях. Решением Политбюро Раковскому было поручено (безусловно, по его инициативе) определить в Москве положение представителей УССР в зарубежных российских миссиях, причем Раковский брал на себя улаживание наиболее щепетильных дел.³²³ Наличие «щепетильных дел» явно свидетельствовало, что во взаимоотношениях между Харьковом и Москвой, в частности связанных с международными делами, были шероховатости.

В архиве имеется и записка неизвестного автора, адресованная Раковскому, под заголовком «Факты, которые могут быть использованы как пример неконституционного отношения Наркоминдела РСФСР к Наркоминделу УССР (лишь за последнее время)», содержавшая ссылки на некорректные

³²³ ЦДАВОВУУ. Ф. 4. Оп. 1. Од. зб. 543. Арк. 11.

документы замнаркома М. М. Литвинова и других лиц.³²⁴ Можно полагать, что эта записка была подготовлена по поручению самого Раковского.

Раковский весьма критически оценивал взгляды и деятельность Максима Максимовича Литвинова, о чем мы еще будем иметь возможность сказать. В отношении же наркома Георгия Васильевича Чичерина преобладало сдержанное уважение, не лишенное иронической окраски. Почти через десять лет, находясь в ссылке, Раковский скажет американскому журналисту Луису Фишеру: «Всякий раз, когда Георгий Васильевич достает из своего кармана носовой платок, он должен информировать об этом Политбюро».³²⁵

Х. Г. Раковский был вынужден многократно вмешиваться, протестуя против действий официальных лиц РСФСР, когда их великодержавные амбиции становились слишком уж заметными. Таким был, например, случай с торгпредом Украины в Польше. Он сообщал председателю Совнаркома в феврале 1922 г., что, несмотря на договоренность с Россией о превалировании украинских интересов в этой стране, несмотря на очевидную необходимость взаимного осведомления, торгпред РСФСР, по существу дела, игнорирует представительство Украины.³²⁶

Стремление к определенной «суверенизации» прослежи-

³²⁴ ЦДАВОВУУ. Ф. 4. Оп. 1. Од. зб. 57. Арк. 33.

³²⁵ *Конт Ф.* Указ. соч. С. 37.

³²⁶ ЦДАВОВУУ. Ф. 4. Оп. 2. Од. зб. 36. Арк. 54.

вается в попытках закрепить взаимоотношения Украины с рядом государств правовыми актами. В конце июня 1920 г. Раковский телеграфировал Чичерину, чтобы тот передал правительствам Латвии и Финляндии, что права и привилегии граждан этих стран на территории России не будут распространяться на Украину до тех пор, пока она не получит официального признания со стороны этих стран. Такого рода представления были сделаны также в отношении Эстонии и Грузии.³²⁷

Раковский прилагал немало усилий к установлению и развитию торговых и иных связей с зарубежными странами. Уже в марте 1920 г. он телеграфировал наркому внешней торговли РСФСР Л. Б. Красину, что в Одессе от нескольких консульских агентов зарубежных стран получены предложения о товарообмене: предлагают нефть, керосин, медикаменты и другие товары. Рекомендовалось прислать представителей с точными инструкциями.³²⁸

По просьбе Раковского нарком иностранных дел РСФСР Чичерин держал его в курсе переговоров советского правительства России с американским представителем Уильямом Буллитом, который прибыл в Москву в конце февраля 1919 г. для прощупывания почвы по поводу восстановления отношений со странами Антанты и США. Раковский давал свои рекомендации. В его личном архиве сохранилась уни-

³²⁷ Там же. Од. зб. 767. Арк. 24.

³²⁸ Там же. Арк. 3.

кальная переписка с Чичериным, с которой он познакомил значительно позже, уже находясь в ссылке, американского журналиста и историка Луиса Фишера.³²⁹

Имея в виду тягчайшую нехватку в Украине экономистов-международников, Раковский обсуждал с заинтересованными ведомствами вопрос о подготовке работников внешней торговли в Харьковском институте народного хозяйства.³³⁰

В тех пределах, в которых Х. Г. Раковский, как руководитель внешнеполитического ведомства, был в состоянии проявлять хотя бы малую степень автономии, он обращал внимание на развитие отношений Украины с соседними и близлежащими странами.

Благоприятное развитие российско-турецких отношений позволило Раковскому поставить вопрос о самостоятельном оформлении взаимосвязей с Турецкой республикой. По инициативе Раковского в конце 1921 г. в Анкару была направлена украинская миссия во главе с М. В. Фрунзе, занимавшим тогда пост командующего войсками Украины и Крыма (с февраля 1922 г. он станет заместителем главы правительства).³³¹

Поездка тщательно готовилась. С Наркоматом иностранных дел России обсуждался вопрос, следует ли ее широко

³²⁹ Fischer L. The Soviets in World Affairs. Vol. 1. P. 171.

³³⁰ ЦДАВОВУУ. Ф. 2. Оп. 2. Од. зб. 528. Арк. 192–194.

³³¹ Там же. Ф. 4. Оп. 1. Од. зб. 48. Арк. 1–2.

оглашать в прессе, не предпочтительнее ли вести переговоры полусекретно. В конце концов решено было превратить переговоры по возможности в своего рода «дружественную демонстрацию». Поездку предполагалось использовать и для закрепления связей России с Турцией, для противодействия французскому влиянию в этой стране, по поводу чего шла переписка между Раковским и Чичериным.³³²

Делегация находилась в Турции два с лишним месяца. 21 января 1922 г. Фрунзе вместе с представителем турецкого правительства Юсуфом Кемаль-беем подписал договор о дружбе и братстве между УССР и Турцией.³³³ Раковский высоко оценил этот договор, как наиболее значительный дипломатический документ, самостоятельно подписанный представителем его правительства. В телеграмме турецкому министру иностранных дел от 25 января 1922 г. он писал: «Украинское правительство будет считать своей первой задачей развивать и укреплять в дальнейшем во всех отношениях дружеские связи с Турцией. Я позволю себе также выразить глубокую благодарность турецкому правительству за тот искренний и горячий прием, который украинская чрезвычайная миссия во главе с Фрунзе нашла как в кругах турецкого правительства, так и в широких кругах турецкого народа».³³⁴

³³² Там же. Ф. 2. Оп. 2. Од. зб. 91. Арк. 14–16.

³³³ Там же. Ф. 4. Оп. 2. Од. зб. 86. Арк. 40–41.

³³⁴ ЦДАВОВУУ. Ф. 4. Оп. 2. Од. зб. 86. Арк. 10.

Через несколько месяцев Раковский специальным письмом попросил украинского торгпреда в Константинополе выполнять и политические функции по вопросам репатриации, информации и т. д.³³⁵ Когда же в мае 1922 г. в Харьков прибыла турецкая делегация, Х. Г. Раковский попытался проявить максимум гостеприимства. Он написал специальное письмо в Наркомвнешторг, предложив «срочно распорядиться о выдаче» со складов «необходимого количества лучших вин» в связи с «устройством обедов».³³⁶

Весьма напряженными были взаимоотношения Украины с Румынией, прежде всего в связи с вопросом о Бессарабии. Накладывался и личный момент – румынское прошлое главы украинского правительства. Правда, в сентябре 1922 г. предполагались переговоры в Харькове. Раковский писал тогда, что «больше всего в заключении мира с Румынией заинтересована Украина, с которой соприкасается территория Румынии». Но переговоры так и не были начаты из-за формальной неуступчивости обеих сторон.³³⁷

В начале 1921 г. наметилась возможность прямых переговоров России с Румынией. Украинский нарком иностранных дел 4 февраля специальной телеграммой обратил внимание Г. В. Чичерина на противоречивость румынской позиции: «Румыния, с одной стороны, старается ограничить круг

³³⁵ Там же. Ф. 2. Оп. 2. Од. зб. 36. Арк. 91.

³³⁶ Там же. Од. зб. 447. Арк. 60.

³³⁷ Там же. Оп. 1. Од. зб. 915. Арк. 131, 135–137.

вопросов, по поводу которых должны вестись переговоры, а с другой стороны, очень настоятельно добивается до каких бы то ни было разговоров признания, чтобы между нами не было состояния войны».³³⁸

Представителем Украины на переговорах с Румынией Раковский назначил Юрия Михайловича Коцюбинского – известного большевика и дипломата, сына одного из крупнейших украинских прозаиков конца XIX – начала XX в., что свидетельствовало о серьезности подхода к этому делу, а вслед за этим сообщил свое мнение по поводу тех румынских деятелей, которые, как предполагалось, будут вести переговоры.³³⁹

Существенной нормализации отношений с Румынией, однако, не произошло. Временами возникали пограничные инциденты. Уже в конце марта 1921 г. Раковский сообщил Чичерину, что румынские военные катера свободно курсируют в Днестровском лимане, но румыны обстреливают украинские суда, когда они там появляются. Он сообщил о своем распоряжении открывать ответный огонь и предложил послать совместную ноту протеста.

В 1922 г. Раковский написал брошюру о Румынии, проникнутую неприязнью к правящим слоям этой страны, сохранившую, в частности, воспоминания о том, как он был выслан из Румынии в начале века и как социалистические

³³⁸ Там же. Ф. 3. Оп. 2. Од. зб. 99. Арк. 3.

³³⁹ Там же. Арк. 6–7.

силы вели борьбу против его изгнания. Значительная часть брошюры была посвящена бессарабскому вопросу, который, как уверял автор, должен быть решен путем самоопределения этой территории, но он не может быть поводом для пролития братской крови.³⁴⁰

Х. Г. Раковский внимательно следил за развитием событий в Болгарии, тем более что у него на родине в 1919 г. образовалось правительство массовой крестьянской партии Болгарского земледельческого народного союза (БЗНС). Возглавляемое видным крестьянским популистом Александром Стамболийским, это правительство наметило обширный план реформ, проводившихся при жесткой оппозиции болгарских коммунистов. Из комплекса документов видно, однако, что Раковский относился с явной симпатией к своему именитому соотечественнику и его делу, что обусловило значительно более активные попытки украинского правительства установить нормальные отношения с Болгарией, нежели действия Москвы, нерешительные и вялые. При этом основное внимание было сосредоточено не только на установлении нормальных межгосударственных отношений, но и на репатриации солдат и офицеров антибольшевистских армий, значительная часть которых после окончания Гражданской войны оказалась на болгарской территории.

В качестве главы правительства и наркома иностранных дел Х. Г. Раковский получал самые разнообразные доклады

³⁴⁰ Раковский Х. Боярская Румыния. М., 1922.

и сообщения о положении и событиях в Болгарии. Он содействовал командированию в Болгарию должностных лиц для организации закупок продовольствия, медицинской помощи голодающим в Украине в 1921 г.³⁴¹

Очень интересны связанные с болгарами документы, смысл которых выходит за пределы только отношения к Болгарии и свидетельствует также о стремлении украинского лидера соблюдать хотя бы подобие суверенитета. В отправленных по поручению Раковского телеграмме и записке Ю. М. Коцюбинскому, ставшему председателем украинской дипломатической миссии в Москве (июль 1921 г.), содержалась просьба выяснить, освобожден ли болгарский подданный Ризов, арестованный, по сведениям Раковского, по недоразумению, и содействовать освобождению другого болгарина – Н. Пиперкова, арестованного на квартире Ризова.³⁴² Что и говорить, документы очень показательные.

Уже в те годы органы компартии осуществляли, по существу, все государственное руководство, впрочем, с тем уточнением, что в некоторых случаях слияние функций при наличии авторитетного государственного руководителя происходило с креном в пользу госорганов. Иначе говоря, партийно-правительственный симбиоз мог иметь доминанту не только в лице «руководящей силы», но и в виде формально властного органа. Именно так было в Украине при Раков-

³⁴¹ ЦДАВОВУУ. Ф. 4. Оп. 1. Од. зб. 652. Арк. 32, 55.

³⁴² ЦДАВОВУУ. Ф. 4. Оп. 1. Од. зб. 652. Арк. 8, 10.

ском. Вторгаясь в дела КП(б)У, сам этим грубо нарушая нормы международного общежития, Раковский посылал в соседние страны, особенно в Болгарию, партийных эмиссаров, которые в свою очередь пытались диктовать линию поведения болгарским коммунистам. В архивах имеются сотни документов, свидетельствующих о прямом участии украинского правительства и его главы в секретных подрывных операциях на Балканах.

Этот курс встретил недовольство и противодействие со стороны ЦК болгарской компартии. Секретарь ЦК этой партии Васил Коларов обратился еще в 1919 г. к Раковскому с жестким письмом, в котором требовал, чтобы тот прекратил посылку в Болгарию эмиссаров с мандатами Коминтерна, которые только вредили, по мнению Коларова, деятельности БКП.³⁴³ Еще более внушительный демарш последовал в декабре 1920 г.: из Вены передали, что «Центральный Комитет Болгарской коммунистической партии просит сообщить тов. Раковскому, чтобы он не посылал в Болгарию никаких товарищей с мандатами от III Интернационала без извещения об этом Исполкома III Интернационала и Центрального Комитета Болгарской коммунистической партии».³⁴⁴

Пристальное внимание к Болгарии Раковский проявлял и в следующие годы, о чем свидетельствуют многочисленные аналитические доклады о положении на Балканах, со-

³⁴³ Там же. Ф. 2. Оп. 1. Од. зб. 765. Арк. 68–70.

³⁴⁴ Там же. Арк. 71.

хранившиеся в архивных фондах Совнаркома и Наркоминдела Украины.

Прилагались усилия для установления нормальных межгосударственных отношений Украины с прибалтийскими государствами. Сохранилась телеграмма Раковского, адресованная заместителю наркома иностранных дел России Л. М. Карахану от 15 декабря 1920 г., но предназначенная для передачи украинским деятелям Э. И. Квириргу и А. Я. Шумскому, находившимся в Риге: «Ожидаю результаты ваших поступков (имелось в виду: действий; здесь у Раковского болгаризм; в рукописях его статей и письмах болгаризмы встречаются довольно часто. – *Авт.*) перед правительством Латвии, а также перед представителями других балтийских государств, находящихся в Риге, относительно установления нормальных политических и экономических отношений между УССР и вышеупомянутыми республиками... По поручению съезда советов я буду в Москве и рассчитываю получить там более полные сведения от товарища Шумского». ³⁴⁵

Х. Г. Раковский поддерживал также связи с российскими представителями в главных европейских странах и с общественными деятелями этих стран. Описи дипломатических пакетов, поступавших в Харьков, изобилуют указаниями на адресуемые ему послания из Берлина, Лондона, Рима, Стокгольма и других европейских столиц.

³⁴⁵ ЦДАВОВУУ. Ф. 4. Оп. 1. Од. зб. 628. Арк. 7.

Явно «конфедералистская» позиция Раковского по вопросу о международных связях Украины была проявлением его общей, постепенно зревшей концепции необходимости признания национальных и государственных прав советских республик в качестве субъектов международных правоотношений, которая входила во все большее противоречие с позицией большинства в ЦК РКП(б). Насколько можно понять из имеющихся скудных документов, Ленин при этом занимал некую промежуточную, центристскую позицию, хотя, по существу дела, был значительно ближе к великодержавному курсу Сталина, Дзержинского, Орджоникидзе и других, нежели к «конфедералисту» Раковскому.

Неудивительно, что в 1922 г., во время подготовки к юридическому оформлению объединения советских республик, Раковский впервые стал оппонировать курсу большинства. Столкновение это было непосредственно связано с функционированием внешнеполитических ведомств. В начале января 1922 г. в Наркоминделе РСФСР возникла идея объединения других советских республик с РСФСР в качестве автономных, на началах их вхождения в РСФСР. 26 января была образована комиссия ЦК в составе И. В. Сталина, Г. В. Чичерина и Х. Г. Раковского, которая должна была провести ликвидацию наркоматов иностранных дел советских республик, кроме, естественно, РСФСР, а затем подготовить официальное вхождение республик в состав России.

Неожиданно эта идея встретила острую оппозицию Ра-

ковского. Он беседовал с Лениным, Троцким, Сталиным, возражал как против упразднения внешнеполитических ведомств республик, так и против ликвидации хотя бы формально суверенных государств. 28 января он направил членам Политбюро письмо, содержащее развернутую программу взаимоотношений республик в свете новой экономической политики и международных отношений на основе сохранения их независимости. Следуя этой линии, Наркоминдел Украины подготовил обширный меморандум (февраль 1922 г.) к обсуждению вопроса о возможном объединении республиканских внешнеполитических ведомств, в котором показывал нецелесообразность этой необдуманной и причиняющей республикам вред акции.³⁴⁶

Комиссия ЦК осталась мертворожденной. Она так ни разу и не собралась. А 22 февраля, как бы подводя черту под этим планом, полномочные представители Украины, Белоруссии, Азербайджана, Армении, Грузии, Бухары, Хорезма и Дальневосточной республики подписали в Москве протокол о предоставлении РСФСР права защищать их интересы на конференции в Генуе.³⁴⁷

Впрочем, через несколько месяцев пресловутый вопрос об автономизации был поставлен вновь, причем на этот раз набиравшим силу и сосредоточившим уже в своих руках огромную власть Сталиным, ставшим весной 1922 г. гене-

³⁴⁶ ЦДАВОВУУ. Ф. 4. Оп. 1. Од. зб. 57. Арк. 14–15.

³⁴⁷ Известия ЦК КПСС. 1991. № 3. С. 171, 180.

ральным секретарем ЦК РКП(б). Эта тема связана с другим направлением жизни и деятельности Х. Г. Раковского, и на ней мы остановимся подробно ниже.

Пожалуй, трудно найти сферу государственной деятельности, в которой не принимал бы активного участия Х. Г. Раковский как председатель Совнаркома Украины. Одно только перечисление должностей заняло бы полстраницы. Безусловный вклад внес Раковский в попытки решения социальных проблем – ликвидации безработицы, беспризорности детей, борьбы против алкоголизма. По мере своих сил он стремился способствовать здравоохранению,³⁴⁸ культуре, музейной сфере,³⁴⁹ обновлению коммунального хозяйства. Он был инициатором принятия в мае 1922 г. декрета Совнаркома республики «Об охране зеленых насаждений в городах и других населенных пунктах Украины», которым в правовом порядке ставились проблемы защиты зелени от преднамеренных повреждений и вводились разные меры наказания за варварское отношение к живой природе.

Раковский, естественно, шел навстречу просьбам своих друзей, особенно в высшем эшелоне советской номенклатуры. Несколько раз с личными просьбами к нему обра-

³⁴⁸ Державний архів Харківської області (далее ДАХО). Ф. 203. Оп. 1. Од. зб. 906. Арк. 12, 20.

³⁴⁹ Фонд протоколов заседаний и декретов Совета народных комиссаров Украины сохраняет ряд записей и постановлений, связанных с сохранностью музейных ценностей в Украине, за подписью Х. Г. Раковского (ДАХО. Ф. 203. Оп. 1. Од. зб. 906).

щался Л. Д. Троцкий. Дважды он ходатайствовал по поводу судьбы своих родственников Шпенцеров, живших в Одессе, где глава семьи занимался издательским бизнесом (в детстве Лев Давидович, обучаясь в Одесском реальном училище, несколько лет жил в этой семье). В 1919 г. глава семьи М. Шпенцер был арестован местными чекистами. Троцкий просил Раковского в июле того же года вмешаться в это дело, уверяя, что арестовали, конечно, предпринимателя, но «культурного и вполне достойного человека».³⁵⁰ Шпенцер, разумеется, был освобожден. Через два года Троцкий обращался к Раковскому с новой просьбой – оказать Шпенцерам материальную помощь, вновь гарантируя их честность и искренность.³⁵¹ Так немало проблем решалось на уровне личных знакомств и прошлых связей, чего не был лишен, да и не мог быть лишен Христиан Георгиевич, остававшийся, несмотря на внешнюю свою коммунистическую принципиальность, прежде всего живым человеком.

1919–1923 годы дали Христиану Георгиевичу Раковскому важный политический опыт руководства крупным государством в экстремальных внешних и внутренних условиях. Перипетии событий не могла предусмотреть никакая теория. Действуя во многом эмпирически, Раковский не раз допускал не просто серьезные ошибки, а увлекался, по существу

³⁵⁰ РГВА. Ф. 33897. Оп. 2. Ед. хр. 32. Л. 247.

³⁵¹ Там же. Оп. 1. Ед. хр. 450. Л. 223. Шпенцеры были родителями Веры Инбер, ставшей позже известным советским поэтом.

дела, преступными диктаторско-административными методами и, главное, всецело оставался во власти мессианских утопических установок большевиков. На нем в полной мере лежала ответственность за кровавые репрессии «красного террора» и заложничества. Но, стремясь быть искренним перед самим собой и своими коллегами, Раковский не упорствовал в конкретных ошибках, а под напором реальностей подчас даже отходил от крайних догматов. Отстаивая в принципе «красный террор» в своих устных и печатных выступлениях и даже в переписке, он немало сделал для ограничения его применения на практике. Украинский опыт 1919–1923 гг. был исключительно важен для формирования в будущем оппозиционных концепций Х. Г. Раковского и его мужественной борьбы против сталинщины.

В Харькове Раковский смог не только деятельно руководить государственными делами, но и свить семейное – полуболгарское-полурумынское гнездо. Немалую роль в этом сыграли его жена Александрина и приемная дочь Елена. Христиану удалось организовать приезд в украинскую столицу своей сестры Анны с сыном Валерьяном, который родился в 1902 г. в тюрьме, когда его мать отбывала наказание за участие в революционной деятельности. Валерьян записался в Красную армию, а его мать занялась агитационно-пропагандистской работой среди болгарского населения Украины, а затем включилась и в украинскую издательскую деятельность, став основательницей литературно-художественной деятельности.

жественного издательства.

6. Генуя и Лозанна

К 1922 г. Х. Г. Раковский рассматривался в советской государственной и партийной элите как один из наиболее видных дипломатов. Высокому мнению о Раковском как о дипломате способствовали его первые дипломатические акции – переговоры с Румынией и Украиной, деятельность в качестве наркома иностранных дел УССР.

Х. Г. Раковский относился к той части советских деятелей, которая считала необходимой нормализацию отношений России и других советских республик со странами Европы и Соединенными Штатами. Отлично понимая, что включение России в европейские структуры невозможно без удовлетворения некоторых принципиальных требований западных государств, он, как и некоторые другие политики (Г. В. Чичерин, Л. Б. Красин), считал возможным достижение компромиссов, хотя и отстаивал незыблемость советских социально-экономических и политических основ.

Весьма показательны в этом смысле документы, связанные с обсуждением в руководящих партийных и государственных кругах вопросов тактики советской делегации на международной экономической конференции, которая созывалась в апреле 1922 г. в итальянском городе Генуе и участие в которой стало первым выходом Советской России на общеевропейскую арену. В связи с предполагаемым сове-

щением по вопросу об участии в Генуэзской конференции Раковский подготовил обширный меморандум, который направил Ленину, Троцкому, Чичерину и другим руководящим лицам. К сожалению, документ не датирован, и можно лишь предположить, что написан он был в марте 1922 г. Подтверждением этого может служить данное еще 22 января задание Ленина – каждому члену делегации к 23 марта разработать подробный план переговоров.³⁵²

В документе высказывалось мнение, что «органические основы» советского строя (национализация земли, государственная промышленность, монополия внешней торговли, государственная суверенность и существующий политический строй) не подлежат обсуждению. Раковский признавал, что из этого исходят фактически и сами организаторы конференции. Чувствуя, впрочем, известную догматизацию такой линии, автор документа ссылаясь на «соображения международного партийного характера». В то же время он трезво предрекал, что в Генуе не удастся добиться ни полного признания, ни займов и кредитов, что это будет лишь промежуточный этап, который создаст условия и для признания Советской России рядом государств, и для сделок с крупным капиталом в непосредственных переговорах с его группами. Он считал необходимым использовать различия в отношении к России со стороны отдельных государств, углубить их, полагая, что обстановка в этом смысле складывается благо-

³⁵² Ленин В. И. Сочинения. Изд. 5-е. М., 1975. Т. 54. С. 134.

приятно. Тщательно избегать того, что может сплотить общий фронт против нас, иначе лучше совсем не ехать на конференцию, уверял Раковский.³⁵³

Соображения Х. Г. Раковского в значительной мере были учтены при подготовке советской делегации к поездке в Геную.

Еще до того, как Х. Г. Раковский написал этот документ, в январе 1922 г. начала работу советская партийно-государственная комиссия по подготовке к Генуэзской конференции, в которой обсуждались все возможные варианты предстоявших переговоров, повороты в дискуссиях, предложения и контрпредложения, которые могли возникнуть. На ее первом заседании Раковский не присутствовал. 26 января он принял участие в комиссии, но на следующих заседаниях вновь не был, так как каждый раз (заседания проходили ежедневно или через день³⁵⁴) приезжать в Москву из Харькова он не имел возможности.

Отсутствие Раковского на февральских заседаниях подготовительной комиссии было связано не только с работой в Харькове, но и с его поездкой в Германию и Чехословакию для неофициальных бесед с государственными деятелями этих стран. Поездка не была секретной, как полагают неко-

³⁵³ Архив внешней политики Российской Федерации (далее АВП РФ). Ф. 28 (фонд содержит личные документы ряда видных советских дипломатов, в том числе Х. Г. Раковского). Оп. 1. Ед. хр. 59577. Л. 16–17.

³⁵⁴ Там же. Ед. хр. 59573. Папка 9. Л. 12, 35, 41, 117, 156, 166.

торые авторы, но была представлена как не носившая общеполитического характера. Накануне отъезда из Харькова Раковский в интервью корреспонденту украинской газеты заявил, что едет по торговым делам, чтобы, в частности, ускорить закупку посевного материала.³⁵⁵ Но предполагавшийся краткий визит в Берлин затянулся, и Раковский то ли спонтанно, то ли в соответствии с заранее намеченным планом провел ряд важных встреч и бесед.

Достоверных данных о миссии Раковского в распоряжении исследователей нет – они все еще таятся в сугубо секретных архивных фондах (если вообще сохранились), хотя для этого нет никаких оснований. О миссии впервые написал французский биограф Раковского Франсис Конт, собравший лишь косвенные свидетельства. Не располагая другими источниками, мы кратко изложим версию Конта, на наш взгляд заслуживающую доверия.

В задачу Раковского входило установить контакт с ответственными государственными деятелями Германии и западными дипломатами, находящимися в Берлине, выяснить возможности нормализации германо-советских отношений, наметить пути использования противоречий между капиталистическими государствами в интересах советской внешней политики. Уже 2 февраля Раковский отправил в Москву обширную памятную записку, где сообщал об обстановке в Европе и намечал план экономического сотрудничества с

³⁵⁵ Вісті ВУЦВК. 1922. 30 січня; Пролетарий. 1922. 28 января.

Германией, но в совокупности с заключением и Россией, и Германией соответствующих договоров с Францией.³⁵⁶

В Берлине Раковский стал искать контактов с влиятельными французскими деятелями. Ему удалось встретиться с журналистом Жюлем Сайервейном, сотрудником газеты «Матен», который выполнял неофициальные поручения премьер-министра Франции Раймона Пуанкаре. Казалось, что начавшиеся переговоры могут дать позитивный результат. 22 февраля в «Матен» появилось интервью Раковского, который довольно правдиво рассказал о положении Советской России, подчеркнув тенденцию к нормализации хозяйственной жизни – оживление местной экономической деятельности, борьбу против бандитизма и т. п. В то же время акцентировалось внимание на том, что Россия не допустит, чтобы ее третировали, как колонию. Контакты на более высоком уровне установить не удалось.

Поездка в Берлин показала, что в стремлении использовать противоречия между ведущими капиталистическими государствами Советской России необходимо ориентироваться прежде всего на развитие взаимоотношений с Германией.

Что же касается поездки в Чехословакию, то о ней вообще достоверных данных нет.

Возвратившись из-за границы, Х. Г. Раковский в конце февраля – начале марта 1922 г. вновь принял участие в

³⁵⁶ *Конт Ф.* Указ. соч. С. 49.

нескольких заседаниях комиссии по подготовке Генуэзской конференции. «Мы должны явиться на конференцию, уже опубликовав предварительный план», – говорил он. Он полемизировал с Л. Б. Красиным, полагавшим, что заем надо брать только на восстановление сельского хозяйства. Нет, считал Раковский, займы нужны также на восстановление транспорта и промышленности. При этом государство должно было дать гарантию, что зарубежные средства не пойдут на Красную армию, на интернациональную агитацию, даже на содержание государственного аппарата. Однако какие-либо формы иностранного контроля за расходованием средств отвергались. Предложения Раковского вошли в постановление комиссии.³⁵⁷

6 марта Раковский был особенно активен. На заседании комиссии он предложил «произвести работу по отысканию в истории революций (Французской и других) периодов, когда конфискации применялись правительствами к целым категориям граждан, классам, особенно иностранцам». Это предложение, ставившее целью найти прецеденты для переговоров в Генуе, было встречено с интересом, и Институту экономики было поручено провести такую работу. При рассмотрении вопроса о встречных требованиях и о пассиве России он предложил определить коэффициенты падения курса ценных бумаг промышленных предприятий России до революции и учесть их при общем подсчете возможного дол-

³⁵⁷ АВР РФ. Ф. 28. Оп. 1. Ед. хр. 59574. П. 9. Л. 48–51.

га. И это предложение было учтено. Раковский выступил с сообщением «о важности правильной постановки вопроса о бюджете». По этой теме завязалась дискуссия. Раковский говорил: «Когда мы станем на конференции добиваться вопроса о государственном займе, то сейчас же встанет самым серьезным образом вопрос о тех обыкновенных обеспечениях, которые ставятся при всяких займах. Таким обеспечением у чехословаков является алкоголь. По государственной смете идет такая-то статья, она публичная, она проходит через парламент, она служит действительным обеспечением».

Как видим, оратор размышлял, что же может стать таким обеспечением в условиях советского режима с его отсутствием парламентаризма и гласности. Он весьма скептически отнесся к мнению о возможности использования концессий в качестве обеспечения займа, так как они не могут быть точно определены по своим объемам и последствиям и «вызовут невероятные требования со стороны тех, кто будет давать заем». Концессия может рассматриваться как помощь промышленности, но не в финансовом смысле. Раковский полагал, что гарантией займов с советской стороны могут служить налоги на спички, соль, табак, сахар, керосин и другие товары, а также, и это было главным, «строго определенный порядок прохождения смет», то есть упорядоченный государственный бюджет.³⁵⁸

Еще почти за полтора месяца до этого, 27 января 1922 г.,

³⁵⁸ Там же. Л. 93–100.

чрезвычайная сессия ВЦИК РСФСР утвердила состав советской делегации, которая должна была участвовать в европейской экономической конференции в Генуе. В состав делегации вошли В. И. Ленин (руководитель), Г. В. Чичерин (заместитель руководителя), Л. Б. Красин, М. М. Литвинов, В. В. Воровский, А. А. Иоффе, Я. Э. Рудзутак, Т. В. Сапронов, А. Г. Шляпников и представители республик Х. Г. Раковский (Украина), Н. Нариманов (Азербайджан), П. Г. Мдивани (Грузия), Ф. Ходжаев (Бухара), А. А. Бекзадян (Армения), Я. Д. Янсон (Дальневосточная республика).³⁵⁹ В связи с тем, что протокол конференции предусматривал участие лишь пятичленной делегации, официальный мандат на переговоры был выдан Чичерину, Иоффе, Красину, Литвинову и Раковскому.

Члены делегации были действительно способными политическими деятелями, а часть из них – Раковский относился к их числу – уже имела существенный дипломатический опыт. О том, что Х. Г. Раковский в представлениях высшего политического руководства России относился к первой пятерке дипломатов, свидетельствует любопытное предложение Ленина, внесенное 24 февраля и утвержденное 28 февраля 1922 г.: «На случай болезни или отъезда т. Чичерина (как видно, Ленин с самого начала не собирался ехать в Геную! – *Авт.*) его права передаются по очереди одной из двух

³⁵⁹ *Советско-германские отношения: Сборник документов. 1919–1922. М., 1971. Т. 2. С. 424–426.*

троек: а) Литвинов, Красин, Раковский. б) Литвинов, Иоффе, Воровский». ³⁶⁰

Х. Г. Раковский возвратился к исполнению своих государственных функций в Украине лишь на две с половиной недели. 9 марта он выступил на заседании Политбюро ЦК КП(б)У с информацией о своей дипломатической деятельности. По решению Политбюро 12 марта в харьковском театре «Миссури» состоялось собрание местной элиты, на котором был заслушан доклад Раковского о международном положении советских республик накануне конференции в Генуе. Докладчик высказал мнение, что к предстоящей конференции надо относиться с осторожностью и скептицизмом, ибо она будет исходить из нерушимости Версальской системы, из тех договоров, которые диктуют волю победителей в мировой войне. Раковский заявил: «Когда мы явимся на конференцию, мы заявим: конечно, вы не можете согласиться с общей коммунистической программой, мы не собираемся делать вас коммунистами, но мы говорим вам, как деловые люди: у вас стоят заводы и фабрики, у вас колоссальная безработица в силу перепроизводства, у нас – разруха, отсутствие материалов, сельскохозяйственных орудий, машин, у нас громадные богатства, где вы могли бы применить ваших инженеров и других специалистов». ³⁶¹

27 марта советская делегация специальным поездом че-

³⁶⁰ Ленин В. И. Сочинения. Т. 44. С. 406.

³⁶¹ Вісті ВУЦВК. 1922. 14 березня; Пролетарий. 1922. 14 марта.

рез Ригу и Берлин отправилась в Геную. Вместе с Христианом Георгиевичем поехала его жена Александрина, которая рассматривала поездку в Италию не только как развлечение (без этого дело не обходилось), но и как возможность с позиции наблюдательного журналиста бросить взгляд на конференцию, а при необходимости дать советы своему мужу.

В Риге 29–30 марта состоялись встречи с представителями правительств Латвии, Эстонии и Польши и была достигнута договоренность о нормализации экономических отношений в Восточной Европе, а также о совместных действиях в Генуе для реализации этой задачи. 1 апреля делегация прибыла в Берлин, где несколько дней шли переговоры с германскими государственными деятелями, являвшиеся продолжением переговоров Раковского двумя месяцами раньше. Хотя они не завершились подписанием договора о нормализации отношений и об отказе от взаимных претензий, было договорено о продолжении контактов в Генуе.

Генуэзская конференция началась 10 апреля. Делегации разместились в курортных пригородах. Резиденцией советской делегации стал отель «Палаццо Имперiale», расположенный между местечками Санта-Маргарита и Рапалло, территориально относившийся к Санта-Маргарите. Не только на участников конференции, но и на жителей итальянского приморского города произвел впечатление советский дипломат Раковский, который совершенно естественно, как будто он давным-давно к этому привык, появлялся на публи-

ке в черных брюках в белую полосу, высоком цилиндре, небрежно держа в руке белые шелковые перчатки.³⁶²

О самой Генуэзской конференции многое известно, о ней есть немало специальных работ. Но в этих работах почти полностью игнорируется деятельность одного из членов официальной пятерки Х. Г. Раковского. Попытаемся проследить его работу в Генуе.

В связи с тем, что, как уже говорилось, в Генуе каждая страна получила право иметь лишь по пять официальных делегатов, часть советской делегации пришлось превратить в «технический персонал» – они занимали места позади официальных делегатов, которые ранжировались так: Чичерин, Раковский, Литвинов, Красин, Иоффе.³⁶³ Так Раковский превратился во второе лицо советской делегации.

Х. Г. Раковский стремился получать как можно более подробную информацию о позиции государств, их аргументации, переговорах и других контактах вне официальных заседаний. Как и для других делегатов, необходимые материалы для него подготовлялись экспертами, в частности видными специалистами-международниками Ю. В. Ключниковым и Н. Н. Любимовым. Среди них – подробные расчеты, связанные с советскими контрпретензиями, справка о сокращении населения России в результате мировой и гражданской

³⁶² *Fischer L. Russia's Road from Peace to War: Soviet Foreign Relations, 1917–1941. New York, 1969. P. 98.*

³⁶³ Правда. 1922. 23 апреля.

войн и т. д.³⁶⁴ Раковский изучал газетные обзоры, советские и зарубежные документы, связанные с конференцией.³⁶⁵

В ворохе разнообразной информации он обратил особое внимание на полученное в начале мая сообщение из Софии об обысках и арестах в Болгарии русских белых офицеров, уличенных в создании недозволенных организаций и хранении оружия.³⁶⁶ Эти сведения вскоре пригодились в переговорах с председателем Совета министров Болгарии А. Стамболийским.

7 апреля датирован первый протокол заседания советской генуэзской делегации, происходившего в Санта-Маргарите. Присутствовали не только члены официальной делегации, но и другие лица – Л. С. Сосновский, Е. А. Преображенский. Однако Раковского среди них не было. На заседании были распределены обязанности, хотя делалась оговорка: «Окончательное распределение будет произведено после приезда тт. Красина и Раковского».³⁶⁷ Оговорка свидетельствует, что Раковский и Красин прибыли в Геную позже основной части делегации – видимо, завершив переговоры, начатые в Берлине.

На следующем заседании 9 апреля Раковский и Красин уже присутствовали. Раковский участвовал в обсужде-

³⁶⁴ АВП РФ. Ф. 28. Оп. 1. Ед. хр. 59578. П. 9. Л. 72–158.

³⁶⁵ Там же. Ед. хр. 59575. П. 9. Л. 33.

³⁶⁶ Там же. Л. 54.

³⁶⁷ Там же. Л. 34.

нии проекта приветственной речи и других вопросов.³⁶⁸ Сохранилась датированная этим же днем записка Чичерина: «Многоуважаемый Христиан Георгиевич, Ваш план рассчитан на 3-часовую лекцию. Мы не можем этого делать из приветственной речи. Остальные Ваши замечания были приняты во внимание».³⁶⁹ Сохранился и протокол заседания, на котором обсуждался проект ответного меморандума, составленный Раковским. Речь шла об ответе на меморандум западных держав от 2 мая, являвшемся новым вариантом меморандума экспертов Великобритании и Франции, подготовленного накануне конференции и выдвигавшего предварительные условия для заключения с Советской Россией соглашения о кредитах и экономических связях: признание долгов, возвращение национализированной собственности иностранцев или компенсация за нее, отмена монополии внешней торговли, неподсудность иностранцев советскому суду. Протокол дает представление о тщательной работе, проделанной Раковским.

Впрочем, дипломатам несвойственно было хвалить друг друга. Внимание сосредоточивалось на недостатках, путях совершенствования документа. Чичерин считал, что меморандум составлен «не совсем хорошо во всех его частях. Первая часть составлена блестяще, остальная гораздо хуже. Пункт о революционной пропаганде – совсем нехорошо». Чиче-

³⁶⁸ Там же. Л. 36.

³⁶⁹ Там же. Л. 38.

рин предлагал переделать пункт о мелких держателях русских ценных бумаг, подчеркнув, что при достижении соглашения они получают компенсацию. «Необходимо, – написал Чичерин, – также подчеркнуть (это недостаточно изложено у Раковского) принцип равенства двух миров, о чем свидетельствует шифровка ЦК, и указать на недопустимость навязывания на нашей территории капиталистических принципов». В свою очередь Л. Б. Красин счел, что проект Раковского преувеличивает значение иностранных кредитов для России и что недопустимо открыто указывать, что делегация отказывается от контрпретензий. М. М. Литвинов, соглашаясь с Чичериным в необходимости реагировать на то, что меморандум от 2 мая – это отступление от договоренностей с Англией и Францией, указал на необходимость четко обозначить в ответе возвращение и советской делегации к прежним позициям³⁷⁰

³⁷⁰ АВП РФ. Ф. 28. Оп. 1. Ед. хр. 59575. П. 9. Л. 129.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.